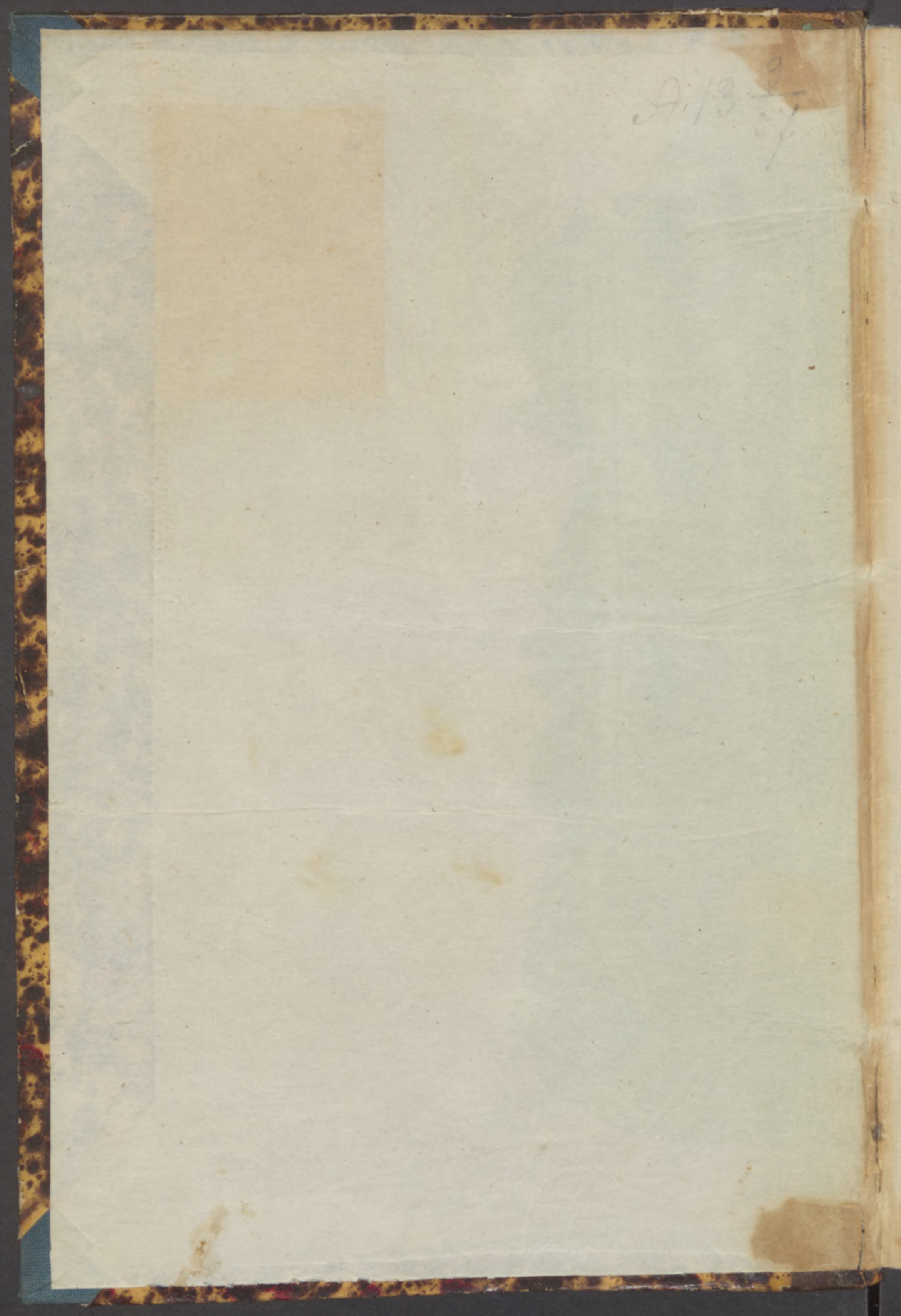

СОЮЗЪ РОДСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

у древнихъ Германцевъ и Славянъ.

Сергѣя Шпилевскаго.

КАЗАНЬ.
Въ Университетской Типографіи.
1866.

СОЮЗЪ РОДСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

У ДРЕВНИХЪ ГЕРМАНЦЕВЪ И СЛАВЯНЪ.

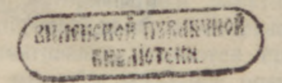
ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Сергѣя Шпилевскаго.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1866.

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета за 1864 годъ.

Вопросъ о родовомъ бытѣ, какъ первоначальной формѣ общежитія, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи: первоначальный, естественный, кровный бытъ опредѣлялъ многія общественныя отношенія, которыя, получивши начало въ первичную эпоху, жили и позднѣе, въ періодъ общинный и государственный, отражая на себѣ условія изстариннаго, родственнаго быта. Всѣ народы начинали съ кровнаго быта, въ этомъ никто не сомнѣвается, но вопросъ только въ томъ, какъ долго для того или другаго народа продолжались условія этого быта, скоро ли они смѣнялись началами другихъ высшихъ формъ общежитія. Въ приложеніи этого вопроса къ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ представители науки несогласны между собою. Извѣстны споры объ этомъ въ русской исторической литературѣ, а также и въ германской наукѣ: одни видятъ ясное проявленіе началъ родоваго быта изъ первоначальной исторіи славянскихъ и германскихъ народовъ и долгое вліяніе этихъ началъ въ позднѣйшіе періоды развитія этихъ народовъ; другіе не замѣчаютъ ихъ, обращаютъ вниманіе только на позднѣйшія, сложившіяся помимо вліяній родственнаго быта; понятію о «Geschlechtsverband», какъ первичной основѣ древнѣйшаго быта, противополагаютъ «Markgenossenschaft» (родственный союзъ и территоріальный).

Давно занимаясь этимъ основнымъ историческимъ вопросомъ, мы пришли къ убѣжденію, что должно не противополагать этихъ основъ, а сопоставлять одну другой, какъ древнѣйшую позднѣйшей; въ первой необходимо видѣть начало второй; за тѣмъ, не отвергая господства началъ позднѣйшаго быта, не оставлять безъ вниманія основаній древнѣйшаго общежитія. Настоящее изслѣдованіе мы начинаемъ съ доказательствъ того, что первоначальная форма общежитія, засвидѣтельствованная древнѣйшими историческими памятниками германцевъ и славянъ, была уже не первичная, исключительно родовая: германцы и славяне, по этимъ памятникамъ, являются среди общественныхъ союзовъ, соединявшихъ въ себѣ отдѣльные роды.

Но вмѣстѣ съ этимъ продолжается и господство основныхъ, родственныхъ началъ быта, онѣ вліяютъ на общественную и государственную организацію, это, напр. выражается въ союзѣ родственной защиты отъ внѣшнихъ нападеній; въ этомъ отношеніи родственный союзъ является съ автономіею и собственными силами для своей охраны. Сама община и позднѣе государство поддерживаютъ такое значеніе родственныхъ союзовъ, подтверждаютъ за ними такія права самодержавія, впрочемъ постоянно отстраняя все то, что несовмѣстно съ началами высшаго, сравнительно съ родомъ, единенія. Самолюбивые интересы одного рода, противоположные интересамъ общественнымъ и государственнымъ, уже не терпимы; а мало по малу сила и значеніе родственныхъ союзовъ все болѣе и болѣе отходятъ на задній планъ, само государство своими средствами даетъ для всѣхъ общую охрану и защиту; перестаетъ быть такъ называемая государственная самостоятельность семьи (Staatsunmittelbarkeit der Familie).

Мы разсматриваемъ выбранный нами предметъ сравнительно, по историческимъ памятникамъ славянскихъ и германскихъ народовъ, потому что особенно для уясненія началъ древнѣйшаго быта, необходимо сравнительное изученіе; безъ него невозможно ясное пониманіе явленій быта отдѣльной народности: тогда всѣ народности близко стоятъ одна къ другой по общественному развитію, управляются общими началами, потому что живутъ при одинаковыхъ условіяхъ быта, порождающихъ одинаковыя потребности и образъ воззрѣній, поэтому явленія быта одной народности дополняются и объясняются явленіями другой.

Представляя общественному суду свой трудъ, мы просимъ указать наши ошибки и недостатки; это необходимо для насъ особенно по тому, что при бѣдности, или лучше сказать, при отсутствіи историко-юридической литературы, занимающейся сравнительнымъ изученіемъ правъ славянскихъ и германскихъ народовъ, у насъ не было руководящаго, авторитетнаго сочиненія, намъ пришлось въ первый разъ сопоставлять явленія германскаго и славянскаго быта въ такихъ подробностяхъ, какъ это представляется въ настоящемъ изслѣдованіи. Кромѣ того для насъ важны совѣты и указанія въ интересахъ послѣдующаго, нами приготовляемаго труда, который относится къ той-же сферѣ права и отличается тѣмъ-же методомъ: «О родовыхъ и семейныхъ властяхъ у древнихъ германцевъ и славянъ».

Источниками настоящаго труда были важнѣйшія изслѣдованія по исторіи права нѣмецкой, французской, русской и другихъ славянскихъ литературъ. Сюда принадлежатъ во-первыхъ важнѣйшіе труды по исторіи германскаго или славянскаго права вообще, таковы:

Eichhorn—Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, 5 изданіе.
Grimm—Deutsche Rechtsalterthümer.
Waitz—Deutsche Verfassungsgeschichte.
Walter—Deutsche Rechtsgeschichte, 2 изданіе, 1857.
Zöpfl—Deutsche Rechtsgeschichte, 3 изданіе, 1858.

Philipps—Deutsche Reichs-und Rechtsgeschichte, 4 изд. 1859.

Maciejowski—Historya prawodawstw Słowjanskich, 2 изданіе, а также и нѣмецкій переводъ съ перваго изданія этого сочиненія, представляющій часто много различія съ новымъ изданіемъ.

Jireček—Slovanské Právo v Čechách a na Moravě, 2 части 1863 и 1864.

Послѣднее, новѣйшее сочиненіе чешскаго ученаго г. Иречка, отличается многими учеными достоинствами и имѣетъ многія преимущества передъ извѣстнымъ трудомъ Маціейовскаго. Г. Иречекъ часто занимается и изложеніемъ чешскаго права, сравнительно съ другими правами, но въ противоположность Маціейовскому, онъ постоянно стоитъ на почвѣ фактической; онъ не страдаетъ тѣми недостатками, которые замѣчаются иногда у Маціейовскаго—бездоказательность или неестественность нѣкоторыхъ объясненій, филологическія и историческія натяжки. Трудъ г. Иречка особенно богатъ фактическою стороною и отличается особенною серьезностью изложенія. Мы слышали, что это сочиненіе переводится на нѣмецкій языкъ; для пользы европейской исторической науки, должно желать скорѣйшаго исполненія этого, потому что на чешскомъ языкѣ замѣчательный трудъ г. Иречка для многихъ недоступенъ.

Кромѣ такихъ общихъ сочиненій по исторіи права, мы пользовались и болѣе спеціальными, относящимися къ той или другой сферѣ права, преимущественно къ исторіи уголовнаго права, таковы:

Wilda—Das Strafrecht der Germanen.

Dubois—Histoire du droit criminel des peuples modernes.

Geib—Lehrbuch des deutschen Strafrechts, томъ 1-й (Geschichte).

Köstlin—Geschichte des deutscheu Strafrechts.

Rogge—Ueber das Gerichtswesen der Germanen.

Platner—Ueber die historische Entwickelung des deutschen Rechts, vorzugsweise des Privatrechts».

Разныя сочиненія по исторіи русскаго уголовнаго права, таковы труды г.г. Иванишева (1), Богдановскаго (2), Власьева (3), Ланге (4), Чебышева-Дмитріева (5) и другихъ; а также и по другимъ вопросамъ права, напр. о судопроизводствѣ, сюда принадлежитъ особенно замѣчательное сочиненіе г. Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій».

---

(1) «О платѣ за убійство».

(2) «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго».

(3) «О вмѣненіи по началамъ теоріи и исторіи русскаго уголовнаго права».

(4) «Объ уголовномъ правѣ Русской Правды».

(5) «О преступномъ дѣйствіи въ русскомъ, до-петровскомъ правѣ».

Мы не могли оставить безъ вниманія и важнѣйшихъ, спеціальныхъ исторій разныхъ европейскихъ государствъ, напр. Кембля (6), Лаппенберга (7), Дальмана (8), Гейера (9).

Вычислять всѣ другія, менѣе важныя для нашего предмета, изслѣдованія, а также разные сборники, брошюры и статьи, мы не считаемъ необходимымъ; названія ихъ читатель встрѣтитъ въ текстѣ и въ подстрочныхъ ссылкахъ, при изложеніи самаго предмета.

Наши положенія иногда представляютъ только повтореніе мнѣній или доказательствъ того или другаго авторитета науки, но при этомъ мы часто и сравниваемъ и противополагаемъ различныя мнѣнія и доказательства; мы постоянно старались провѣрять всѣ цитаты, исключая только тѣхъ, немногихъ рѣдкихъ изданій, которыхъ мы не могли достать въ Казани, только цитатами изъ нихъ мы пользовались изъ второстепенныхъ источниковъ.

Памятниками германскаго права мы пользовались по слѣдующимъ изданіямъ:

Для германскихъ народныхъ законовъ: Corpus juris germanici antiqui, изданіе Вальтера, а для нѣкоторыхъ и особенныя изданія, каковы напр. Вайтца: «das alte Recht der salischen Franken», Гауппа: «Recht und Verfassung der alten Sachsen», «das alte Gesetz der Thüringer».

Постановленія Меровинговъ и Каролинговъ по Pertz'у (Leges т. I-й и II-й).

Саксонское зерцало по изданію Гомейера; Швабское—Лассберга. Англосаксонскіе законы по изданію Шмида.

Важнѣйшими сборниками памятниковъ древне-славянскаго права были «Archiv Český», издаваемый Палацкимъ и «Jus Polonicum» Бандтке; наконецъ различныя изданія Археографической Коммисіи, Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ; а также и «Полное Собраніе Законовъ», конечно, были для насъ также важнѣйшими источниками.

21 декабря, 1865.

Казань.

---

(6) «Die Sachsen in England».

(7) «Geschichte v. England».

(8) «Geschichte v. Dännermark».

(9) «Geschichte Schwedens».

ВВЕДЕНІЕ.

I. Согласно со всѣми историческими памятниками и преданіями нельзя предполагать, чтобы человѣкъ когда нибудь жилъ совершенно изолированною личностью, или, чтобы онъ блуждалъ въ лѣсахъ, подобно животнымъ. Басни языческой древности о такомъ состояніи основаны, говоритъ Дюбуа, на вымыслахъ нѣкоторыхъ поэтовъ и ораторовъ временъ цивилизаціи, которые изображали картины варварства первыхъ людей, съ цѣлью возвыситъ заслугу геніевъ-цивилизаторовъ, давшихъ законы. Таковы, думаетъ Дюбуа (¹), мѣста у Цицерона De invent. Rhet. lib. I. 2 и de Orat. I. c. 8, у Горація Ars poet. v. 391, Виргилія Энеида, кн. VIII и проч. Изстаринныя, первоначальныя формы человѣческаго общежитія, внѣ которыхъ исторія не застала человѣка, были естественныя и кровныя, вслѣдствіе единства происхожденія, сознанія родства. Nam cum hoc sit natura commune animantium, говоритъ Цицеронъ, ut habeant lubidinem procreandi, prima societas in ipso conjugio, proxima in liberis; deinde una domus, communia omnia. Id autem est principium urbis et quasi semenarium reipublicae. (De officiis I. 17). Подобное повторяетъ знаменитый юристъ XVI столѣтія, Бодинъ: «familia seminarium est ac veluti rudimentum rerum omnium publicarum» (De republica lib. I. c. 2).

II. Къ этимъ положеніямъ о первоначальномъ состояніи формъ человѣческаго общежитія сами мы прибавимъ, что древніе памятники исторіи германцевъ и славянъ представляютъ ихъ живущими уже не по отдѣльнымъ родамъ и семьямъ, когда закономъ каждый считалъ только то, на что онъ имѣлъ силу, поддерживаемый своимъ родствомъ; когда выше такого тѣснаго родственнаго союза ничего не было; когда онъ

(¹) Histoire du droit criminel des peuples modernes, I. 9.

оставался замкнутымъ въ самомъ себѣ, не признавая надъ собой посторонней высшей власти.

Важнѣйшимъ представителемъ подобнаго воззрѣнія на догосударственный бытъ германцевъ можно считать Рогге, который издалъ въ 1820 году свое, можно сказать, знаменитое изслѣдованіе:» О судебномъ устройствѣ германцевъ» (Ueber das Gerichtswesen der Germanen): на это сочиненіе до сихъ поръ ссылаются новѣйшіе историки-юристы, оно имѣло много послѣдователей; но въ настоящее время большинство опровергаетъ сущность главнаго воззрѣнія, все таки, безспорно, талантливаго и ученаго Рогге. Онъ говоритъ, что германская свобода состояла въ томъ, что каждый свободный могъ дѣлать все то, на что была его воля и сила при помощи родныхъ и другихъ близкихъ ему. «Рука германца могла быть отражена болѣе сильною рукою его соперника, но никогда не могла быть удержана принудительною силою правительственной власти. Германцы свои споры могли рѣшать оружіемъ, они пользовались своею свободою при всякомъ оскорбленіи личности, чести и имущества, особенно при убійствѣ родственника: оскорбленный съ вооруженными родственниками и другими свободными, которые соединялись съ нимъ, преслѣдовалъ своего оскорбителя, пока не убивалъ его, или, по праву побѣдителя, не назначалъ произвольнаго удовлетворенія, если только противная сторона не имѣла довольно силы къ противодѣйствію и не освобождалась такимъ образомъ совершенно отъ всякаго наказанія. Во время такихъ частныхъ войнъ, продолжаетъ Рогге, обнаруживалось и значеніе германскаго семейнаго права: германская семья представлялась связью кровныхъ родственниковъ, для взаимной защиты и общей мести, соединеніемъ, которое имѣло много общаго съ народомъ: подобно двумъ народамъ, становились семьи, одна противъ другой; поэтому древне-германское уголовное право, по современнымъ понятіямъ, скорѣе можно сравнить съ правомъ международнымъ, чѣмъ уголовнымъ. Германскую свободу въ ея осуществленіи можно считать семейнымъ правомъ, подобно военной силѣ народа» ([2]).

Гейбъ, въ своей исторіи германскаго уголовнаго права, такъ формулируетъ возраженія, дѣлаемыя противъ Рогге: «изображае-

---

([2]) Ueber das Gerichtswesen der Germanen, стр. 1–5.

мый Рогге порядокъ--вымыселъ, не только не подтверждающійся сохранившимися до насъ историческими памятниками, но являющійся историческою невозможностью. При такомъ состояніи немыслимо образованіе государствъ и какое нибудь общественное устройство; а между тѣмъ мы знаемъ, что даже уже въ самое древнее, Тацитомъ изображаемое время, было то и другое; мы знаемъ, что германцы до начала переселенія, вмѣсто того, чтобы погибнуть отъ постоянной междоусобной борьбы, имѣли сравнительно очень правильныя государственныя и общественныя отношенія; главною обязанностью королей и отдѣльныхъ общинъ съ ихъ представителями считалось противодѣйствіе каждому нарушителю спокойствія и порядка или такъ называемаго земскаго мира (3).» Знаменитый историкъ германскаго уголовнаго права, Вильда, важнѣйшій противникъ Рогге, говоритъ, что неограниченный принципъ субъективности или понятіе о свободѣ, при чемъ каждый свободный можетъ дѣлать все то, что хочетъ и на что имѣетъ силу съ помощію родныхъ и другихъ близкихъ, долженъ быть по Рогге основаніемъ германскаго общежитія. Но общежитіе и такая свобода, замѣчаетъ Вильда, понятія столь несоединимыя, что не только, при принятіи такой свободы, отстраняется всякая возможность общежитія, но даже уничтожается самый источникъ, зародышъ, изъ котораго оно могло бы развиться (4).

Указывая на противниковъ Рогге, замѣтимъ, что они, выставляя въ голомъ видѣ его принципъ о германской свободѣ, при которомъ, дѣйствительно, немыслимо никакое общежитіе, опускаютъ другія положенія Рогге, которыя смягчаютъ односторонность его принципа: Рогге говоритъ и о томъ, что злостный убійца или разбойникъ никогда не могъ найти себѣ поддержки, противъ этого были народныя убѣжденія, потому что при каждомъ важномъ случаѣ всесильное общественное мнѣніе рѣшало приложимость и неприложимость мести; безъ этого самое право мести пришлось бы считать историческою ложью, потому что менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе тогда уничтожилось бы свободное народное устройство (5).

Рогге говоритъ только, что собственно споры о правѣ, т. е. вопросы о сущности и дѣйствіи правомѣрныхъ отношеній,

---

(3) Lehrbuch des deutschen Strafrechts v. Geib. I. 161, 162.

(4) Das Strafrecht der Germanen v. Wilda, 117.

(5) Rogge, стр. 4.

о собственности, о заключенномъ долгѣ, рѣшались всегда судебнымъ порядкомъ. Наконецъ онъ замѣчаетъ, что общественной власти предоставлялся доступъ къ имуществу свободнаго германца, но не къ лицу его, исключая только тѣхъ случаевъ когда онъ дѣйствовалъ измѣннически противъ цѣлаго народа, обвинялся въ трусости или въ противоестественномъ преступленіи, что клеймило его позоромъ (6). Здѣсь Рогге имѣлъ въ виду засвидѣтельствованныя Тацитомъ публичныя наказанія за нѣкоторыя преступленія: «licet apud concilium accusare quoque et discrimen capitis intendere. Distinctio poenarum ex delicto: proditores et transfugas arboribus suspendunt; ignavos et imbelles et corpore infames coeno ac palude, iniecta insuper crate, mergunt. Sed et levioribus delictis pro modo poena: equorum pecorumque numero convicti multantur. pars multae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur vel propinquis ejus exolvitur» (гл. 12). Такимъ образомъ Рогге указываетъ на такое мѣсто Тацита, которое свидѣтельствуетъ о власти общественной и даже королевской.

Намъ придется еще столкнуться съ Рогге, когда мы будемъ говорить о характеристикѣ мести у древнихъ германцевъ, о значеніи Fehderecht, а теперь мы обратимся къ анализу древнѣйшаго общественнаго и государственнаго устройства германцевъ и славянъ, самая сущность которыхъ обусловливала возможность и силу родственной защиты, составляющей главный предметъ нашего разсужденія.

Кромѣ приведеннаго мѣста Тацита, гдѣ интересы отдѣльной личности и ея родственниковъ противополагаются общинѣ и ея представителямъ (civitas и rex), мы можемъ указать и на другія подобныя мѣста у Тацита, напр. при испрошеніи воли боговъ противополагаются отцамъ семействъ жрецы общины; по различію общественнаго или частнаго дѣла, тѣ или другіе совершали гаданіе по древеснымъ кусочкамъ: гл. 10: «mox, si publice consuletur, sacerdos civitatis, sin privatim, ipse pater familiae, precatus deos coelumque suspiciens, ter singulos tollit, sublatos secundum impressam ante notam interpretatur.» О вольноотпущенныхъ Тацитъ говоритъ, что они рѣдко пріобрѣтали вліяніе въ семейныхъ дѣлахъ и никогда въ общественныхъ, исключая тѣ народы, которые управлялись королями: гл. 25 «liberti non multum supra servos

(6) Ibid.

sunt, raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus quae regnantur. ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt.» Наконецъ Тацитъ указываетъ и на тотъ торжественный моментъ, когда юноша, вмѣстѣ съ вооруженіемъ, становится членомъ общества, будучи до того только членомъ дома; и говоритъ при этомъ, что всякое дѣло общественное и частное германцы разбирали вооруженные, а вооруженіе зависѣло отъ общины: гл. 13 «nihil autem neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt. Sed arma sumere non ante cuiquam moris quam civitas suffecturum probaverit. tum in ipso concilio vel principum aliquis vel pater vel propinquus scuto frameaque juvenem ornant. haec apud illos toga, hic primus juventae honos; ante hoc domus pars videntur, mox rei publicae.»

III. Самые древнѣйшіе памятники исторіи славянъ застаютъ ихъ также въ общественныхъ союзахъ, которые соединяютъ въ себѣ отдѣльные роды; выше власти отдѣльныхъ родоначальниковъ и отцовъ семействъ было общинное вѣче, въ главѣ котораго является иногда князь.

О такомъ общественномъ устройствѣ древнихъ славянъ свидѣтельствуютъ и византійскіе историки и отечественные славянскіе памятники, каковы—пѣснь о судѣ Любуши и лѣтописецъ Несторъ. Прокопій говоритъ объ изстаринномъ (ab antiquo) народномъ устройствѣ славянъ: «et vero hi populi, Sclaveni inquam et Antae, non uni parent viro; sed ab antiquo in populari imperio vitam agunt: ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent». Преданія о княжнѣ Любушѣ представляютъ ее обсуждающею споръ двухъ братьевъ объ отцовскомъ наслѣдствѣ на снемѣ, на которомъ она собираетъ голоса «po narodu svemu.» На такіе снемы ходили родовые представители, для пользы своихъ родовъ:

I umre li glava čeliedina
Děti vsie tu sboziem v jedno vladu,
Vladyku si z roda vyberuce,
Ky pl'znie dlie v sniemy slavny chodi.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству этого отрывка изъ какой-то древней чешской пѣсни, представители отдѣльныхъ родовъ соединялись на общественныхъ сходкахъ. О племенныхъ вѣчахъ у полянъ упоминаетъ Несторъ до призванія Рюрика: когда козары потребовали у полянъ дани «съду-

мавше поляне и вдаша оть дыма мечь» (7). Общественное устройство древлянъ во времена Игоря можно считать древнѣйшимъ, а по свидѣтельству Нестора, тогда цѣлое племя древлянъ составляло общественный союзъ, который совѣщался вмѣстѣ съ княземъ своимъ: древляне, услыхавши, что къ нимъ опять идетъ Игорь за данью «сдумавше со княземъ своимъ Маломъ», рѣшили убить Игоря; по убіеніи его «рѣша же древляне: се князя убихомъ рускаго: поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хощемъ». Посланные отъ древлянъ къ Ольгѣ говорятъ: «посла ны дерьвьска земля» (8). Такимъ образомъ цѣлая древлянская земля составляла общественную единицу, въ которой соединялись отдѣльные семейно-родовые союзы.

Справедливо замѣчаетъ г. Кавелинъ, что хотя въ незапамятныя времена роды и семьи были у насъ единственными общинами, что эти родовыя, патріархальныя общины ни чѣмъ не были тогда связаны между собою, и не имѣли однѣ къ другимъ никакихъ правильныхъ, постоянныхъ отношеній, но письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ времени. Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всею свѣжестью живаго преданія. Во всѣхъ обрядовое, церемоніальное сватовство, которому обыкновенно предшествуютъ предварительные, неоффиціальные сговоры и условія, представляетъ людей, пріѣхавшихъ издалека, въ незнакомую сторону, въ которой и ихъ никто не знаетъ. Они просятъ у родителей невѣсты, къ которымъ зашли нечаянно, позволенія отдохнуть послѣ долгаго пути. Эта тема разнообразится въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Все это Кавелинъ считаетъ доказательствомъ, и самымъ очевиднымъ, того, какъ первоначальныя общины, въ незапамятныя времена жили разрозненно, безъ всякихъ взаимныхъ отношеній и какъ онѣ терялись на огромномъ пространствѣ, по малочисленности населенія (9). Авторъ статьи о свадебныхъ обрядахъ въ г. Чердыни, г. Предтеченскій, указывая на обрядъ

---

(7) Полн. Собр. лѣтоп. I. 7.

(8) Ibid. 23, 24.

(9) Сочиненія Кавелина IV, 144 и 146.

прощанья съ отправляющимися въ путь сватами,—обрядъ сходный съ соблюдаемымъ доселѣ при прощаніи съ отправляющимися въ дальній путь, замѣчаетъ, подобно Кавелину, что въ этомъ обрядѣ слѣдуетъ видѣть указанія на дальность разстоянія, въ которомъ жили роды одинъ отъ другаго. (10) Воспоминаніе о прежней отдѣльности, обособленности, замкнутости жилищъ, г. Кавелинъ видитъ въ значеніи порога, черезъ который нельзя здороваться: «черезъ порогъ не здоровайся—разсоритесь». Находиться съ кѣмъ либо въ сношеніяхъ черезъ порогъ, значитъ обращаться съ нимъ, какъ съ чужимъ, т. е. врагомъ (11). Г. Костомаровъ такую разобщенность между домами, дворами, населенными иногда цѣлымъ родомъ пріурочиваетъ даже къ опредѣленному времени, къ XVI и XVII столѣтіямъ. Въ старинномъ русскомъ домѣ, говоритъ г. Костомаровъ въ своей статьѣ о домашней жизни и нравахъ велико-русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, все носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣмъ остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходящій долженъ былъ по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ», и потомъ дожидался, когда ему скажутъ «аминь». Обиліе домоваго двора и разобщеніе домашней жизни съ внѣшностію совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ нимъ не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. (12) Такая разобщенность родовыхъ дворовъ напоминаетъ отдѣльныя германскія марки, какъ мѣстожительство родовъ, которыя были недоступны для чужаго. Смерть ожидала инородца, который самовольно переступилъ бы завѣтный рубежъ марки, огражденный, обыкновенно, лѣсами, болотами и другими естественными границами и охраняемый богами. Кембль, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Саксы въ Англіи» (т. 1, стр. 38), приводитъ

---

(10) Пермскій Сборникъ, т. I, стр. 7.

(11) Сочиненія Кавелина, IV, 226.

(12) Очеркъ домашней жизни и нравовъ велико-русскаго народа въ XVI и XVII ст. стр. 111.

древнесаксонскую пѣсню, которая говоритъ, что марка для чужихъ, враговъ окружена смертью и сѣтями, западнею:

eal waes daet mearclond alles Markland war
mordre bewunden mit Tod umgeben
feóndes fácne mit Fallstricken der Feinde.

Конечно, давно, съ незапамятныхъ временъ прошелъ для германцевъ и славянъ такой періодъ разобщенія, но остатки, слѣды такого изстариннаго разобщенія замѣтны и въ позднѣйшее время, напр. въ В. Россіи XVI и XVII столѣтіяхъ, о которомъ говоритъ г. Костомаровъ. Слѣды разрозненности внутри самыхъ племенъ, сохранившіеся до позднѣйшаго времени, замѣчаетъ и г. Чебышевъ-Дмитріевъ,—въ обычаѣ древней Россіи, по которому выходъ человѣка изъ общины былъ вполнѣ свободенъ, но община, въ которую онъ желалъ войти, не принимала его, если онъ не представлялъ своихъ знатковъ и знакомцевъ; въ язвительныхъ эпитетахъ, которыми различныя общины характеризовали другъ друга; въ таможенныхъ пошлинахъ, величина которыхъ измѣнялась смотря по мѣстожительству плательщика, съ чужеземца, инородца брали больше, чѣмъ съ однородца и т. д. ([13]) Итакъ, только по нѣкоторымъ слѣдамъ и намекамъ можно предполагать бывшую когда-то разрозненность внутри племенъ, особность и замкнутость родовыхъ союзовъ; исторія же славянъ, такъ какъ и германцевъ, начинается съ господства общественныхъ союзовъ, которые уже соединяли въ себѣ отдѣльные роды.

IV. Но эти преимущественно племенные общественные союзы, даже первоначальное, соединившее въ себѣ племена, государство проникнуты родственными началами. Справедливо сказалъ Грановскій, въ своей извѣстной статьѣ о родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ, что родовой бытъ не только стоитъ въ началѣ развитія гражданскаго общества, но дѣйствуетъ на него впослѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаго, чисто государственнаго порядка ([14]).

Извѣстный германскій криминалистъ Кёстлинъ, въ началѣ своей исторіи уголовнаго права германцевъ, предлагаетъ

([13]) «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву», стр. 9.

([14]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачева, кн. 1, полов. 1, стр. 156.

вопросъ: «древнѣйшее раздѣленіе германскаго народа и слѣдовательно весь принципъ его древнѣйшаго государственнаго устройства основанъ на территоріальныхъ союзахъ, какъ думаютъ Мёзеръ, Эйхгорнъ и Вайтцъ, или на родовыхъ, какъ предполагаютъ Вильда и Зибель? Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ». Затѣмъ Кёстлинъ замѣчаетъ, что существо родоваго государственнаго устройства состояло въ томъ, что всѣ государственныя учрежденія получали форму по типу семьи. На поземельной связи родовъ основано раздѣленіе земли, отъ послѣдняго зависитъ организація войска и суда. Родовой союзъ обусловливалъ и территоріальный союзъ ([15]). Древнѣйшее свидѣтельство о владѣніи землею по родамъ представляетъ Цезарь, который говоритъ о древнихъ германцахъ, что у нихъ не было частной поземельной собственности, но она раздѣлялась правительственными властями ежегодно по родамъ, которые жили вмѣстѣ: «nec quisquam agri modum certum aut fines habet proprias, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est, agri adtribuunt, atque anno post alio transire cogunt» ([16]). Это свидѣтельство Цезаря объясняетъ, почему въ законѣ алемановъ (tit. 84) упоминается споръ двухъ родовъ о границахъ ихъ поземельныхъ владѣній: «si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termino terrae eorum». Родственное сожительство на общей землѣ объясняетъ, почему однимъ и тѣмъ же словомъ обозначается и самое родство и поземельная собственность, поземельный участокъ. Лаппенбергъ въ своей исторіи Англіи говоритъ, что къ самымъ древнѣйшимъ названіямъ дистрикта, которое предшествуетъ ширамъ, принадлежитъ «Maegthe» земля, которою владѣли члены одного рода или племени, родичи ([17]); а Вайтцъ въ «Исторіи нѣмецкаго государственнаго устройства» замѣчаетъ, что слова Adel (adal) и Odel (uodal) близки одно къ другому; первое означаетъ родъ, а второе—имущество рода ([18]). Кембль свидѣтельствуетъ, что древніе рукописные словари слово «fratrueles» замѣняютъ «gelondan», которое можетъ обозначать также «поселившихся на одной зем-

---

([15]) «Geschichte des deutschen Strafrechts» v. Köstlin, стр. 58.
([16]) De bello Gallico, VI. 22.
([17]) «Geschichte von England» v. Lappenberg. I. 503.
([18]) «Deutsche Verfassungsgeschichte» v. Waitz, I, 66.

лѣ», это выражаетъ тожество территоріальныхъ и семейныхъ отношеній ([19]).

У славянъ также первоначальные территоріальные союзы совпадали съ родственными. Новѣйшій историкъ славянскаго права Иречекъ, описывая древнѣйшій бытъ чеховъ до X столѣтія, говоритъ, что племя было собраніе отдѣльныхъ родовъ, которые жили въ земледѣльческихъ деревняхъ (dědinach, vsích), у нихъ было общее имущество, общій глава и общее прозвище. Община сама по себѣ (osada co osada) не имѣла названія, но было имя ея обитателей, которое принадлежало и общинѣ, напр. Utěšinovici сперва названіе рода, потомъ общины (Utěsinovice). Отсюда объясняется, почему у многихъ общинъ были родовыя, а не географическія названія ([20]). Прежде Иречка подобное говорилъ о мѣстныхъ названіяхъ древней Чехіи Палацкій; форму на—ici или owici онъ также считалъ патрономическою ([21]). Извѣстный путешественникъ въ Черногоріи, г. Поповъ, также замѣчаетъ, что тамъ каждое село и община получаетъ родовыя названія, что указываетъ на родовое ихъ происхожденіе ([22]). Несторъ говоритъ о полянахъ, что они жили по родамъ, на своихъ мѣстахъ «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ» ([23]). Тюринъ въ своей статьѣ «Объ общественной жизни и земскихъ отношеніяхъ въ древней Руси», обратившей когда то на себя вниманіе знатоковъ нашего древняго быта, поселеньями отдѣльныхъ родовъ считаетъ села; въ подтвержденіе этому онъ приводитъ патрономическія названія селъ съ окончаніемъ на «чи» и «вичи», напр. Увѣтичи, Хвалимичи, а также и то, что и въ нынѣшнее время часто бываетъ, что почти всѣ жители какого нибудь села однофамильцы; общее прозваніе свидѣтельствуетъ объ общемъ происхожденіи отъ одного забытаго родоначальника. ([24]) О родственномъ населеніи русскихъ селъ говоритъ географическое общество въ программѣ для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ (VII) Этнографическаго Сборника: «въ Россіи есть много такихъ селеній, гдѣ жители,

---

([19]) «Die Sachsen in England» v. Kemble, I. 46.

([20]) «Slovanské právo v Cechách a na Moravě» I. 63.

([21]) «Geschichte v. Böhmen» I. 169.

([22]) «Путешествіе въ Черногорію» 129.

([23]) Полн. Собр. лѣтоп. I. 4.

([24]) Библ. для чтенія, 1850 г. № 2, стр. 136. 137.

происходя когда то отъ одного родоначальника, носятъ какую нибудь одну фамилію; въ такихъ селеніяхъ браки между однофамильцами считаются грѣховными». Въ отношеніи къ Далмаціи Рейцъ замѣчаетъ, что первоначально цѣлыя деревни, происходя отъ одного рода, составляли одну «свойту», отъ сербскаго слова «својат» (родственники); подобные примѣры встрѣчаются и донынѣ въ Далмаціи, гдѣ часто все селеніе состоитъ изъ одного или двухъ семействъ ([25]).

V. Съ единицею поземельнаго владѣнія, съ родами соединялась и организація войска. Германцы становились на войнѣ по родамъ; объ этомъ говоритъ Цезарь: «tum demum necessario Germani suas copias castris eduxerunt generatimque constituerunt paribus intervallis, Harudes, Marcomanos, Triboces, Vangiones, Nemetes, Gedusios, Suebos ([26])». Тацитъ упоминаетъ на войнѣ болѣе мелкіе родовые союзы: гл. 7 «non casus neque fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates».

У славянъ также замѣчается связь войска съ родами. Въ старину у славянъ, говоритъ Иречекъ, на поле брани отправлялись всѣ способные къ бою подъ предводительствомъ начальника рода или племени, по этому слова, обозначавшія домашній людъ или родъ вообще, получали значеніе войска, вооруженныхъ людей и названіе родоначальника стало употребляться въ смыслѣ военноначальника, сюда принадлежатъ слова: войско (vojska), челядь (čeleď), полкъ (pluk), воевода (vojevoda). Слово войско въ смыслѣ домашнихъ употребляется говоритъ Иречекъ, у сербовъ доселѣ, напр. въ выраженіи «koliko imaš vojske u kući». Полкъ, родственное латинскому vulgus, нѣмец. Volk, до сихъ поръ у южныхъ славянъ значитъ людей вообще, простой народъ, подобно vulgus и Volk. У древнихъ чеховъ слово полкъ встрѣчается въ первоначальномъ смыслѣ въ судѣ Любуши: «jen-že pride s plky s čechovymi», т. е. съ племенемъ, съ народомъ чешскимъ, съ чехами, или у Далимила: «zatrati Svatopluk ves Vršovcov pluk» т. е. весь родъ Вршовцовъ. Слово «воевода», говоритъ Иречекъ, первоначально означало родоначальника; принимая это, выясняется смыслъ отрывка, предшествующаго пѣсни о

(25) Статья Рейца о Далмаціи въ Сборникѣ истор. и статист. свѣд. о Россіи Д. В., стр. 149.

(26) De bello Gallico I. 51.

судѣ Любуши: «však ot svéj čeledi vojevodi...»; согласно съ этимъ первоначальнымъ смысломъ этого слова, племенные старѣйшины у черногорцевъ и сербовъ называются «воеводами» (27). Указанія на составъ войска по родамъ мы встрѣчаемъ и у Нестора, который говоритъ, что Святославъ бралъ дань съ грековъ и за убіенныхъ, «глаголя: яко родъ его возметъ (28)». По поводу этого мѣста лѣтописи Эверсъ говоритъ, что воины поставлялись отъ каждаго рода въ особенности; слѣдовательно пріобрѣтенное ими въ походѣ принадлежало родамъ, которые поставляли ихъ и чрезъ то самое предпріятіе сдѣлали возможнымъ; поэтому въ случаѣ смерти ратника все, что приходилось на его часть, было сохраняемо въ пользу рода (29). Изъ Нестора, разсказывающаго подъ 992 г. о борьбѣ съ печенѣгами, видно также, что отецъ отправлялся на войну со всѣми сыновьями, исключая младшаго, хотя тотъ былъ взрослымъ: когда Владиміръ вызывалъ на единоборство съ печенѣжскимъ богатыремъ, пришелъ къ князю одинъ старый мужъ и сказалъ: «княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома», разсказывалъ отецъ о необыкновенной силѣ своего младшаго сына, побѣдившаго потомъ печенѣжскаго богатыря (30).

VI. По родовымъ союзамъ распредѣлялись судъ и управленіе. Родственные союзы у германцевъ: семейства, племена, народности были и мѣстными, каждый родъ (gens) жилъ въ одномъ дистриктѣ (vicus, villa), нѣсколько родовъ составляли сотню (centena), какъ единицу высшаго порядка, потомъ нѣсколько сотенъ могли соединяться въ одинъ союзъ (civitas), болѣе похожій на союзъ государствъ, нежели на государство. Согласно съ тѣмъ, что самое войско у германцевъ составлялось по родамъ, германцы занимали родами и земли. Первымъ пріобрѣтателемъ земли было цѣлое племя, происходило ли занятіе мирно или вооруженною силою, все равно. Земля, занятая племенемъ, раздѣлялась между отдѣльными большими единицами войска, которыя назывались Hund или даже Her, а внутри этихъ единицъ распредѣлялись по отдѣльнымъ ро-

(27) «Slovanské právo v Cechách a na Moravě». I, 70, 72.

(28) Полн. собр. лѣтоп. I, 30.

(29) «Древнее русское право» стр. 88.

(30) Полн. собр. лѣт. I, 53.

дамъ. Числительное имя «Hund» съ равнозначащимъ Her и другими выраженіями (drott, thiod, folk и т. п.) первоначально не означало опредѣленнаго числа, но указывало только на извѣстную полноту, объемъ, цѣлое, состоявшее изъ многихъ отдѣльныхъ семействъ. Такимъ образомъ произошла связь между подраздѣленіями войска и земли, по вооруженной единицѣ и округъ, который былъ ею занятъ, носилъ тоже названіе—сотня (Hundred, Herath); въ Англіи сотни назывались даже Waepengetace (Wapentachia). Названіе земли гау сдѣлалось техническимъ для нѣсколькихъ сотенъ ([31]). Эти вопервыхъ родственные, потомъ военные и поземельные союзы были и единицами по суду и управленію. Объ этомъ говоритъ Цезарь «in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos jus dicunt controversiasque minuant ([32])»; Тацитъ: гл. 12 «eliguntur in iisdem conciliis et principes, qui jura per pagos vicosque reddunt». Pagi Тацита Кёстлинъ, вмѣстѣ съ другими учеными, напр. Зибелемъ, Вильдою, Вайтцемъ, уравниваетъ сотнямъ ([33]).

Упоминаемые Цезаремъ и Тацитомъ principes являются тоже съ родовымъ характеромъ; это родовые старѣйшины.

«Древніе германцы, говоритъ Грановскій, обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англосаксонское ealdordom равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ, вождя дружины къ его воинамъ, мужа къ женѣ. Беда въ церковной исторіи англосаксовъ говоритъ, что у саксовъ не было кунинговъ или королей, sed satrapas plurimos suae genti praepositos. Въ саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Альфредомъ Великимъ слово satrapae передано чрезъ ealdormen. Эти же саксонскіе сатрапы называются иногда majores natu (annales Petavienves). У франковъ выраженіе senior и major natu означаетъ вообще человѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени узипетовъ называются у Цезаря majores natu. У фризовъ aldirman есть судья; atha (отцы см. фризскій словарь Рихтгофена) начальники вообще. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно

([31]) «Deutsche Reichs und Rechtsgeschichte» v. Phillips 108, 109.
([32]) De bello Gallico, VI. 23.
([33]) «Geschichte des deutschen Strafrechts» v. Köstlin, 50.

указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшимъ ([34])». Эти представители, говоритъ Кёстлинъ, отправляли свою должность, какъ старѣйшины: это достоинство зависѣло отъ рожденія и выбора и было источникомъ германскаго благороднаго сословія ([35]).

У славянъ, также какъ и у германцевъ, какъ мы уже доказали, территоріальные союзы первоначально равнялись родовымъ, слѣдовательно, у славянъ судъ и управленіе, распредѣлявшіеся по этимъ союзамъ, обусловливались родовымъ началомъ. Подобно германцамъ, встрѣчается и у славянъ первоначально военное, а потомъ территоріальное и административное раздѣленіе по сотнямъ (Hund) и тысячамъ, съ представителями ихъ сотскими и тысяцкими. А военное подраздѣленіе, лежавшее въ основаніи территоріальнаго и административнаго, какъ мы уже тоже замѣтили, обусловливалось родственными началами. Наконецъ, подобно германцамъ, и славяне любили соединять понятіе о власти съ понятіемъ о старшинствѣ.

«Отъ понятія о старшемъ въ семьѣ, говоритъ г. Буслаевъ, образовалось понятіе о власти вообще, поэтому «старшій», старѣйшина уже въ древнѣйшую эпоху расширили свое значеніе до перваго, нáбольшаго владыки. Особенно разительна связь этихъ понятій въ сербскомъ выраженіи: «младой старѣйшина» въ пословицѣ: «тешко кутьи на младој старјешина ([36])». Г. Майковъ, на основаніи памятниковъ сербскаго языка представляющій самый бытъ этого народа, говоритъ, что славяне, развивавшіе у себя родовой бытъ, любили старшинство соединять съ должностію преимущественно судебною; у нихъ старшій въ родѣ былъ вмѣстѣ и судьею. Эта самая черта перенесена была впослѣдствіи и въ гражданскій бытъ. Кнезы изъ родовыхъ старшинъ сдѣлались боярами и своимъ званіемъ пользовались потомственно, но уже безъ всякаго правительственнаго или должностнаго значенія, которое перешло къ жупанамъ, великимъ жупанамъ, великимъ князьямъ и т. п.; за то въ низшемъ сословіи, на оборотъ, званіе кне-

---

([34]) «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачева. кн. II, полов. I, статья Грановскаго о родов. бытѣ у древн. германцевъ, стр. 165, 166.

([35]) Geschichte des deutsch. Strafrechts, 59.

([36]) Ст. Буслаева о русск. пословиц. въ архивѣ Калачева кн. II, полов. 2. стр. 28.

за, не будучи потомственнымъ, получило должностное значеніе, какъ начальника села или околицы, творившаго судъ и расправу, хотя и въ немъ народъ обыкъ уважать древнѣйшее родовое представленіе—старшинство (37).

Рейцъ въ изслѣдованіи о далматскихъ городахъ приводитъ древнюю пѣсню, въ которой совѣтуется дѣлать головами и совѣтниками старшихъ, потому что они будутъ давать добрые совѣты и указывать истину.

«Vech mechite vasda starenike
Za glavare i vasze vichnike
Koje chie vas lipo svitovati
I nauke prave kazivati (38)».

По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, у славянъ не было иныхъ правителей (ἄρχοντες), кромѣ жупановъ, старостъ (πλὴ ν ζουπάνους γέροντας) (39).

На родовыхъ старѣйшинъ, князей, указываетъ и Несторъ, разсказывая о построеніи тремя братьями города, которому дали имя въ честь старѣйшаго брата Кія—Кіевъ «се Кій княжаше въ родѣ своемъ» «и по сихъ братьи держати почаши родъ ихъ княженье въ поляхъ; въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане (40)». Самое слово князь, подобно другимъ названіямъ имѣвшихъ власть, каковы—староста, господарь, воевода, владыка, жупанъ, показываетъ на родовое происхожденіе ея. Это видно изъ самого корня и суффикса этого слова; коренные звуки славянскаго «князь«, которое соотвѣтствуетъ нѣмецкому kuning, «кн» ведутъ свое происхожденіе отъ санскритскаго «джанъ—рождать», отсюда готское слово kuni—родъ. Суффиксъ славянскій ѧзь, нѣмецкій «ing» тоже выражаютъ родовое, родственное отношеніе (41). Княжеское достоинство, также какъ и у германцевъ, зависѣло и у славянъ отъ рожденія и выбора.

Власть этихъ старѣйшинъ германскихъ и славянскихъ не имѣла ничего общаго съ простымъ расширеніемъ отеческой

(37) Исторія сербск. языка, стр. 250.

(38) Сборн. истор. и статистич. свѣдѣній, относящ. до Россіи. Д. В. стр. 13.

(39) Объ управл. импер. гл. XXIX.

(40) Пол. соб. лѣт. 1, 4, 5.

(41) О вліяніи христ. на славян. языкъ Буслаева. 163, 164.

власти, потому что принципъ государственнаго устройства у германцевъ и славянъ былъ республиканскій. У первыхъ рѣшеніе всѣхъ болѣе важныхъ дѣлъ, послѣ предварительнаго обсужденія ихъ старѣйшинами, зависѣло отъ общины; объ этомъ свидѣтельствуетъ Тацитъ: гл. 11 «de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes, ita tamen ut ea quoque quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur». Старѣйшины только предсѣдательствовали на судѣ, а самая судебная власть принадлежала общинѣ; тоже должно сказать о предводительствѣ ихъ на войнѣ, они и тамъ были только органами общины. Нигдѣ, говоритъ Кёстлинъ о древней Германіи, старѣйшины не были ни военными, ни теократическими владыками; а также и не патріархами и не собственниками земли, но республиканскими должностями ([42]).

Тоже было и у славянъ: мы приводили свидѣтельство Прокопія о народномъ управленіи у нихъ издревле; упоминали снемъ княжны Любуши; видѣли совѣщаніе съ народомъ древлянскаго князя.

VII. Высшее, знатное сословіе у германцевъ и славянъ выросло изъ начальнаго родоваго быта. Изъ приведеннаго выше мѣста Тацита о вольноотпущенныхъ видны разныя сословія у древнихъ германцевъ; кромѣ вольноотпущенныхъ (liberti) также упоминаются рабы, свободные (ingenui) и знатные (nobiles). Такимъ оброзомъ изъ среды свободныхъ выдѣлились нѣкоторые роды, благодаря своимъ наслѣдственнымъ преимуществамъ—это были Adalinge. Происхожденіе этого слова Шмитгенеръ объясняетъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Zwölf Bücher vom Staate,» отъ adal, что значитъ, какъ мы уже замѣтили, родъ; ing или ung — частицы, выражающія происхожденіе, слѣдовательно Adaling, подобно греческому ἐυπατρίδης или ἐυγενής, латинскому Patricius, значитъ человѣкъ изъ благороднаго рода, vir generosus, человѣкъ родословный ([43]). Знатные роды упоминаются у разныхъ германскихъ народовъ, напр. у баварцевъ, которые постановили въ своемъ законѣ двойную композицію для нѣкоторыхъ родовъ, а для одного, отъ котораго происходили герцоги, для агилолфинговъ, четверную: Lex Baiuvorum, tit. II cap. 20 «de genea—

([42]) «Geschichte des deutschen Strafrechts» v. Köstlin, 60.

([43]) «Zwölf Bücher vom Staate» ч. III, стр. 103, примѣч. 2 и стр. 31 прим. 1.

logia, qui vocantur Huosi, Throzza, Fagana, Hahilingua, Aennion isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali. Illis enim duplam honorem concedimus. Et sic duplam compositionem accipiant. Agilolfingi vero usque ad Ducem in quadruplum componantur, quia summi principes sunt inter vos». Изъ этихъ знатныхъ семействъ избирались короли: Тацитъ говоритъ: гл. 7 «reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt». Знатность, первенство этихъ родовъ обусловливались ихъ родовымъ старшинствомъ сравнительно съ другими свободными родами, они ближе къ общему родоначальнику, нѣкоторые вели свое родословіе даже отъ боговъ. Древнія саги, говоритъ Блунчли, старались съ особенною любовью производить знатные роды и княжескія фамиліи непосредственно отъ боговъ или героевъ, и чтили въ нихъ божественную кровь ([44]). Многіе германскіе королевскіе роды производили себя отъ Водина, подобно тому какъ у римлянъ gens Iulia производилъ себя отъ царей и боговъ: *ἐκ βασιλέων καὶ θεῶν ἐγίγνετο*—говоритъ Антоній объ Юліи Цезарѣ ([45]).

Родовая земская знать встрѣчается и у славянъ. У чеховъ она произошла изъ родовъ владыкъ и леховъ. Владыки первоначально были родоначальники; «когда умретъ глава челяди, говоритъ древняя чешская пѣсня, дѣти выбираютъ изъ рода владыку, который ходитъ на славные снемы». Лехи были представители цѣлаго племени, такъ напр. Далимилъ лехомъ называетъ родоначальника чеховъ: «v tej zemi biešě lech, jemuž imě biešě Cech.» Кметы, лехи и владыки ходятъ на славные снемы. Первые выбирались изъ послѣднихъ. Богемскіе кметы, говоритъ Шафарикъ, еще въ XIV и XV столѣтіяхъ образовали первостепенный трибуналъ государства и имѣли также вѣсъ въ политическомъ управленіи страны. Они были избираемы изъ самыхъ значительныхъ мужей страны, столько же леховъ, сколько владыкъ. Латинскіе хронисты называютъ кметовъ—consiliarii, seniores. Нѣтъ сомнѣнія, что у чеховъ, уже въ глубокую старину были такія фамиліи, которыя, отличаясь богатствомъ и знатностью рода, пользовались особеннымъ вліяніемъ въ странѣ. Козма Пражскій упоминаетъ современниковъ Любуши: «duos cives opibus et genere eminen-

([44]) «Allgem Staatsrecht» I, 84.

([45]) «Zwölf Bücher vom Staate» v. Schmitthenner. III, 38, прим. 4.

tiores, qui videbantur populi esse rectores [46])». Г. Никольскій справедливо замѣчаетъ, что основаніе градаціи a majori ad minus между кметами, лехами и владыками, приходившими на снемъ, заключалось не во внѣшнемъ ихъ положеніи относительно князя, но въ тѣхъ родахъ, представителями которыхъ они были: чѣмъ знатнѣе, т. е. древнѣе родъ, тѣмъ и значительнѣе, выше его представитель. Отсюда будущія сословія ([47]).

Владыки и лехи, говоритъ Иречекъ, положили основаніе позднѣйшему благородному сословію, которое распадалось на двѣ степени: владыки и паны (milites et nobiles, nobiles secundi et primi ordinis, milites et barones). Лехи, позднѣе паны были члены тѣхъ старинныхъ родовъ, которые господствовали въ своихъ племенахъ, таковы напр. Slavníkovci, Klenovici, слѣдовательно это были потомки древнихъ леховъ, какъ родоначальниковъ. Эти фамиліи пользовались особеннымъ значеніемъ и послѣ того, какъ онѣ потеряли самостоятельность при постепенномъ развитіи политическаго могущества центральнаго (ustředni по Иречку) княжескаго рода; онѣ опирались на поземельныя владѣнія и жили въ народной памяти, какъ старинные роды племенныхъ князей, поэтому и позднѣе не переставали стоять во главѣ народа; онѣ были старинною родовою знатью, отъ которой рѣзко отличалась позднѣе образовавшаяся знать служебная, придворная. Слово lech удержалось въ чешскихъ и польскихъ названіяхъ благороднаго сословія— š-lech-ta, szlachta, szlachectwo. Когда лехами, а потомъ панами стали называться самые знатные роды, владыками назывались младшіе ([48]). Палацкій, вспоминая о знатныхъ баварскихъ родахъ, на которые мы уже указали, говоритъ, что богемскіе лехи сходны по положенію и значенію съ германскими до-каролингскими еделингами ([49]).

Въ Сербіи тоже были старинные, знатные роды, бояре; мы приводили уже замѣчаніе г. Майкова, что кнезы изъ родовыхъ старшинъ сдѣлались боярами и своимъ званіемъ поль-

---

([46]) Die ältesten Denkmähler der böhmischen Sprache—Шафарика и Палацкаго, стр. 86—89.

([47]) «О началахъ наслѣдованія въ древн. русск. правѣ» Никольскаго, стр. 60.

([48]) Иречекъ, I, 196, 197.

([49]) Gesch. v. Böhmen. I, 167, пр. 138.

зовались потомственно ([50]). На старинные земскіе роды г. Бѣляевъ указываетъ и въ Россіи XII столѣтія: основываясь на Словѣ о полку Игоревѣ, онъ говоритъ, что нѣкоторые роды сѣверянскаго племени еще въ XII вѣкѣ сохраняли имена своихъ родоначальниковъ. Это видно изъ словъ Святослава Всеволодовича: «а уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многи вои брата моего Ярослава съ черниговскими былями съ Могуты, и съ Татрады, и съ Тапчакы, и съ Шльбиры, и съ Ревуги и съ Ольберы, тіи бо безъ щитовъ съ засапожники, кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу». Здѣсь, говоритъ г. Бѣляевъ, могуты, татрады, тапчаки, шльбиры, ревуги и ольберы называются стародавними черниговскими былями, т. е. древними сѣверскими родами, своею воинственностію поддерживающими славу предковъ, звонящими въ прадѣднюю славу. Такое значеніе стародавнихъ сѣверянскихъ родовъ г. Бѣляевъ считаетъ выраженіемъ родоваго начала у сѣверянъ, продолжавшагося на ряду съ общиннымъ; выраженіе послѣдняго онъ справедливо видитъ въ требованіи всей общины у своего князя Всеволода Ольговича «и людіе черниговцы возопиша», чтобы онъ мирился съ Ярополкомъ Владиміровичемъ ([51]). Подобно германскимъ княжескимъ родамъ, напр. агалолфингамъ и у славянъ были особенные роды, изъ которыхъ выбирались князья. Константинъ Багрянородный говоритъ, что славяне выбирали своихъ правителей изъ рода, наиболѣе ими любимаго ([52]). Ейнгардъ въ своей лѣтописи указываетъ на Драговита, который превосходилъ остальныхъ царьковъ вильцевъ и знатностью рода: «Dragowit—ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe praeminebat ([53])». Такіе княжескіе роды были и у русскихъ славянъ, напр. родъ Кія у полянъ, а также, вѣроятно, и у всѣхъ другихъ племенъ, у которыхъ вмѣстѣ съ полянами упоминаются княженія; къ такому княжескому роду принадлежалъ, вѣроятно, и Малъ древлянскій

([50]) Ист. сербск. яз. стр. 250.

([51]) Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика. Врем. кн. VIII, стр. 31.

([52]) Объ управл. Имп. XXIX.

([53]) Pertz I, 34.

и другіе древлянскіе князья «иже распасли суть деревьску землю ([54])».

VIII. Мы указали на родовое начало древнѣйшаго общественнаго и государственнаго устройства германцевъ и славянъ, имѣя въ виду объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ возможность появленія и господства долгое время того института, который мы разбираемъ—союзъ родственной защиты; намъ необходимо было уяснить ту общественную среду, въ которой родился и жилъ этотъ институтъ. Представленныя нами начала оправдываютъ наше положеніе, что древнѣйшее государственное устройство германцевъ и славянъ сложилось по семейному типу, а въ сущности родоваго государственнаго устройства лежало то, что политическое сознаніе ослабѣвало съ расширеніемъ общественной единицы, между тѣмъ какъ внутри болѣе тѣсныхъ союзовъ оно живѣе и сильнѣе. Трудно было побѣдить родовую особность и самолюбивыя стремленія отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ, общинное вѣче было безсильно примирить ихъ, «возста родъ на родъ» говоритъ Несторъ; для водворенія мира между враждующими нужна сила, посторонняя, для нихъ чужая, стоящая внѣ ихъ взаимныхъ родовыхъ счетовъ и столкновеній; этимъ объясняется призваніе русскихъ князей изъ за моря. Замѣчательны слова историка Польши, Длугоша, который говоритъ, что призвали трехъ русскихъ князей, потому что изъ собственныхъ старшинъ, по ихъ равенству, никого не хотѣли избрать ([55]). Если это даже только предположеніе Длугоша, неоснованное на преданіи, все таки оно представляется самымъ естественнымъ. Вмѣстѣ съ отечественнымъ лѣтописцемъ, о родовой враждебности между славянами свидѣтельствуютъ и иностранные историки, напр. Маврикій говоритъ, что славяне ни въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и что́ положатъ одни, на то не рѣшаются другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у славянъ много царьковъ и эти царьки между собою несогласны, то Маврикій совѣтуетъ привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону.

Отдѣльная личность не имѣла въ то время отношенія къ обществу, она имѣла значеніе только по отношенію къ

([54]) П. С. Л. I. 24.

([55]) Hist Pol. кн. 1 стр. 49.

своей семьѣ, къ роду; за отдѣльнымъ лицемъ стоитъ всегда его родъ. Семья въ отношеніи къ постороннимъ, къ обществу представлялась замкнутымъ цѣлымъ, поглощающимъ въ себѣ личности составныхъ своихъ членовъ. «Filii cum patribus una persona jurisfictione esse censentur», говоритъ еще Вислицкій статутъ (артик. 7.) ([56]); но прежде это не считалось фикціей, соединеніе было естественнымъ, необходимымъ. По родству каждый пользовался извѣстнымъ значеніемъ, только имъ онъ былъ силенъ. Далимилъ говоритъ о Чехѣ: «ten čech jmieieše bratróv šest. Pro niéž jmieieše moc i čest». Мысль о гражданской личности получала значеніе только вслѣдствіе права лица быть представителемъ рода. А такая неспособность опредѣлить существо и права личности бывала часто поводомъ къ проявленію неукротимаго своеволія личности, поддерживаемой своими близкими.

IX. Не скоро семья становится только институтомъ гражданскаго права, не скоро она сходитъ съ поприща политической дѣятельности, долго про семью можно говорить, что она пользуется государственною самостоятельностію (Staatsunmittelbarkeit der Familie), какъ выражаются нѣкоторые германскіе ученые ([57]); нѣтъ сильной центральной власти, сама семья должна собственными силами поддерживать миръ внутри себя и защищать своихъ членовъ отъ внѣшнихъ нападаній. Подобно тому какъ цѣлое государство было союзомъ для сохраненія мира, такимъ представляется и союзъ родственный.

Древне-германская семья, родство называется Sippe, Sippschaft, что значитъ союзъ для мира, потому что Sippe=pax: слова Христа въ Евангеліи отъ Іоанна: «Relinquo vobis pacem» переведены у англосаксовъ «ic laefe eow sybbe» ([58]). Гриммъ, сказавши, что Sippe собственно значитъ миръ, объясняетъ и причину такого названія родства: самый твердый миръ каждый находитъ въ своей семьѣ, она опредѣляла всякое личное право. Sippe означало все родство — близкое и отдаленное ([59]). Швабское зерцало, желая выразить, что бли-

---

([56]) Jus polonicum. Bandtke стр. 33.

([57]) Вильда стр. 122. Кёстлинъ стр. 62.

([58]) «Deutsche Reichs und Rechtsgeschichte v. Phillips 105. пр. 6.

([59]) Deutsche Rechtsalterthümer 467.

жайшій родственникъ имѣетъ преимущественное право на наслѣдство, говоритъ: гл. 3 «vnd so der man ie naher sippe ist. so er ie baz erbet. Ez erbet ein iegelich man sinen mag. unz an die sibenden sippe zal» ([60]).

X. Родственный союзъ, обязывающій своихъ членовъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ для сохраненія мира среди его и для охраны его извнѣ, увеличивался въ своемъ объемѣ принятіемъ постороннихъ людей, которые примыкали къ союзу черезъ браки съ женщинами этого рода. Отъ того женщины, бывшія виновницами новой связи между людьми, прежде посторонними, въ англосаксонской народной поэзіи называются приносящими, собственно ткущими миръ—freodowebbe. Цёпфль въ своей «Нѣмецкой исторіи права« говоритъ, что, кажется, родственная связь укрѣплялась обѣщаніями, присягою, на это указываетъ названіе родства Vetterschaft, родственное съ Wette (закладъ), sponsio и выражающее идею поручительства: это несомнѣнно въ отношеніи расширенія семейной связи черезъ браки, какъ свидѣтельствуютъ слова Schwägerschaft (свойство) т. е. Schwurgenossenschaft (присяжный союзъ), Eidam (зять) отъ Eid (присяга) ([61]). До насъ дошло и описаніе того обряда, которымъ опекунъ невѣсты, именно вдовы, передавалъ ее жениху и принималъ послѣдняго въ свой родственный союзъ; это двадцатая изъ лонгобардскихъ формулъ. «Tunc gladius cum clamide et... tenditur a Seneca (опекунъ), et orator dicat: per illum gladium et clamidem sponsa Fabio (женихъ) Semproniam (вдова—невѣста, подъ опекою Сенеки) tuam repariam, que est ex genere Francorum. Quod cum Seneca firmaverit tunc orator dicat ad Fabium accipientem gladium cum clamide dicat ei: o Fabio, tu per eumdem gladium et clamidem comendatam sibi, donec fuerit inter te et illam conventio. Quo facto tunc Seneca det Fabio vadimonio quod dederit Semproniam ad legitimum coniugium, et mittet eam sub mundio cum omnibus rebus mobilibus, et immobilibus, seu familiis que ei legibus pertinent et Fabius det Senecae vadimonium eam recipiendi et si quis eorum se subtraxerit componat libras X auri» ([62]). Цёпфль, уравнивая этотъ обрядъ формамъ инвеституры въ

([60]) Швабск. Зерцало по изд. Лассберга.

([61]) «Deutsche Rechtsgeschichte» v. Zoepfl. 581.

([62]) Вальтера Corpus juris Germanici antiqui т. III. стр. 557.

первоначальномъ (грамматическомъ) значенiи одѣянiя, говоритъ, что опекунъ опоясывалъ жениха мечемъ, а этимъ символическимъ дѣйствiемъ совершалась передача жениху власти (mundium) на невѣсту и вступленiе его въ родственный союзъ съ его обязанностями (Kampf—Eides—und Rachegenossenschaft der Familie). Отъ этого пояса или перевязи для меча (Degenkuppel), capula, говоритъ Цёпфль, стали употребляться выраженiя: in conjugium sibi capulare=sociare ([63]), и copolatus (испорченное capulatus)=женатый ([64]). А слово procinctus (опоясыванье) стало даже названiемъ родства: ex procinctu, какъ мы увидимъ ниже, выбирались Eideshelfer, которые, какъ извѣстно, были родственники ([65]).

У славянъ также въ женщинѣ видѣли связующее звѣно, примирительницу враждебныхъ сторонъ; поэтому князья Рюриковичи, оканчивая взаимныя борьбы, заключая между собою миръ, иногда укрѣпляли его бракомъ дѣтей своихъ ([66]). При древней раздѣльности родоваго быта, въ которомъ каждая семья и родъ считали себя чужими въ отношенiи къ другимъ, бракъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ сближенiя, поэтому имѣлъ интересъ для цѣлаго рода, для всѣхъ родичей. Отсюда явилась засвидѣтельствованная всѣми памятниками русской исторiи необходимость совѣта родичей по вопросамъ о бракѣ, всесильное значенiе общественнаго мнѣнiя родичей объ этомъ и пассивная роль бракосочетающихся, даже жениха, въ ихъ собственномъ дѣлѣ. Дочь или сестра съ замужествомъ не выходила изъ рода, но распространяла его, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; племя дочери, сестры уравнивается по отношенiямъ съ племенемъ сына, брата; такъ Русская Правда узаконяетъ напр. месть наравнѣ съ сыномъ брата и для сестрина сына за дядю по отцѣ или матери: «оубьеть мужь мужа, то мьстить братоу

([63]) L. Salica Herold XIV, 11. Вальт. Corp. juris Germ. I, стр. 25. Смыслъ этой статьи повторяется въ Русской Правдѣ: «si quis ingenuus ancillam alienam sibi in conjugium sociaverit (въ другихъ спискахъ capulaverit), ipse cum ea in servitutem inclinetur». «А второе холопьство: поiметь рабу безъ ряду».

([64]) Лонгоб. законъ Лiутпранда гл. 144, изд Бауди.

([65]) Цёпфль 585.

([66]) «Русская женщина въ до-монгольскiй перiодъ» Добрякова стр. 64.

брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестрину сынови». Даже свойственники вошли въ отношенія родственниковъ. Зять былъ въ сыновнихъ отношеніяхъ къ тестю, послѣдній называлъ перваго, обыкновенно, «сыну», а зять называлъ тестя «отцемъ»—это видно изъ отношеній между Рюриковичами. Между мужемъ и братьями жены, между зятемъ и шурьями начинались тоже родственныя отношенія. Въ Саратовской губерніи до сихъ поръ соблюдается обычай побратимства между братомъ невѣсты и женихомъ ея ([67]); даже братья жены становились въ сыновнія отношенія къ мужу сестры; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ про Всеволода Ольговича: «Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старшаго, за неже ми братъ и зять старѣй меня яко отець» ([68]). По смерти Андрея Боголюбскаго на владимірскомъ вѣчѣ рѣшили призвать на княженье племянниковъ Андрея, Мстислава и Ярополка Ростиславичей; для этого послали къ рязанскому князю, Глѣбу, зятю Ростиславичей: «тобѣ своя шюрина, а наша князя; да се утвердившеся межю собою, послахомъ къ тобѣ послы своя, атъ приставишь къ нимъ своя послы, атъ идутъ по князи наши въ Русь. Глѣбъ же, слышавъ, радъ бысть, оже на него честь вскладывають, а шюрину его хотять ([69])». Вслѣдствіе такой близости отношеній между зятьями и шурьями, они были когда-то мстителями другъ за друга, а потомъ пользовались участіемъ въ выкупѣ за убитаго, поэтому убійца считалъ необходимымъ примиреніе съ женою и шуриномъ убитаго. Въ 1577 году убійцы одного площаднаго писца дали на себя запись женѣ и шурину его въ томъ, что убили мужа первой и зятя втораго и вознаградятъ ихъ деньгами за голову «а Ульянѣ да Василью въ той головщинѣ убытка не довести никотораго» ([70]). Подобно германцамъ, у древнихъ славянъ соблюдался при бракосочетаніи символъ будущаго свойства и пріязни двухъ родовъ. Основываясь на Флетчерѣ, г. Костомаровъ говоритъ, что, по совершеніи бракосочетанія, дружка разрѣзывалъ коровай и священникъ отсылалъ его, вѣроятно чрезъ того же дружку

([67]) Терещенко. «Бытъ русс. народа.» ч. II. 345.

([68]) Полн. Собр. Лѣт. II, 23.

([69]) Полн. Собр. Лѣт. I. 158.

([70]) Акты юридич. № 271.

замѣчаетъ Костомаровъ, къ отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни, и оба рода давали обѣтъ быть людьми одного стола и одного хлѣба—хлѣбосолами—и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ обычаѣ Флетчеръ разсказываетъ какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, прибавляетъ г. Костомаровъ, слѣдовательно обычай соблюдался черезъ посылку (71). Свойственники соединялись общимъ хозяйствомъ и мѣстожительствомъ. Зять, принятый въ домъ къ тестю или тещѣ, назывался у насъ встарину «вабій», отъ глагола «вабить», собственно приманивать птицъ и вообще привлекать, пріучать (72). Такое сожительство и хозяйство продолжаются доселѣ. Г. Барыковъ, собравшій «Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ», по поводу раздѣла имущества послѣ смерти хозяина, указываетъ, что зятья и свойственники, живущіе въ домѣ, получаютъ такую же часть, какъ и родственники (73).

XI. Всѣ эти родственники, какъ мы сказали, были призваны во первыхъ для охраненія мира внутри самаго рода, поэтому если являлся нарушитель мира въ самой родственной средѣ, онъ у германцевъ «изгонялся какъ волкъ изъ святилища», поэтому, замѣчаетъ Филиппсъ, впослѣдствіи говорилось, что «окровавленная рука не получаетъ наслѣдства»; судебный поединокъ между близкими родственниками былъ запрещенъ (74). Вѣроятно ученый историкъ германскаго права дѣлаетъ послѣднее замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что приложеніе карающей силы, кромѣ изгнанія, къ родственникамъ не допускалось; но мы имѣемъ также свидѣтельства и о родственномъ судѣ съ правомъ тѣлеснаго наказанія, именно въ приложеніи къ женщинѣ, уличенной въ прелюбодѣяніи; объ этомъ говоритъ Тацитъ: гл. 19 «paucissima in tam numerosa gente adulteria; quorum poena praesens et maritis permissa. abscisis crinibus, nudatam, coram propinquis expellit domo maritus, ac per omnem vicum verbere agit».

---

(71) Очеркъ домашн. жизни и нрав. велико-русск. нар., стр. 169.

(72) Историч. очерки Буслаева, I. 90.

(73) Статья Барыкова, стр. 10 въ журн. М. Госуд. Имущ. 1862 г. и въ отд. оттискѣ.

(74) Deutsche Reichs und Rechtsgeschichte, 105.

Такими же правами внутренняго суда пользовались родовые союзы и у славянъ; подобно германцамъ и у нихъ виновный изгонялся изъ рода, какъ волкъ изъ святилища; на это указываетъ засвидѣтельствованное позднѣйшими памятниками славянской исторіи изгнаніе преступника изъ общины, какъ слѣдствіе лишенія общиннаго мира, подобно германскому Friedlosigkeit. Въ связи съ характеристикою мести, которая основана на этомъ лишеніи мира, мы будемъ говорить объ этомъ ниже, а теперь только замѣтимъ, что первоначально, когда союзы общежитія были только родственные, конечно этимъ правомъ изгнанія пользовались и эти союзы въ приложеніи къ своимъ сородичамъ. Такіе изгнанные изъ рода были «изгои». Пятнадцать лѣтъ тому назадъ ученый знатокъ исторіи русскаго права, г. Калачевъ поднялъ вопросъ о значеніи слова «изгой», упоминаемаго въ Русской Правдѣ и другихъ нашихъ древнихъ памятникахъ. Изгой, по филологическому производству, говоритъ г. Калачевъ, въ примѣненіи къ извѣстному лицу, есть существо отрѣшенное, отпадшее или отдѣленное отъ жизни, а по первоначальнымъ понятіямъ славянъ жить (гоить), въ смыслѣ общественнаго бытія, значило находиться постоянно въ родѣ, принадлежать къ нему, какъ неотдѣльный членъ его, оставаться навсегда вмѣстѣ съ своими родичами. Отсюда, если кто отрѣшался отъ своей родовой общины, тотъ въ смыслѣ общественномъ и даже частномъ болѣе не жилъ, дѣлался слѣдовательно «изгоемъ» ([75]). Подобное замѣчаетъ о изгояхъ и новѣйшій историкъ славянскаго права Иречекъ. Каждый родичъ, говоритъ онъ о древнѣйшемъ бытѣ чеховъ, имѣлъ право требовать участія въ пользованіи родовымъ имуществомъ, не было неимущихъ, бѣдныхъ. Бѣднымъ былъ только тотъ, кого родъ изгонялъ изъ своей среды за злыя дѣла, иначе, тотъ былъ бѣднымъ, кто былъ злымъ, преступнымъ; отъ этого названіе chudý (бѣдный), первоначально zlý (дурной, преступный) перешло на неимущаго, нуждающагося. Положеніе такихъ худыхъ, оставленныхъ родичами, подобно русскому изгою, нѣмецкому friedlos, римскому exsors уравнивалось участи осужденныхъ, лишенныхъ личной свободы ([76]). Впослѣдствіи и выходъ изъ прежняго

([75]) «Арх. историко-юридич. свѣдѣній» Калачева, книга I, стр. 60.
([76]) Иречекъ I, 156.

гражданскаго состоянія, радикальная перемѣна судьбы влекла тоже къ изгойству; въ уставѣ о церковномъ судѣ Всеволода указываются слѣдующія четыре причины изгойства: «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ (77)».

Внутренній родственный судъ былъ и у славянъ. Г. Дмитріевъ, въ своемъ образцовомъ, ученомъ трудѣ «Исторія судебныхъ инстанцій», справедливо замѣчаетъ, что врядъ ли члены одного и того же рода, или одной и той же общины, могли часто имѣть нужду въ княжеской расправѣ. По всей вѣроятности, во взаимныхъ своихъ столкновеніяхъ, они управлялись по домашнему, своими собственными старшинами и начальниками, и только по дѣламъ съ членами другихъ родовъ и общинъ обращались къ своему князю. «Кромѣ господства родоваго быта, такое заключеніе, говоритъ г. Дмитріевъ, можно сдѣлать собственно изъ юридическихъ памятниковъ: изъ напечатанныхъ правыхъ грамотъ только одна говоритъ о тяжбѣ между крестьянами одной и той же волости. Московская аристократія, продолжаетъ г. Дмитріевъ, сохранила въ мѣстническихъ дѣлахъ другой остатокъ старины, еще болѣе древней. Извѣстно, что, по искамъ въ отечествѣ между одno-родцами, правительство не рѣдко поручало рѣшеніе спора «ихъ старымъ родителямъ». Очень вѣроятно, что въ этомъ обычаѣ сохранились слѣды внутренней родовой расправы (78)». Намъ придется еще говорить объ этомъ мѣстническомъ судѣ, а въ дополненіе къ мнѣнію г. Дмитріева о внутренней родовой расправѣ, замѣтимъ, что мы имѣемъ свидѣтельство о судѣ у славянъ надъ виноватою женою, напоминающее свидѣтельство Тацита о наказаніи невѣрной жены. Петрей разсказываетъ, что у русскихъ преступная жена подвергалась въ присутствіи родныхъ тѣлесному наказанію, стриженію волосъ на головѣ или заключалась въ монастырь (79). Подобное право родственниковъ наказывать преступную жену было у славянъ издревле: въ жизнеописаніи св. Войтеха разсказывается, что 994 г. Вршевичи требовали казни жены одного

(77) Собраніе памятн. по исторіи русс. права Лазаревскаго и Утина стр. 409.

(78) Исторія судебн. инстанцій 6, 7.

(79) Русскіе въ своихъ пословицахъ Снѣгирева II 64, 65.

изъ своихъ сородичей: «mulier cujusdam nobilis cum clerico adulterasse publice arguitur quam cum more barbarico parentes dedecorati conjugis decapitare quaererent, fugit illa ad episcopum». ([80]). Рейцъ, представляя политическое устройство и права Далмаціи въ средніе вѣка, говоритъ, что тамъ родственники должны были смотрѣть за порядкомъ въ домѣ и за хорошимъ поведеніемъ жены умершаго, а въ противномъ случаѣ могли выгнать ее ([81]).

Рейцъ въ доказательство силы родственнаго союза приводитъ существовавшее во многихъ городахъ Далмаціи запрещеніе судиться родственникамъ между собою обыкновеннымъ судомъ, такъ напр. въ Лессинѣ въ 1474 г. подтвержденъ прежній законъ, въ силу котораго дѣтямъ съ родителями и братьямъ между собою дозволяется судиться не иначе, какъ черезъ посредниковъ ([82]). Майковъ, основываясь на сербскихъ грамотахъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ, замѣчаетъ такой же порядокъ въ Боснѣ; онъ говоритъ, что дѣйствія добрыхъ людей въ распряхъ Сандала съ матерью, Косачи съ женою и сыновьями суть не что иное, какъ третейскій судъ. При посредствѣ добрыхъ людей изъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, Сандалъ обѣщается повиноваться своей матери, почитать ее какъ прилично сыну и ни въ какихъ обстоятельствахъ не покидать ея, если только съ ея стороны не окажется чего нибудь такого, за что, по приговору упомянутыхъ добрыхъ людей, прилично было бы сыну оставить мать ([83]). И такъ мы видимъ, что разбирательство споровъ между близкими родными не подлежитъ обыкновенному суду, для этого назначается особый третейскій судъ; онъ состоитъ уже не изъ родственниковъ, какъ мы видимъ въ Споменикахъ, но, вѣроятно, прежде подобное разбирательство принадлежало самому роду. Послѣ всего сказаннаго родственный союзъ намъ представляется съ правами для охраненія мира внутри самого себя; онъ же охраняетъ этотъ миръ отъ всякаго нарушенія его со стороны, извнѣ, чужими—это послѣднее и составляетъ содержаніе настоящаго изслѣдованія.

([80]) Иречекъ I, 169.

([81]) Сборн. истор. и стат. свѣд. о Россіи Д. В. стр. 148.

([82]) Ibid. 150, 151.

([83]) Исторія сербск. яз. 142, 190.

XII. Родственный союзъ призывался къ охраненію мира отъ внѣшнихъ нарушителей; поэтому въ случаѣ оскорбленія одного изъ своихъ членовъ всѣ родичи помогаютъ ему мстить оскорбителю, а прежде и его родичамъ. Особенно считалось необходимымъ мстить за смерть родственника; потомъ, если вмѣсто осуществленія мести оскорбленный, сначала согласно своему желанію и рѣшенію, а впослѣдствіи по необходимости, въ силу закона, получалъ выкупъ, родичи обидчика участвовали въ платежѣ этого вознагражденія, сначала обязательно, а потомъ по желанію, пока такая родственная помощь не была прямо запрещена закономъ. Всѣ сказанные виды родовой помощи можно назвать законными, но кромѣ этого сила родственнаго союза была часто поводомъ и къ пренебреженію закона, потому что, опираясь на эту помощь, нѣкоторые посягали на самоуправство, не желая подчиниться рѣшенію суда. Въ средніе вѣка это самоуправство у германцевъ является узаконеннымъ, при извѣстныхъ условіяхъ дозволялось Fehderecht, la guerre privée, которое ведется также съ помощью родственниковъ. Если же дѣло доходило до суда, то родственный союзъ продолжаетъ и здѣсь играть важную роль: родственники пользуются правомъ иска за своихъ родичей, являются ихъ естественными представителями и защитниками на судѣ; на кровномъ началѣ основанъ напр. весь институтъ соприсяжниковъ (Eideshelfer) у германцевъ и т. п. Всѣ эти виды проявленія родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ составляютъ предметъ настоящаго изслѣдованія; разобравъ все это, я укажу и на возможность, по германскимъ законамъ, на судѣ отказаться отъ этихъ родственныхъ обязанностей. Наконецъ, въ видѣ дополненія ко всему этому, остановлюсь на родственной защитѣ служебной чести сородичей, согласно съ ихъ отношеніями къ другимъ родамъ служебнымъ, т. е. буду говорить о мѣстничествѣ въ древней Россіи, какъ особенномъ, оригинальномъ проявленіи началъ родоваго быта при столкновеніяхъ его съ интересами государственными. Такова задача и планъ моего настоящаго изслѣдованія.

I.

ХАРАКТЕРЪ ДРЕВНЕ-ГЕРМАНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ МЕСТИ, РОДСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНІИ МЕСТИ И МЕСТЬ ЗА УБИТЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

I. Заботиться о собственной защитѣ и прилагать собственную силу къ охраненію своего благосостоянія, жизни, свободы и имущества представляется естественнымъ, каждому врожденнымъ влеченіемъ. Эта естественная потребность самоохраненія при грубости нравовъ германцевъ и славянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія выражалась въ мести. «Германцы, говоритъ Тацитъ, (гл. 22) не считали постыднымъ пить цѣлый день и ночь, и на пирахъ, выпивши, часто ссорились, а эти ссоры рѣдко оканчивались бранью, но большею частью убійствами и ранами». Подобное говоритъ одно старинное русское слово «о корчмахъ и пьянствѣ»—«гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, точію въ пьянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ ([1])». Во Временникѣ (кн. 7) напечатано слѣдственное дѣло 1623 г. объ убійствѣ во время братчины.

II. Но какъ только человѣкъ является членомъ общественнаго союза, а внѣ его мы не застаемъ въ исторіи ни германцевъ, ни славянъ, личный произволъ мести представляется уже ограниченнымъ: не за всякое оскорбленіе одинаково предоставляется право убить соперника. «Нигдѣ, говоритъ Вильда, убіеніе и месть не являются столь тождественными, какъ въ законахъ Grágás, нигдѣ не распространена такъ возможность убіенія злодѣя до обвиненія его на судѣ и до произнесенія судебнаго приговора, но и здѣсь исполненію мести постановлены точно опредѣленные, законные предѣлы ([2])». Мы приводимъ относящіяся сюда статьи Grágás, пользуясь переводами и объясненіями ихъ Вильдою ([3]), Дальманомъ ([4]) и Дюбуа ([5]).

([1]) Извлеченіе изъ книги «Златоустъ» въ Архивѣ историко-юридическ. свѣдѣній Калачева кн. II, половина 2, стр. 49.

([2]) Das Strafrecht der Germanen, 160.

([3]) ibid., 160, 161.

([4]) Geschichte v. Dännermark, II, 235, 236.

([5]) Histoire du droit criminel des peuples modernes, I, 49, 50.

1. Если кто нибудь будетъ раненъ, то онъ можетъ мстить до перваго народнаго собранія, на которомъ ему предоставляется искать за свои раны. Ранившій становится внѣ покровительства закона для раненаго и для всѣхъ тѣхъ, которые сопровождали послѣдняго тамъ, гдѣ совершено преступленіе; могли мстить и другіе до перваго народнаго собранія.

Qui plaga afficitur, sese ulciscendi facultatem habeat ad comitia illa generalia usque ubi de vulneribus suis plagave illata actionem instituere tenetur. Plagam inferens a laeso jure caeditur, nec non ab omnibus ad locum rei gestae, eum secutis nec minus juste per diem vertentem alii laesum ulciscantur. (Grágás II, тит. 13, стр. 17, 18).

2. За три оскорбительныя слова (6) можно мстить смертію въ продолженіе того времени, въ которое дозволялось мстить за оскорбленіе женщины—до ближайшаго народнаго собранія. Произнесшій эти слова становился лишеннымъ мира для всѣхъ, которые были при оскорбленномъ.

Si quis alterum pavidum nequam, faeminae instar compressum vel muliebria passum dixerit. Tria haecce dicta caede, vindicare fas est. Haec convicia caede ulciscendi jus tamdiu patet, quamdiu faeminas stupratas caede commissa vindicare licet, ad proxima comitia generalia utrumqve. Dictis hisce contumeliosis alterum proscindens jure caeditur ab omnibus, qui injuriatum ad rei gestae locum secuti sunt (Gr. II, титулъ 105, стр. 147).

3. Можно было мстить за ударъ самому оскорбленному и присутствовавшимъ при этомъ, пока оставались слѣды удара; а другіе могли мстить до перваго судебнаго дня.

Hujus ictus vindictam tamdiu qvam vulnerum expetat et laesus et omnes ejus socii. Ut alii, laesum quamvis non secuti per diem vertentem vindictam expetant, fas est. (Gr. II, тит. 11, стр. 16).

---

(6) Въ подлинникѣ ragan, strothin и sorthin, первое издатель Gragas, Шлегель, переводитъ pavidum nequam, второе слово онъ считаетъ причастіемъ прошедш. времени, страдат. залога отъ глагола ek stred (futuo), третье—таже форма отъ глагола ek serd (cum faemina coeo), слѣдовательно послѣднія два слова синонимы. Дюбуа (Hist. du droit crim. I, 49) сопоставляетъ послѣднія два слова упоминаемымъ у Тацита corpore infamis и въ салическомъ законѣ cinitus (Lex Salica, XXX De conviciis 1: «Si quis alterum cinitum vocaverit»).

4. За удары, послѣ которыхъ не оставалось слѣдовъ, можно мстить только на мѣстѣ.

Si tam leviter tangitur, ut delicti corpus non relinquatur. Hunc ictum in eodem loco rei gestae nec diutius laesus ulciscatur. (Gr. II, тит. 11, стр. 15).

Grágás опредѣляетъ и то, что считалось мѣстомъ совершенія преступленія, это было пространство отъ мѣста перваго нападенія во всѣ страны, на протяженіе пущенной стрѣлы.

Definiunt leges, ut locus rei gestae sit spatium definitum per jaculum undiquavorum inde emissum, ubi prima fiebat aggressio, sive hoc intus, sive foris sit factum. (Gr. II, тит. 14, стр. 19).

5 Истребляющій чужой скотъ становился на мѣстѣ преступленія внѣ покровительства закона.

Qui pecora aliena laedit, in loco rei gestae jure caeditur (Gr. II, тит. 79, стр. 123).

Основываясь на подобныхъ законахъ, примѣры которыхъ можно увеличить, напр. месть за оскорбительное стихотвореніе (Gr. II, тит. 106, de versificatione famosa), за убійство раба (ibid., тит. 108), мы видимъ, что позволялось убивать даже за незначительное тѣлесное поврежденіе, за бранное слово, за имущественный вредъ; но по всѣмъ этимъ проступкамъ и по суду, если дѣло доходило до него, опредѣлялось лишеніе мира, что равнялось, какъ извѣстно, смерти. Вмѣстѣ съ этимъ мы видимъ также цѣлый рядъ правонарушеній, при которыхъ не было и рѣчи объ убіеніи и мести, за которыя оскорблённый вознаграждался только законною пенею. Распространяя кругъ послѣднихъ преступленій Grágás ограничивалъ личный произволъ оскорбленныхъ.

У англосаксовъ также было понятіе о законной мести. Въ законахъ короля Эльфреда говорится, что «каждый могъ безнаказанно убить того, котораго засталъ вмѣстѣ съ своею женою, при запертыхъ дверяхъ, или подъ покрываломъ, или у своихъ законныхъ дочерей и сестръ или у матери, которая была законною женою его отца (7)».

Народные германскіе законы допускали месть кромѣ убійствъ, еще только при особенномъ оскорбленіи личности и чести дома. Сюда принадлежитъ:

---

(7) Schmid 53.

1. Женидьба на дѣвушкѣ безъ согласія ея родственниковъ; кромѣ платы за похищеніе—pro anagrip, женившійся на ней долженъ былъ заплатить столько же propter faidam, т. е. для избавленія себя отъ мести.

Edictum Rotharis, 188 «si puella libera, aut vidua, sine voluntate parentum ad maritum ambulaverit, liberum tamen, tunc maritus, qui eam acceperit uxorem, componat pro anagrip solidos xx, et propter faidam alios xx». Линденброгій представляетъ въ своемъ сборникѣ древнихъ формулъ и формулу примиренія по поводу похищенія дѣвушки; здѣсь похититель, ставшій ея мужемъ, обращается къ ней съ словами, въ которыхъ указываетъ на предстоявшую ему опасность отъ ея родныхъ, если бы дѣло не кончилось примиреніемъ. Dulcissimae atque amantissimae coniugi meae nom. ill. ego ill. maritus tuus. Licet ergo ut ego rapto scelere absque voluntate parentum tuorum te mihi in coniugium visus sum sociasse, unde vitae periculum incurrere potui, nisi intervenissent sacerdotes vel reliquae plures illustres personae, qui nos ad pacis concordiam vel unanimitatem visi sunt revocasse.

2. Оскорбленіе женской стыдливости. Законъ Ліутпранда (ст. 135) говоритъ объ убійствѣ братомъ, мужемъ или близкимъ родственникомъ женщины того, кто унесетъ ея платье, когда она купается; и о платежѣ вмѣсто этого денежнаго вознагражденія. Annuntiatum est nobis, quod aliquis perversus homo, dum se quaedam femina in fluvio lavaret, pannos eius, quos ibi habuit, totos tulisset, et ipsa remansisset nuda. Proinde statuimus, qui talem illicitam praesumtionem fecerit, componat eidem feminae, cui talem turpitudinem fecerit, widrigild suum. Ideoque hoc dicimus, quia si invenisset eam frater aut vir, aut propinquus parens eidem feminae, scandalum cum eo commiterit, et qui superare potuisset, unus alterum interficeret. Propterea melius est, ut vivus componat widrigild suum, quam de mortuo crescat faida inter parentes, et compositio maior. Въ случаѣ несостоятельности или нежеланія платить Wergeld, виноватый, вѣроятно, подлежалъ мести какъ и по дѣламъ объ убійствѣ.

3. Убійство раба. Едиктъ Ротара (143) одинаково говоритъ о композиціи за убійство свободнаго и раба. Эта композиція опредѣлялась для отвращенія мести, которая принадлежала за раба господину его. Si homo occisus fuerit liber aut servus, et de ipso homicidio compositio facta fuerit, et pro amputanda inimicitia, sacramenta praestita fuerint.

Опредѣляя возможность мести, законы прямо запрещаютъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. едиктъ Ротара (tit. 74) не дозволяетъ мести за раны. «In omnibus istis plagis ac feritis superius descriptis, quae inter homines liberos eveniunt, ideo maiorem compositionem posuimus, quam antiqui nostri, ut faida, quod est inimicitia, post compositionem acceptam postponatur, et amplius non requiratur, nec dolus teneatur: sed caussa sit finita, amicitia manente».

Имѣя въ виду ограниченіе случаевъ возможности мести, должно согласиться съ Вальтеромъ, который говоритъ, что нельзя очень далеко распространять право мести и изъ него выводить всю систему композицій, подобно Рогге, Филлипсу, Гримму, Ейхгорну и нѣкоторымъ другимъ ([8]).

Тѣже поводы къ законной мести мы встрѣчаемъ и у славянъ, которые опредѣлили ее за убійство, оскверненіе брачнаго ложа, похищеніе женщины и другія оскорбленія ея. Право Иглавское XIII вѣка говоритъ: «et si aliquis aliquem juxta uxorem suam deprehenderit et si ambos interfecerit, vocatis judice et juratis ambo ita mortui palo trucidentur ([9])». По мазовецкимъ статутамъ 1386 и 1421 г. родителямъ и родственникамъ похищенной предоставлялось бѣжать за похитителемъ и убить его ([10]). Древнее земское право чеховъ дозволяло отцу похищенной отрубить голову ей и ея похитителю, если онъ вступалъ съ ней въ бракъ по ея согласію, если же она скажетъ на судѣ, что похищена противъ воли, то ей самой предоставлялось собственною рукою отрубить голову похитителю ([11]). О черногорцахъ, говоритъ г. Поповъ, что у нихъ такъ сильно уваженіе къ женщинѣ, что скорѣе свою обиду проститъ черногорецъ, нежели обиду женѣ или дочери, на каждое дерзкое слово имъ одинъ отвѣтъ—кинжаломъ или пулею ([12]).

Изъ Русской Правды видно запрещеніе мести за побои, подобно запрещенію ея за раны, по законамъ Ротара. «А се аже холопъ оударить свободна мужа, а оубѣжить въ хоромъ,

---

([8]) Deutsche Rechtsgeschichte v. Walter, II. § 704.

([9]) Slovanské právo v Čechách a na Moravě, Иречка I, 169.

([10]) Hist. prawodawstw slowiansk. Macieijowskiego, III, 32.

([11]) Řad práwa zemského, стр. 84. Archiv Česky, II, 124.

([12]) Путешествіе въ Черногорію, 160

а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмь аче и кдѣ налѣзеть оударены тъ своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны». По поводу этой статьи г. Ланге справедливо замѣчаетъ, что если-бы такое кровавое возмездіе было вообще въ обычаѣ за увѣчья, раны и побои, то не представлялось бы нужнымъ издавать особое о томъ постановленіе относительно виновныхъ въ этомъ холоповъ. Существованіе такого постановленія указываетъ, что оно было исключеніемъ изъ общаго правила ([13]).

III. Произволъ мести ограничивался также общепринятымъ понятіемъ о свойствѣ ея. У германцевъ не было кровожадной, жестокой мести, ее не исполняли надъ безоружными и попавшими въ руки мстителю; кто мучилъ своего врага, отравлялъ его и тому подобное, тотъ совершалъ по германскимъ понятіямъ, постыдное дѣло, которое могло быть причиною отомщенія ([14]).

Г. Чебышевъ-Дмитріевъ, руководствуясь изслѣдованіями г. Буслаева объ эпической поэзіи, проводитъ параллель между древнимъ обычнымъ правомъ и древнею народною поэзіею; и по этому поводу замѣчаетъ, что право, будучи голосомъ преданія, идущаго отъ временъ незапамятныхъ, казалось для всего общества и каждаго изъ его членовъ такимъ же произведеніемъ, стоящимъ внѣ произвола, какъ эпическая поэзія для пѣвца и его слушателей. «Смотря на право съ этой точки зрѣнія, говоритъ г. Чебышевъ-Дмитріевъ, нельзя предполагать, чтобъ месть была безгранична, произвольна, чтобъ мѣра и способъ ея осуществленія зависѣли отъ субъективнаго взгляда местника и измѣнялись при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Местникъ чувствовалъ такую же влекущую его, ничѣмъ не удерживаемую силу преданія и обычая, какъ и народный пѣвецъ; онъ также неволенъ въ средствахъ и мѣрѣ мести, какъ пѣвецъ въ содержаніи разсказа и способѣ выраженія. Личное чувство оскорбленнаго преступленіемъ имѣетъ здѣсь такъ же мало значенія, какъ и въ области поэзіи, гдѣ всѣ движенія сердца, радость и горе, выражались не столько личнымъ порывомъ страсти, сколько обычными изліяніями чувствъ—на свадьбѣ въ пѣсняхъ свадебныхъ, на похоронахъ

([13]) Объ уголовномъ правѣ Русской Правды, 97, 98.

([14]) Das Strafrecht der Germanen v. Wilda, 158, 159.

въ причитаніяхъ, однажды навсегда сложенныхъ въ старину незапамятную и всегда повторявшихся почти безъ перемѣны. Если же обиженный, руководимый чувствомъ вражды къ оскорбителю, вздумалъ бы перейти законную границу мести,— то въ силу того же чувства права, по которому общество выдало его мести виновнаго,—его дѣйствія вызвали бы реакцію со стороны общества» ([15]). Неопредѣленную месть отрицаетъ и другой русскій криминалистъ, г. Власьевъ. Признавая месть за форму родоваго возмездія и замѣчая, что исключительно родовой бытъ лежитъ за предѣлами исторіи, г. Власьевъ, говоритъ, что поэтому и неопредѣленной мести въ исторіи мы не знаемъ. Онъ думаетъ, что между этою родовою формою возмездія и княжескимъ судомъ существовала посредствующая: общинное опредѣленіе мести и общинный судъ. Указанія на это онъ видитъ въ требованіи извода передъ 12-ю мужами, по Русской Правдѣ, и другихъ постановленіяхъ ея, явно не княжескаго происхожденія: потокъ и разграбленіе, установленіе понятія о поличномъ, закликаніе на торгу, сводъ по татебнымъ дѣламъ, ограниченіе дозволеннаго убійства ночнаго татя; это ограниченіе свойственно столь различнымъ по времени и мѣсту законодательствамъ, что его невозможно считать новостью, введенною княжескою властью. «Судъ княжескій, говоритъ г. Власьевъ, закрылъ собой общинную юридическую дѣятельность, и мы теперь не можемъ опредѣлить съ точностью, на сколько правда была признаніемъ результатовъ этой дѣятельности. Можемъ только предполагать, что ограниченія самовольной расправы предшествовали Правдѣ, напр. отысканіе пропажи сводомъ. Молчаніе правды о формахъ и обрядахъ законной мести, также какъ и обрядахъ обысковъ (поличное существуетъ уже какъ готовое понятіе) указываетъ на то, что все это предполагается уже извѣстнымъ издавна. Такимъ образомъ, заключаетъ г. Власьевъ, мы должны предполагать, что месть была уже явленіемъ опредѣленнымъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ допускалась и заключала въ себѣ не одно только исключительно родовое дѣйствіе, но и сужденіе общинное» ([16]).

([15]) О преступномъ дѣйствіи по русскому, до-петровскому праву, 35, 36.

([16]) «О вмѣненіи» 172.

IV. Месть должна быть явная. Убіеніе даже лишеннаго мира должно быть заявлено совершившимъ его. Grágás (тит. 111) говоритъ de coede proscriptorum denuntianda: «eodem vel die vel nocte, quo quis proscriptum occidit hoc denuntiet, et sui juris homini indicet. Quod si eodem vel die vel nocte non indicaverit, proscripti coesi praemium exigendi jure destituitur». Этимъ заявленіемъ пріобрѣталось право первой присяги въ удостовѣреніе законности убійства. По англосаксонскимъ законамъ Ини «если требовалась вира за убитаго, то убившій могъ удостовѣрить, что онъ убилъ его, какъ вора, при этомъ не допускались къ присягѣ родственники убитаго или его господинъ; но если убившій скрылъ свое дѣло, а потомъ это откроется, то убійца этимъ давалъ мертвому путь къ присягѣ», какъ выражается законъ, «тогда родственники убитаго могли освободить (своею присягою) убитаго отъ обвиненія» (17).

Иногда отомстившій, не дожидаясь могущей быть жалобы со стороны родственниковъ убитаго, отправлялся самъ въ судъ съ обвиненіемъ противъ убитаго, что онъ убитъ по закону. О судѣ надъ убитымъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ въ германскихъ народныхъ правахъ, говоритъ Вильда (18), но объ этомъ свидѣтельствуетъ Grágás (II, тит. 31, стр. 62), который требуетъ отъ убившаго другаго за оскорбленіе чести своей родственницы, чтобы онъ начиналъ искъ противъ убитаго, какъ будто-бы тотъ былъ живъ; должно опредѣлить подсудность по мѣстожительству убитаго и пользоваться соотвѣтствующими дѣлу формулами призванія къ суду. «Justus faeminae vindex, si ejus causa coedem commiserit mortuo diem dicat, ubi novissime justum domicilium ei fuisse cognovit, his verbis adhibitis: testes denomino, ut testimonio probetur me N. N. filium in jus vocare, eo nomine—hic definiat, quid tale adfert, ut mortuus pro jure coeso habendus sit—eum jure coesum esse contendo». О такомъ судѣ говоритъ и Саксонское Зерцало (кн. I, артик. 69). Sve ok enen doden oder enen gewundenen man gevangen vor gerichte vort, unde ine to enen vredebrekere bereden wel mit kampe oder ane kamp, ne beredet he sin nicht, man sal over ine richten na vredes rechte.

(17) Schmid, 18.

(18) Strafrecht der Germanen, 163.

Объявленіе на судѣ о совершенной мести требовалось и славянскими законами. Иглавское право XIII ст. установляетъ: «et si aliquis aliquem juxta uxorem suam deprehenderit, et si ambos interfecerit, vocatis judice et juratis, ambo ita mortui palo trucidentur» ([19]). Подобное узаконяется и въ чешскомъ земскомъ правѣ, Rád práwa zemského, ст. 29: «истецъ гдѣ только найдетъ отвѣтчика (убійцу, уклоняющагося отъ суда) можетъ его схватить и убить, проколоть ему голени и привязать за ноги къ конскому хвосту, не снимая никакой одежды и повлечь къ пражской висѣлицѣ. Объ этомъ должно объявить урядникамъ и взять коморника, который бы осмотрѣлъ убитаго.... никто не долженъ мстить за такое убійство» ([20]). Это-же узаконяется и въ позднѣйшемъ славянскомъ законодательномъ памятникѣ, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (глава XXI, ст. 88): «а будетъ кто татя съ поличнымъ убьетъ въ дому своемъ, и того убитаго тотъ часъ объявить окольнымъ людемъ, и объявя, вести къ запискѣ въ приказъ. А будетъ кто за татемъ погонится съ сторонними людьми, и на дорогѣ, или на полѣ, или въ лѣсу тотъ тать изымати себя не дастъ, и учнетъ дратися, и того татя на погонѣ кто убьетъ до смерти, или ранитъ, и того убитаго или раненаго татя съ поличнымъ, что онъ покралъ, потому же привесть въ приказъ съ погонщики вмѣстѣ».

Такъ какъ отомстившій доказывалъ, что убитый имъ нарушилъ миръ, а за это у германцевъ и славянъ наказывали лишеніемъ мира, которое обусловливало право каждаго убить лишеннаго мира, то месть такимъ образомъ является, какъ будто исполненіемъ судебнаго приговора.

Тождество дозволенной въ извѣстномъ случаѣ мести и исполненія приговора особенно видно въ законахъ англо-саксонскихъ, напр. Эльфреда, по которымъ, въ случаѣ безсилія мстителя, предписывается законнымъ властямъ помогать ему. Такимъ образомъ частная сила и правительственная власть дополняютъ и помогаютъ одна другой. Эльфредъ говоритъ о мстителѣ, что если онъ имѣлъ силу осадить противника въ его домѣ, то долженъ держать его въ засадѣ 7 дней; если черезъ 7 дней тотъ покорится и положитъ оружіе, мститель не нападаетъ на него еще 30 дней, въ продолженіе кото-

(19) Иречекъ I, 169.

(20) Archiv Český II, 91.

рыхъ извѣщаетъ о немъ его роднымъ (вѣроятно, чтобы они приготовились помочь ему въ платежѣ денежнаго вознагражденія). Если у мстителя не было силы осадить противника, то онъ отправлялся къ Ealdorman просить его о помощи; если тотъ не помогалъ ему, мститель отправлялся къ королю, прежде начатія борьбы съ противникомъ. Если кто нибудь случайно встрѣтитъ своего соперника, не зная прежде объ его мѣстожительствѣ, и соперникъ положитъ оружіе, его должно держать 30 дней и заявить о немъ его роднымъ; если-же онъ не положитъ оружія, то противъ него дозволялось начать борьбу. Если же противникъ хочетъ покориться и положитъ оружіе, но кто-нибудь все-таки начнетъ съ нимъ борьбу, то вознаграждаетъ за убійство и раны и лишается при этомъ помощи своихъ родныхъ (21). Такимъ образомъ мы видимъ, что здѣсь личному произволу положены предѣлы, осуществленіе мести допускается только въ случаѣ непокорности противника. Месть можно считать исполненіемъ судебнаго приговора о лишенномъ мира.

Съ такимъ же характеромъ является месть и у славянъ. Мы приводили мнѣніе г. Власьева, что месть еще до Русской Правды подвергалась общинному сужденію и не была дѣломъ исключительно родовымъ. «Съ понятіемъ мести, говоритъ г. Власьевъ, неизбѣжно различеніе дѣйствій, признаваемыхъ именно местью, законнымъ дѣломъ, отъ дѣйствій, которыя сами могли возбуждать законную месть. По существу самого дѣла, это различіе должно основываться на извѣстности «людямъ» совершеннаго преступленія. Отсюда месть, такъ сказать, послѣдующая, уполномочіе обидчика, въ которомъ, какъ происходящемъ съ вѣдома общины, выражается и ея сужденіе; и месть непосредственно при самомъ совершеніи нарушенія, опредѣляемая очевидностью его преступности (handhafte That, delictum flagrans)» (22). И такъ месть есть приведеніе въ исполненіе судебнаго приговора общины. У Чеховъ убіеніе виноватаго совершалось противникомъ даже на судѣ, съ дозволенія судей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ řád práwa zemského ст. 26: «если одинъ переможетъ другаго (на судебномъ поединкѣ), то долженъ своею рукою отрубить голову побѣжденному и положить ее между ногъ, если тяжущіеся

(21) Schmid, стр. 52.

(22) «О вмѣненіи», стр. 72, 73.

по волѣ короля и съ позволенія пановъ не уговорились иначе поступить съ побѣжденнымъ. А когда побѣдитель отрубитъ голову и положитъ ее между ногъ, долженъ самъ стать на одно колѣно и благодарить короля и пановъ за правосудіе, положить два галера (halére) на убитаго, и тѣмъ принести ему жертву. Такъ онъ побѣждаетъ врага и выигрываетъ тяжбу. Побѣдитель долженъ внести это въ таблицы, чтобъ ему не мстилъ никто изъ родственниковъ убитаго» ([23]). Такимъ образомъ мы видимъ тѣсную связь у германцевъ и славянъ между местью и исполненіемъ судебнаго приговора о преступникѣ, достойномъ лишенія мира. Теперь обращаемся къ разсмотрѣнію самого характера и значенія лишенія мира у германцевъ и славянъ, потому что этимъ обусловливалось долгое существованіе мести даже при господствѣ общиннаго и государственнаго порядка.

V. Древнѣйшее наказаніе за важнѣйшія преступленія, которыя считались нарушеніемъ общественнаго, а впослѣдствіи королевскаго мира, состояло у германцевъ въ лишеніи мира (Friedlosigkeit). Главнымъ послѣдствіемъ этого наказанія было то, что лишенный мира становился внѣ всякой охраны, а поэтому былъ убиваемъ каждымъ безнаказанно. Обыкновенную формулу исландскихъ и норвежскихъ законовъ о лишенномъ мира «ogildr oc oheilargr fyrir hveriom manni» можно перевести «безнаказанный и беззащитный противъ каждаго», слѣдовательно его каждый могъ убить; объ этомъ прямо говоритъ архіепископъ Андрей Сунезенъ, въ своемъ сборникѣ датскихъ законовъ, составленномъ въ началѣ XIII столѣтія (Leges provinciales terrae Scaniae): «ut ipse reus communis pacis expers ab omnibus habeatur, quem lingua patria fredlos appellant. Et tam verbis quam collisione armorum evidenter exprimitur, ut eum cuilibet cum armis invadere sit permissum» ([24]). Лишенный мира изгонялся изъ сообщества людей, долженъ былъ бѣжать въ лѣсъ, поэтому назывался Waldmann и Wargus (волкъ) ([25]), его можно было убить, подобно лѣсному звѣрю. Салическій законъ, на основаніи древняго закона, называетъ wargus ограбившаго мертвое тѣло, зарытое въ землю; такой преступникъ продолжаетъ считаться

([23]) Archiv Cesky, II, стр. 91.

([24]) Wilda, 281, 282, 55.

([25]) «Deutsche Rechtsalterthümer» v. Grimm, 733.

лишеннымъ мира до тѣхъ поръ, пока сами родственники ограбленнаго не будутъ просить о возвращеніи его въ общество людей; если-же кто нибудь до этого дастъ ему хлѣба или пріютъ, хотя бы его жена или родственница, подвергается за это взысканію. Lex salica ex editione Heroldi tit. 58: «et antiqua lege si corpus iam sepultum exfodierit, et exspoliaverit, wargus sit usque in diem, qua cum parentibus ipsius defuncti convenerit, et ipsi pro eo rogent, ut inter homines liceat ei accedere; et quicunque antea ei aut panem aut hospitale, sive uxor sua, sive proxima ei dederit, DC. den. qui faciunt sol. XV culpabilis iudicetur». Салическій законъ по изданію Линденброгія (tit. 57, 5) объясняетъ, что значитъ wargus: «wargus sit, hoc est expulsus de eodem pago». Тоже повторяетъ и рипуарскій законъ (tit. 85, 2): «si autem eum ex humo traxerit. et expoliaverit, ducentis solidis cum capitale et delatura culpabilis iudicetur, vel wargus sit, hoc est expulsus, usque dum parentibus satisfaciat». Въ законахъ Едуарда Исповѣдника говорится о нарушившемъ церковный миръ, что онъ лишался королевскаго покровительства, становился для каждаго внѣ закона, какъ человѣкъ съ волчьей головой: «utlagabit eum rex verbo oris sui... lupinum enim gerit caput, quod anglice wulfesheofod dicitur. Et haec est lex communis et generalis de omnibus utlagatis» (26).

Цёпфль замѣчаетъ слово Wargus, сохранившимся еще въ XVI ст., въ верхнемъ Валлисѣ, въ формѣ «wagre», которая обозначаетъ выгнаннаго изъ общины всею толпою народнаго собранія (27). Гриммъ говоритъ, что въ пѣсняхъ и сагахъ много примѣровъ жизни изгнанныхъ въ лѣсъ (28) Цёпфль считаетъ первобытною и происходящею отъ юридической метафоры въ названіи лишеннаго мира волкомъ сагу о человѣкѣ—волкѣ, который блуждаетъ около человѣческихъ жилищъ, бросается на людей, и когда его убиваютъ, является въ человѣческомъ видѣ (29).

При такомъ понятіи о лишенномъ мира становится яснымъ возможность каждому, особенно самому оскорбленному и его родственникамъ, убить лишеннаго мира до произнесе-

(26) Schmid, стр. 278.
(27) Deutsche Rechtsgeschichte, 939, прим. 76.
(28) Deutsche Rechtsalterthümer, 733.
(29) Deutsche Rechtsgeschichte, 940, прим. 82.

нія судебнаго приговора о немъ. Особенно это было возможно, когда фактъ совершившагося преступленія совершенно ясенъ, а убійство преступника, какъ мы видѣли, должно быть явнымъ, даже сопровождалось иногда готовностью предстать на судъ съ обвиненіемъ противъ убитаго.

Говоря о первоначальномъ значеніи лишенія мира, какъ наказаніи за важнѣйшія преступленія, замѣтимъ, что впослѣдствіи оно обыкновенно опредѣлялось только за непослушаніе требованію явиться на судъ, оно вело и тогда къ тѣмъ же послѣдствіямъ: къ лишенію всѣхъ правъ, становило внѣ королевской охраны (foras sermone regis) и давало каждому право убить лишеннаго мира. Едиктъ Хильперика: «nam si certe fuerit malus homo qui male in pago faciat, et non habeat ubi consistat nec res unde componat, et per silvas vadit, et in praesentia nec agens nec parentes ipsum adducere possunt, tunc agens ille et cui male fecit nobiscum adcusent, et ipsum mittemus foras nostro sermone, ut quicumque eum invenerit, quomodo sic ante pavido interficiat (30)».

Тоже значеніе лишенія мира, какъ послѣдствіе, наказаніе важнѣйшихъ преступленій, открывается и у славянъ, которые также за нѣкоторыя преступленія опредѣляли изгнаніе и разграбленіе имущества и предоставляли каждому право убить преступника. Русская Правда опредѣляетъ за нѣкоторыя преступленія «потокъ» и «разграбленіе».

»Будетъ ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе». (Троицк. спис., ст. 5).

«Аще будетъ коневыи тать—выдати князю на потокъ» (ib. 30). «Аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу исплативше, а въ процѣ князю поточити і; такоже аже кто дворъ зажьжетъ» (ib. 79).

Что такое «потокъ» и «разграбленіе»? Подъ разграбленіемъ разумѣлось лишеніе имущества, что у германцевъ было также послѣдствіемъ лишенія мира. Первая новгородская лѣтопись, подъ 1209 г. представляетъ образецъ того, какъ совершалось это разграбленіе: «новгородьци же пришьдъше Новугороду, створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на новгородьцихъ сребро имати, а по

(30) Pertz. Leges II, 11.

волости купы брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло. Идоша на дворъ ихъ грабьжемъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поимаша безъ числа; а избытъкъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потаи похваталъ, а того единъ Богъ вѣдаеть, и отъ того мнози разбоготѣша; а что на дъщькахъ, а то князю оставиша (31)».

«Потокъ» значитъ изгнаніе, это доказывается замѣною этого слова въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды словомъ «изгнаніе», «погнаніе». По поводу замѣны этихъ словъ однимъ—другаго, г. Калачевъ въ разборѣ изслѣдованія г. Деппа «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича» говоритъ: «мы обратили особенное вниманіе па то, можно ли было употребить этотъ замѣчательный варіантъ, и послѣ продолжительнаго обсужденія убѣдились, что переписчикъ имѣлъ къ тому достаточное основаніе. Терминъ «погнаніе» въ настоящемъ мѣстѣ указываетъ на древній обычай въ самостоятельныхъ общинахъ изгонять изъ своей среды («выбивать изъ земли вонъ») преступныхъ членовъ (32).

Тѣже послѣдствія преступленій мы встрѣчаемъ и у другихъ славянъ, напр. въ далматскихъ городахъ. Въ Каттаро, говоритъ г. Рейцъ, мы находимъ древне-славянское наказаніе: измѣнникъ отечества объявлялся врагомъ государства и изгонялся на вѣки; домъ его разрушался до основанія и все его имущество разсѣевалось и расточалось народомъ. Въ Трау, если убійца скрывался, его осуждали на вѣчное изгнаніе, каждый могъ убить его, а все имѣніе его переходило къ общинѣ и родственникамъ убитаго (33). Въ послѣднемъ статутѣ мы встрѣчаемъ главнѣйшее послѣдствіе лишенія мира, по древне-германскому праву — предоставленіе каждому убить лишеннаго мира. Безнаказанное убіеніе изгнаннаго за убійство опредѣляется и въ литовскихъ статутахъ, въ первомъ изъ нихъ (разд. VII, ст. 3) говорится: «а оный убійца мает выволан быти из земли вонъ, а хотя бы за се потом прие-

(31) Полн. Собр. лѣтоп. III, 30.

(32) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. III, 29.

(33) Сборникъ историч. и статист. свѣдѣній о Россіи. Д. В. стр. 183.

халъ, а хтобы его забил, тогды тотъ не повиненъ будетъ за голову его платити ничого ни у вину жадную не впадываеть». Тоже повторяется во второмъ (разд. XI, 4) и третьемъ статутѣ (разд. XI, 4). Наконецъ это право каждаго убить убійцу мы встрѣчаемъ и въ черногорскомъ судебникѣ 1798 г., который говоритъ: «ови рукоставникъ (убійца) и убойца акоби се и кадъ у коемо драго (въ какомъ либо) мѣсто ухватити оли убити мога, то рекосмо да го найкрадни (каждый) црногорацъ оли бржанинъ еднако убити може, колико и они, коемуе онъ брата убіо (34)».

Также какъ у германцевъ и у славянъ запрещается помогать и укрывать такого преступника. Řád práwa zemského, ст. 47 опредѣляетъ, что, если кто приметъ къ себѣ преступника, не зная его вины, то принявшему должно напомнить, чтобъ сбылъ преступника съ рукъ въ продолженіе слѣдующихъ шести недѣль. А если онъ, не смотря на это напоминаніе, будетъ скрывать преступника, и пройдетъ положенныхъ шесть недѣль, то онъ также объявляется врагомъ короля и всей земли, и надъ нимъ должна совершиться месть при содѣйствіи всего общества». Ст. 48 дозволяетъ возстать всѣмъ панамъ сообща, какъ противъ явнаго врага, противъ того замка или города, который скрываетъ преступника. Ст. 51 опредѣляетъ пану, скрывавшему убійцу или вора, изгнаніе изъ земли, и каждый, принадлежащій къ коронѣ чешской долженъ считать его своимъ непріятелемъ (35). О запрещеніи принимать преступника и помогать ему говоритъ и Андрей съ Дубы (36).

Имѣя въ виду главный предметъ настоящаго изслѣдованія—союзъ родственной защиты, замѣтимъ, что онъ проявлялся и въ отношеніи къ лишенному мира. Хотя мы видѣли запрещеніе законовъ подавать помощь лишенному мира, но Вильда приводитъ старый норвежскій законъ (Гулатингъ короля Гакона), который предоставлялъ женѣ лишеннаго мира давать мужу у себя пріютъ 5 ночей послѣ судебнаго приговора; если же онъ оставался въ домѣ долѣе и жена не хотѣла подлежать отвѣтственности, то должна была заявить объ

(34) «Путешествіе въ Черногорію» Попова, 284.

(35) Archiv Český, II, 99—101.

(36) Pana Ondřeje z Dube, Wýklad na práwo zemské české, ст. 84. Archiv Český II, 507.

этомъ сосѣдямъ. Тотъ же законъ Гулатинга, а также и Фростатинга позволяютъ родственникамъ лишеннаго мира и спасающагося бѣгствомъ въ лѣсъ облегчить это бѣгство. Законы эти справедливо называются Вильдою наивными, они позволяютъ родственникамъ бѣгущаго подставить преслѣдующимъ его рукоять меча или ногу, чтобы затруднить этимъ преслѣдованіе, даже заставить преслѣдующихъ упасть, но это позволяется сдѣлать только одинъ разъ; потомъ эти законы позволяютъ родственникамъ спасающагося въ лѣсъ или въ воду бросить послѣднему весло или руль и т. п., но только какой нибудь одинъ изъ этихъ предметовъ, иначе родственники лишеннаго мира обвиняются въ этой помощи ([37]).

Подобную защиту встрѣчаемъ и въ древнемъ чешскомъ правѣ. Rád práwa zemského, ст. 30 опредѣляетъ, что если убійца будетъ найденъ у своей законной жены, и она обняла его, или прикрыла своею одеждою, то онъ не долженъ быть взятъ отъ жены и не подвергается никакой обидѣ ([38]). Г-нъ Иванишевъ въ изслѣдованіи «О платѣ за убійство» приводитъ постановленіе одного чешскаго уложенія 1564 г., по которому отецъ, сынъ, братъ и дядя имѣли право продержать у себя убійцу однѣ сутки ([39]).

VI. Таковъ былъ характеръ мести у древнихъ германцевъ и славянъ, теперь замѣтимъ въ отношеніи къ проявленію родственной помощи при осуществленіи мести въ извѣстныхъ намъ границахъ, что, при достаточной крѣпости родоваго союза, какимъ онъ являлся въ древнѣйшую эпоху исторіи германцевъ и славянъ, весьма было естественнымъ, что, при защитѣ каждымъ своей безопасности, помогали ему родственники. Месть поддерживалась этою родственною помощію, она давала силу при осуществленіи мести. «Тотъ призывъ (der Ruf), которымъ при оскорбленіи приглашались родственники, замѣчаетъ Филлипсъ, назывался die Klage (обыкновенное названіе иска было также clamor). На этотъ призывъ собирались родственники, чтобы обѣщать или бороться съ нарушителемъ мира и защищающими его родными или договориться съ ними о вознагражденіи скотомъ или деньгами ([40])».

([37]) Das Strafrecht der Germanen, 289.
([38]) Archiv Česky, II, 93.
([39]) «О платѣ за убійство» стр. 46.
([40]) «Deutsche Reichs—und Rechtsgeschichte», 125.

Англосаксонскіе законы Эльфреда дозволяли каждому защищаться вмѣстѣ съ родственниками противъ того, кто начиналъ несправедливую съ нимъ вражду (41). Особенно родственная помощь въ мести была необходима тогда, когда общественный союзъ, соединявшій въ себѣ отдѣльные роды, былъ еще слабъ, когда центральная власть была безсильна. Каждый отдѣльный человѣкъ и каждое семейство въ такую эпоху должны сами заботиться о сохраненіи своей чести и независимости. Если бы они не мстили за обиду, дали бы этимъ поводъ къ новымъ обидамъ и нападеніямъ, ихъ перестали бы бояться, начали презирать, все болѣе и болѣе угнетать, все это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока эти несчастные не оставили бы своей территоріи или не обратились бы въ рабовъ. Если же напротивъ семейство, обиженное въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, вступалось за него, воздавало за убійство убійствомъ, за грабежъ грабежомъ, оно могло вознаградить себя съ избыткомъ за потерянное, уравнивалось съ враждебнымъ родомъ, даже становилось выше его.

Заступничество за мстителя его родныхъ замѣчаетъ у славянъ Мацѣйовскій, который говоритъ, что въ первое время общественнаго развитія обиженный для воздаянія обидчику призывалъ на помощь родныхъ, если не былъ въ состояніи самъ себѣ помочь. «Тогда «свои», т. е. родственники и пріятели, или сама община (lub gmina, lub panstwo), разсмотрѣвши положеніе дѣла, снисходили его желанію, или предоставляли самому рѣшить дѣло, даже иногда исключали его изъ своей среды (42)».

VII. Особенно важною считалась месть за убитаго родственника. Убійство родственника было родовою потерею, нанесеніемъ вреда, поэтому, при господствовавшемъ желаніи каждаго самому отыскивать свое право, при постоянной готовности къ борьбѣ, къ вознагражденію за оскорбленіе мечемъ, только голова убійцы могла считаться достаточнымъ вознагражденіемъ за убійство родственника. Потомъ къ сознанію необходимости родовой мести побуждалъ страхъ передъ умершими и то почитаніе мертвыхъ, которое встрѣчается у всѣхъ народовъ, при первоначальной степени ихъ развитія. Отъ этого

(41) Schmid, стр. 53.

(42) Hist. prawod. slowianskich, III, 113.

почитанія умершихъ, имѣвшаго основаніемъ религіозное вѣрованіе народа о загробной жизни, появилась связь между родовою местью и религіею. Говоря объ этомъ религіозномъ источникѣ родовой мести, можно указать на справедливое замѣчаніе Вильды, что не должно принимать, что религія лежитъ въ основѣ самой родовой мести, что она, будучи религіозною обязанностью, болѣе тѣсно связана съ религіею, чѣмъ право вообще. Нельзя основывать религіознаго характера родовой мести, подобно Филлипсу, на томъ, что приступавшій къ мести призывалъ боговъ, потому что это бывало всегда, при всѣхъ важныхъ и трудныхъ предпріятіяхъ ([43]).

Не забудемъ еще, что если бы насильственная смерть родственника осталась безъ мщенія, тогда, согласно съ образомъ мнѣнія того времени, можно было бы легко подумать, что убитый даже своими родными считается недостойнымъ членомъ рода, что онъ умеръ по своей винѣ, за какое нибудь преступленіе; поэтому для чести, для загробной славы убитаго должно отомстить за смерть его.

Хотя никакой религіозный кодексъ не предписывалъ мести, какъ добраго дѣла, но германская эпическая поэзія представляла ее героическимъ подвигомъ. «Подобно тому, какъ месть для боговъ греческаго Олимпа была удовольствіемъ, говоритъ Дюбуа, у боговъ Валгаллы она была страстью: въ Сэмундовой Эддѣ встрѣчаются разсказы о пролитіи крови и убійствахъ, передъ которыми блѣднѣютъ преданія объ Орестѣ и Атридахъ. Каждый благородный воинъ долженъ былъ подражать примѣрамъ Одина и Тора, а всякая женщина Гудрунѣ или Кримгильдѣ. Скандинавскія саги второй Эдды того же характера, хотя тамъ дѣйствуетъ міръ уже почти историческій». Дюбуа представляетъ изъ «Писемъ объ Исландіи» Мармье, отрывокъ изъ Саги Ніала, которая придаетъ родовой мести печать небеснаго покровительства. «Одинъ слѣпецъ отъ рожденія, по имени Асмундръ, отправился въ народное собраніе искать себѣ удовлетворенія отъ убійцы своего отца, но тотъ отказалъ ему въ удовлетвореніи. «Если бы я не былъ слѣпъ, сказалъ Асмундръ, я умѣлъ бы отмстить за себя». Онъ возвратился домой, и вдругъ глаза его стали видѣть. «Хвала Богу», вскрикнулъ онъ, «я вижу о себѣ его попеченіе», схва-

---

([43]) Das Strafrecht der Germanen, 170, 171.

тилъ сѣкиру, бросился на врага и убилъ его. Минуту спустя глаза его опять закрылись и онъ остался слѣпымъ ([44])».

Подобный взглядъ на месть, какъ священное дѣло, необходимое для спокойствія убитаго, какъ на дѣло, въ которомъ справедливому помогалъ самъ Богъ, господствовалъ и у славянъ. Это видно изъ самаго названія мести у сербовъ и черногорцевъ «освета». Сербы говорятъ: «тко се не освети, Богъ га не освяти», т. е. за кого не отомстили, того Богъ не освятилъ. Мацѣйовскій говоритъ, что у придунайскихъ славянъ до сихъ поръ живетъ мысль, что не получитъ царства небеснаго тотъ, за кого не отомстили, что, кто мститъ за пролитіе крови, тотъ приноситъ убитому успокоеніе души ([45]). При исполненіи мести призывалась божественная помощь. Ярославъ, отправляясь противъ Святополка, говоритъ: «да будетъ отместьникъ Богъ крове братья моея... суди ми, Господи, по правдѣ ([46])».

Сама христіанская западная церковь снисходительнѣе смотрѣла на убійство изъ родовой мести, нежели на убійства другаго рода, напр. изъ корыстолюбія, въ гнѣвѣ, въ пьяномъ состояніи; убійство изъ родовой мести приравнивалось почти случайному. Это видно изъ источниковъ западнаго церковнаго права, куда принадлежатъ «Пенитенціаліи» (Beichtbücher, libri poenitentiales); въ одной изъ нихъ опредѣлено: «qui occiderit—laicum odii meditatione vel possidendi hereditatem ejus, quatuor annos poeniteat; qui pro vindicta fratris hominem occiderit unum annum poeniteat et sequentibus duobus annis tres quadragesimas ac legitimas ferias; qui per iram et rixam subitam hominem occiderit, tres annos aut quatuor poeniteat; qui casu, unum annum poeniteat, qui in bello publico X dies poeniteat. Въ другой подобной книгѣ: «si laicus ex meditatione rixae aut avaritiae occiderit hominem VII ann. poen. III ex his in pane et aqua; sine meditatione per rixa aut per vino—III ann. p. I ex his in p. et a.; pro vindicta patris aut fratris et non reddit pretium sanguinis III p., et componit sic, I ann. aut dimidium poen. ([47])».

Такимъ образомъ сама церковь не удержалась отъ вліянія народныхъ воззрѣній.

([44]) Hist. du droit criminel des peuples modernes, I, 54, 55.

([45]) Hist. praw. slow. III, 113.

([46]) Полн. Собр. Лѣтоп. I, 61.

([47]) Das deutsche Strafrecht v. Wilda, 180, 181.

Отмстить достойнымъ образомъ за смерть близкаго родственника считалось особенною честью и славою, такъ напр. Сэмундова Сага разсказываетъ о Гельги, сынѣ Сигмунда, что, когда онъ выросъ, заслужилъ себѣ громкое имя своими подвигами; но болѣе всего онъ прославился тѣмъ, что отмстилъ за смерть отца, убивъ Хундинга, убійцу Сигмунда, съ той поры онъ получилъ даже названіе убійцы Хундинга (Hundingsbana) (48). А у славянъ даже выраженіе «слава за месть», «славный местью» стало собственнымъ именемъ «Мстиславъ» подобно Святославу, Болеславу, Вячеславу, Ростиславу и т. п.

По смерти близкаго родственника обязанность отмстить за него считалась главною и первою заботою, по этому, когда воспитатель Сигурда, Регинъ, побуждалъ своего воспитанника отнять кладъ у змѣя, въ котораго обратился братъ Регина, Сигурдъ отвѣчалъ, что прежде онъ обязанъ отмстить за убійство отца, чтобы не сказали про него, будто красныя (золотыя) кольца приманиваютъ его болѣе, чѣмъ месть за отца (49). По воззрѣніямъ сѣверныхъ германскихъ народовъ, пока ничего не было сдѣлано для возстановленія чести убитаго, считалось неприличнымъ занимать его сѣдалище и наслѣдовать ему. Одна исландская сага разсказываетъ, что, когда нѣкто Бардръ сѣлъ на мѣсто убитаго брата, мать ударила его по щекѣ и запретила ему тамъ сидѣть, пока онъ не отомститъ за брата. Бардръ все еще медлилъ, тогда мать принесла ему и второму его брату камень, вмѣсто пищи, и сказала: «вы не стоите лучшаго, потому что не мстите за брата и безчестите свой родъ (50)». По славянскимъ понятіямъ нельзя забыть обязанность родственной мести, память объ ней живетъ вѣчно. Когда кіевляне въ 1147 г. хотѣли убить Игоря Ольговича, кіевскій митрополитъ удерживалъ ихъ отъ этого и говорилъ, что иначе «вражда съ братьею его и съ племенемъ его во вѣки не утолится». Когда Игоря все таки убили и объ этомъ услыхалъ в. кн. кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, онъ сказалъ: «во вѣки сотвориша вражду неутоли-

---

(48) «Обозрѣніе древнѣйш. памятниковъ народной поэзіи германской и славянской», Полеваго, стр. 6.

(49) Ibid. 10.

(50) Wilda, 171, 172.

мую съ братьею и съ племенемъ его ([51])». Святополкъ чешскій не могъ забыть смерти дѣда и брата и мстилъ за нихъ Вришевицамъ въ 1108 г., говоря своимъ родовымъ врагамъ: «o nequam filii Vrisevici, nostri generis familiares inimici! An unquam mihi excidet de memoria, quod super atavum meum Iaromír in monte Velíz vobis quidem ludicra, nobis autem fecistis sempiterna ludibria? An immemor ero, quod fratrem meum Bracislaum tu (Mutina) et frater tuus Boziej fraude maligna necastis? ([52])». Все другое, кромѣ обязанности мстить, забывалось родственникомъ убитаго, такимъ представляетъ его Rád prawa zemského, ст. 4, опредѣляя, что адвокатъ истца долженъ просить у пановъ-судей, чтобы отряжены были два пана, которые бы ему и истцу подавали совѣтъ и шептали на ухо, научая тому, что до ихъ права относится: потому что истецъ, позвавшій на судъ, съ великой печали по убитомъ родственникѣ, не можетъ имѣть хорошей памяти ([53])».

VIII. Обязанность мести принадлежала ближайшимъ родственникамъ, по законамъ англовъ (tit. VI, 5) тому, кто наслѣдовалъ имущество: «ad quemcunque hereditas terrae pervenerit, ad illum vestis bellica, id est lorica, et ultio proximi, et solutio leudis debet pertinere». Ближайшему родственнику помогали и другіе. Тацитъ говоритъ: «suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui, quam amicitias, necesse est. Nec implacabiles durant. Luitur enim etiam homicidium certe armentorum ac pecorum numero, recipitque satisfactionem universa domus». Если цѣлый домъ получалъ вознагражденіе, то, конечно, и весь онъ могъ мстить.

Эйхгорнъ думаетъ, что съ обязанностью родовой мести стояло въ тѣсной связи и право наслѣдованія. «Хотя Тацитъ, замѣчаетъ Эйхгорнъ, и не говоритъ объ этомъ ясно, но вся послѣдовательность его разсказа заставляетъ принять это. Тацитъ, сказавши о семейномъ союзѣ, о наслѣдованіи по праву родства и важномъ значеніи многочисленнаго родства, непосредственно соединяетъ съ этимъ разсказъ о родовой мести. Общій принципъ того и другаго было родство, и такъ какъ родовую защиту представляли только мущины, а не жен-

([51]) Никоновская Лѣтопись II, 100, 103.
([52]) Иречекъ II, 250, 251.
([53]) Archiv Český, II, 81.

щины, то первые предпочитаются вторымъ въ наслѣдственномъ правѣ» ([54]). Противъ этого мнѣнія Эйхгорна Вайтцъ замѣчаетъ, что не совсѣмъ ясно, на сколько обязанность родовой мести была въ непосредственной связи съ наслѣдственнымъ правомъ; думали, говоритъ онъ, часто тяжелую обязанность родовой мести противопоставить праву на наслѣдство, какъ будто родственники за исполненіе мести вознаграждались наслѣдственнымъ имуществомъ, но такого понятія не видно, говоритъ Вайтцъ, изъ образа воззрѣній древнихъ германцевъ, обязанность мести не была послѣдствіемъ права наслѣдованія, хотя то и другое выходило изъ одного корня и принципа ([55]). Слѣдующій законъ Ліутпранда (ст. 13) противорѣчитъ возможности объяснять право наслѣдованія изъ обязанности мстить: «et ipse qui occisus est, filium masculum non reliquerit, quamquam filias instituissemus heredes sicut masculos, in omnem substantiam patris, aut matris; ipsam tamen compositionem volumus ut accipiant parentes eiusdem propinqui, qui occisus fuerit, illi qui per caput succederê possunt. Quia filiae eius, eo quod femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare. Ideo prospeximus, ut ipsam compositionem non recipiant». Здѣсь прямо призываются къ наслѣдству дочери, которыя не могли мстить, и въ то же время отстраняются отъ наслѣдства другіе родственники, которые получали плату за убійство отца наслѣдницы, а слѣдовательно и мстили за него. Дюбуа ([56]), указавши на мнѣнія Гейера и Дальмана, что сынъ убитаго лишался наслѣдства, если не мстилъ за отца, называетъ это преувеличеннымъ—и прибавляетъ: «видно, что дало поводъ къ подобной неточности», т. е. вѣроятно, Дюбуа, разумѣетъ здѣсь вмѣстѣ съ Вайтцемъ, что право наслѣдованія и обязанность мести выходили изъ одного и того-же источника. Дюбуа не приводитъ подлинныхъ словъ Гейера и Дальмана. А вотъ что именно сказалъ Гейеръ: «родовая месть была священною обязанностью и закономъ признаннымъ правомъ, вмѣстѣ съ этимъ самое дорогое наслѣдство (Wigarf= Fehderbe) и условіе всякаго другаго, потому что, если отецъ былъ убитъ, то въ старое время сынъ не наслѣдовалъ отцу,

---

([54]) Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, I, 86.

([55]) Deutsche Verfassungsgeschichte, 1. 204.

([56]) Hist. du droit criminel des peuples modernes, I. 56, пр. 1.

пока не отомститъ за него» — и только ([57]). Дальманъ, сказавши только: «сынъ не могъ наслѣдовать, пока отецъ былъ не отомщенъ», ссылается на Гейера, слѣдовательно повторяетъ его бездоказательное мнѣніе ([58]). Если прежде другихъ обязанный къ мести изъ страха или чувства справедливости, считая самого убитаго виноватымъ, не мстилъ, то другой родственникъ заступалъ его мѣсто. Это бывало и тогда, когда казалось, что обязанный мстить не сдѣлалъ надлежащаго удовлетворенія. Сага о Ніалѣ разсказываетъ, что, когда самому Гунарру было предоставлено опредѣлить вознагражденіе за его убитаго родственника Бирніольфа, и когда онъ взялъ извѣстную сумму, жена его была этимъ недовольна и сказала ему: «меня не удовлетворяетъ то, что ты взялъ за моего родственника, Бирніольфа, я буду за него мстить» ([59]).

У славянъ, также, какъ у германцевъ право мести принадлежало ближайшему родственнику. Древнѣйшія славянскія узаконенія о родовой мести отличаются неопредѣленностью, таковы напр. постановленія договоровъ русскихъ князей съ греками и Русская Правда. Договоръ Олега постановляетъ: «аще кто убіетъ,—или христіанина русинъ, или христіанинъ русина,—да умретъ, идѣже аще сотворитъ убійство». Отъ кого умретъ? Договоръ Игоря: «аще убіетъ христіанинъ русина, или русинъ христіанина: да державъ будетъ сотворивый убійство отъ убіенаго, да убьютъ и». Какіе ближніе имѣютъ право убить, кому принадлежитъ право мести?

Г. Деппъ, стараясь объяснить эти мѣста договоровъ, говоритъ, что частная месть, существовавшая до этого времени, какъ слѣдствіе убійства, была ограничена тѣмъ, что за убійство могъ мстить только одинъ изъ ближнихъ убитаго. Это мнѣніе, думаетъ онъ, подтверждается дальнѣйшими словами договора Олега о вознагражденіи за убійство изъ имѣнія бѣжавшаго убійцы, гдѣ получателемъ названъ «ближній убіеннаго»: «да часть его (убившаго) сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближній убіенаго». Эти слова, говоритъ г. Деппъ, исключали бы необходимость всякаго дальнѣйшаго доказательства, еслибы мы въ договорѣ Игоря не находили словъ: «да удержимъ будетъ отъ ближнихъ убіенаго,

---

([57]) Geschichte Schwedens, I. 265, 266.

([58]) Geschichte v. Dännermark, I. 159.

([59]) Wilda, 173, 369.

да убьютъ его» и въ статьѣ о вознагражденіи имѣніемъ бѣжавшаго убійцы: «да возьмутъ его имѣніе ближніе убіенаго». Это противорѣчіе г. Деппъ разрѣшаетъ въ пользу единственнаго числа, основываясь на вычисленіи мстителей въ Русской Правдѣ: «оубьетъ моужь моужа, то мстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови, аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу» (60).

Г. Калачевъ въ разборѣ сочиненія Деппа говоритъ, что право кровной мести дѣйствительно принадлежало прежде всего одному ближайшему родственнику убитаго. «Однако уже одно то обстоятельство, продолжаетъ г. Калачевъ, что въ Русской Правдѣ право мести предоставляется не исключительно одному, а многимъ родственникамъ убитаго, должно бы навести г. Деппа на мысль, что собственно, на основаніи кореннаго обычая мести, не извѣстное какое либо лице прежде всего признавалось мстителемъ обиженнаго, а цѣлый родъ его, всѣ его родичи, которые въ первой статьѣ Русской Правды ограничены только тѣмъ, что болѣе отдаленные родственники убитаго лишены этого права. Но очевидно, что за такимъ ограниченіемъ, опредѣленнымъ степенями родства, должно было оставаться въ силѣ общее, безъ сомнѣнія, и до того времени правило, что прежде всего мститъ самый близкій изъ родственниковъ убитаго, и только тогда, если онъ по чему либо не можетъ мстить, или отказывается отъ мести, право его переходитъ къ другому ближайшему по немъ родственнику убитаго. И такъ рѣшительно было все равно сказать, что право мести принадлежитъ «ближнему» или же «ближнимъ» убитаго: въ обоихъ случаяхъ выражалась одна и таже мысль (61).

Такою-же неопредѣленностью отличается и постановленіе Русской Правды о родовой мести; мнѣнія русскихъ историковъ и юристовъ о смыслѣ этой статьи раздѣляются, одни признаютъ здѣсь ограниченіе родовой мести ближайшими степенями родства, а другіе это вычисленіе считаютъ только примѣрнымъ; мы приведемъ мнѣнія тѣхъ и другихъ.

Къ первымъ принадлежатъ: Рейцъ, Деппъ, Калачевъ, Эверсъ, Колосовскій, Никольскій, Соловьевъ, Власьевъ, Иванишевъ.

---

(60) О наказаніяхъ до царя Алексѣя Михайловича, стр. 18.

(61) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній кн. III. стр. 20.

«Право родственниковъ, говоритъ г. Рейцъ, было ограничено тѣмъ, что месть простиралась только до третьяго колѣна. Слѣдовательно двоюродные братья, которые у князей назывались даже просто братьями, не могли уже мстить» ([62]). Рейцъ не объясняетъ основаній такого ограниченія родовыхъ правъ.

Деппъ, тоже не объясняя этихъ основаній, говоритъ, что словами «аще не будетъ кто мьстя» доказывается ограниченіе права мести вычисленными Русскою Правдою родственниками. Этотъ порядокъ онъ признаетъ существовавшимъ до Ярослава, во время Олега, онъ основывается въ такомъ предположеніи на слѣдующемъ выраженіи договора Олега: «да часть его (убившаго) сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметъ ближній убіеннаго», именно на единственномъ числѣ слова «ближній» и на подтвержденіи этого единственнаго числа словами: «иже его будетъ», въ особенности же на словахъ «по закону». «По какому закону?» спрашиваетъ г. Деппъ. «Греки на это не имѣли закона, значитъ по русскому. Если-же русскій законъ назначалъ плату, слѣдовавшую ближнему, то онъ необходимо долженъ былъ назначить, кого считать ближнимъ, а если назначалъ, то нѣтъ причины полагать, чтобы существовавшій при Олегѣ порядокъ мстителей былъ не тотъ, который находимъ въ Правдѣ» ([63]). Извѣстно, что наши юристы обыкновенно объясняютъ договоры съ Греками Русскою Правдою, подъ «закономъ» договоровъ разумѣютъ законы послѣдней; замѣтимъ по этому поводу, что столѣтнее пространство времени между этими памятниками могло измѣнить сущность нѣкоторыхъ правовыхъ опредѣленій, особенно въ отношеніи подробностей опредѣленій.

Мы уже приводили мнѣніе г. Калачева, выраженное имъ въ критикѣ на сочиненіе г. Деппа, что родственный кругъ, пользовавшійся правами мести, былъ ограниченъ Русскою Правдою.

Эверсъ, признавая ограниченіе количества родственниковъ, имѣвшихъ право мести, указываетъ и на причины этого—ослабленіе семейственныхъ связей и утвержденіе могущества

([62]) Исторія государственныхъ и гражданскихъ законовъ, въ переводѣ Морошкина, стр. 58.

([63]) О наказаніяхъ до царя Алексѣя Михайловича. стр. 19.

единодержавной власти; при этомъ онъ прибавляетъ, что «безспорно, не такъ это бывало по старому, издревле существовавшему обычаю; во времена совершенной грубости обязанность мщенія простиралась на все семейство, на все даже племя» (64).

Г. Колосовскій говоритъ, что «встрѣчаясь съ кровною местью въ періодъ Русской Правды, мы застаемъ ее уже въ борьбѣ съ государственной идеей: власть государственная успѣла наложить на нее руку, ограничивши объемъ употребленія ея извѣстными степенями родства» (65).

«По мѣрѣ разложенія родственныхъ союзовъ, говоритъ г. Никольскій, развитія общинной жизни, организаціи правительства, которое принимаетъ на себя и общественную безопасность, кровная месть начинаетъ слабѣть. Но не всѣ родственники вдругъ отказываются отъ права на месть. Обыкновенно и здѣсь замѣчается извѣстная постепенность: сперва теряютъ право мести отдаленнѣйшіе родственники, между которыми не такъ крѣпки родственныя чувства, потомъ ближайшіе и, наконецъ, члены семьи. Русская Правда дозволяетъ кровную месть только до племянниковъ по мужескому и женскому колѣнамъ, устраняя отъ права мести всѣхъ дальнѣйшихъ родственниковъ» (66).

Г. Соловьевъ замѣчаетъ, что обязанность родовой мести по Русской Правдѣ ограничена извѣстными ближайшими степенями родства—«знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда» (67).

«Ограниченіе мести Русскою Правдою показываетъ, говоритъ г. Власьевъ, что чувство кровнаго единства за этими степенями не было уже очень сильно: однимъ фискальнымъ расчетомъ подобной мѣры невозможно объяснить» (68).

На ограниченіе родовой мести съ фискальною цѣлью указываетъ г. Иванишевъ. «При недостаткѣ лица, имѣвшаго пра-

(64) Древнѣйшее русское право, переводъ Платонова, стр. 319.

(65) Очеркъ историческаго развитія преступленій противъ жизни и здоровья, стр. 67.

(66) О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 158, 159.

(67) Исторія Россіи I. 258.

(68) О вмѣненіи, стр. 145.

во мести, говоритъ онъ, князь получалъ виру; слѣдовательно, ограничивъ число лицъ, имѣющихъ право мстить, Ярославъ увеличилъ свои доходы. Право мести превращено въ финансовую мѣру» (69).

Къ ученымъ, принимающимъ примѣрное обозначеніе Русскою Правдою имѣвшихъ право мстить, принадлежатъ: Неволинъ, Богдановскій, Ланге и Чебышевъ-Дмитріевъ.

«Должно ли, спрашиваетъ г. Неволинъ, законъ Ярослава принимать въ строгомъ смыслѣ, такъ что по этому закону право мести ограничивается только лицами родственниковъ, въ немъ поименованными, не простираясь на другихъ, или это право принадлежитъ и другимъ родственникамъ, которые бы, при недостаткѣ ближайшихъ родственниковъ, захотѣли и могли произвесть отмщеніе за убитаго, хотя и дальняго ихъ родственника? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ извѣстные родственники въ законахъ Ярослава были бы поименованы только для примѣра. Мы принимаемъ послѣднее, говоритъ г. Неволинъ. Безъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, по древнимъ обычаямъ право мести не ограничивалось только родственниками, поименованными въ законѣ Ярослава. Не думаемъ, чтобы Ярославъ отмѣнилъ этотъ древній обычай; не думаемъ, что бы законъ его лишалъ, на примѣръ, дядю права мстить за своего племянника» (70).

Г. Богдановскій принимаетъ также, что Русская Правда поименовываетъ исчисленныя степени родства только для примѣра, «въ этомъ, говоритъ онъ, кажется, нельзя сомнѣваться, взявши во вниманіе духъ того времени и имѣя въ виду даже лѣтописные факты» (71).

Г. Ланге думаетъ также, что въ Правдѣ исчислены мстители только примѣрно, а далеко не всѣ, «иначе, говоритъ онъ, если понимать постановленіе ея буквально, надлежало бы, въ противность здравому смыслу, утверждать, что дядя не имѣлъ права мстить за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ по отношенію къ дядѣ. Кромѣ того, слѣдовало бы, опираясь на выраженіи: «убіетъ мужъ мужа» и на исчисленіи мстителей, заключать, что Правда

(69) О платѣ за убійство, 103.

(70) Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ III, 232.

(71) О преступленіи и наказаніи до Петра Великаго, 13.

дозволяетъ месть однимъ мущинамъ, а не женщинамъ, и единственно за убійство мущинъ, и что потому отецъ и братъ могли мстить лишь за сына и за брата, а не за дочь и сестру, что супругъ, на томъ же основаніи, не долженъ былъ мстить за умерщвленіе своей жены и что внуку не давалось никакой власти надъ убійцей не только его бабки, но и дѣда, о которомъ тоже не упоминается въ Правдѣ. Законъ не имѣлъ надобности въ подробномъ исчисленіи мстителей, ибо право мести жило еще въ обычаяхъ народа» ([72]).

Г. Чебышевъ-Дмитріевъ спрашиваетъ: «какія, именно, степени родства давали право на месть?—изъ Русской Правды не видно: въ ней исчислены мстители примѣрно» — и ссылается на Богдановскаго и Ланге ([73]).

Соглашаясь съ доводами г. Ланге, мы примыкаемъ къ нему и слѣдовательно принимаемъ, что Русская Правда только примѣрно обозначила нѣкоторыхъ, самыхъ ближайшихъ родственниковъ, имѣвшихъ право мести. Русская Правда имѣла въ виду не опредѣлять мстителей, предоставляя это народному самоопредѣленію, обычному праву, а хотѣла только обозначить, когда и сколько должно платить за убійство. Принимая болѣе широкій кругъ мстителей, сравнительно съ указанными Правдою, мы однако думаемъ, что первое право мести принадлежало ближайшему изъ этихъ родственниковъ, а при недостаткѣ его, оно переходило на ближайшаго за нимъ, слѣдовательно мы согласны съ приведеннымъ мнѣніемъ объ этомъ г. Калачева, только у насъ кругъ всего родства, призываемаго къ мести въ лицѣ того или другаго родственника, болѣе широкій, нежели принимаемый г. Калачевымъ. Замѣтимъ еще, что ближайшему родственнику помогали въ осуществленіи мести и другіе, такъ, что опять можно сказать, что мстилъ цѣлый родъ, только во главѣ его былъ одинъ ближайшій, законный мститель. Имѣющій ближайшее право мстить искалъ себѣ помощниковъ, союзниковъ, заключая съ ними объ этомъ договоры, такъ напр. въ 1456 г. сынъ князя боровскаго, Василья Ярославича, захваченнаго московскимъ великимъ княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, князь Иванъ, въ договорѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ,

([72]) Объ уголовномъ правѣ Русской Правды, 95.

([73]) О преступн. дѣйствіи по русск. до-петровск. праву, стр. 17, прим. 33.

изгнаннымъ изъ своихъ владѣній московскимъ великимъ княземъ, называя послѣдняго старшимъ братомъ, говорилъ: «и тобѣ, господине, пойти доставати своее отчины и дѣдины, также моего отца доставати князя Василья Ярославича и наші отчины и дѣдины; а мнѣ, господине, пойти съ тобою за одинъ доставати своего отца и твоей отчины и дѣдины и своей отчины и дѣдины. И по грѣхомъ, господине, князь Василей отца моего убіетъ, или уморитъ въ нятьѣ, или какъ Богъ позоветъ отца моего къ собѣ въ нятствѣ: и тобѣ съ великимъ княземъ ни кончати, ни помиритися безъ моей воли» (74).

У другихъ славянъ, также какъ у русскихъ древнѣйшія постановленія о родственной мести отличаются неопредѣленностью, такова напр. польская привиллегія, данная евреямъ въ 1264 г. «si christianus iudeum occiderit, digno judicio puniatur.... proximior iudeus ipsum christianum mortificare debet taxando pro capite caput» (75).

Основываясь на позднѣйшихъ памятникахъ славянскаго законодательства, напр. на толкованіи чешскаго земскаго права Андрея съ Дубы, который приписываетъ право иска за убитаго одному изъ ближайшихъ родственниковъ, нѣкоторые ученые, напр. Мацѣйовскій (76) и Иванишевъ (77) признаютъ, что право мстить и замѣнившее его право получать плату за убійство принадлежало ближайшему наслѣднику убитаго; что, подобно тому, какъ наслѣдство переходило по степенямъ родства и ближайшій родственникъ устранялъ дальнѣйшаго, такъ и право мести, и плата за убитаго принадлежала ближайшему наслѣднику. Статья изъ труда Андрея съ Дубы, послужившая къ такимъ выводамъ, говоритъ о жалобѣ на судѣ за убійство отца, брата, дяди (стрый), его сына, или другаго родственника по мечу: «najprwé o hlawu nebo o mordu, kdyz se ot koho stane čiemu otci, bratru, neb strýci, neb stryjčenci, neb jinému po meči přieteli, když se mord stane, jest potřeba, aby ihned utekl se úřsadu a ku purkrabí Pražskému, obža-

---

(74) Исторія государства россійскаго Карамзина V, прим. 364.

(75) «О платѣ за убійство» Иванишева», 73, прим. 16.

(76) Его исторія славянскихъ законодательствъ въ нѣмецкомъ переводѣ, II, стр. 206.

(77) О платѣ за убійство, стр. 48.

lowati toho stutku [78]». На такой же порядокъ мести у далматскихъ славянъ указываетъ Рейцъ, который говоритъ, что «кровная месть, krwarina есть дѣло ближайшихъ родственниковъ мужской и женской линіи. Если они не довольно сильны, то съ ними соединяются и дальнѣйшіе родственники, хотя месть относится собственно къ однимъ ближайшимъ [79]». Право и обязанность родовой мести считались важнѣе другихъ обязанностей родства, поэтому бывали примѣры у германцевъ и славянъ, что братъ мстилъ брату за смерть другаго брата, особенно если такая месть требовалась самимъ смертельно раненымъ, его женою или матерью—подобную месть представляетъ Сэмундова Эдда [80] и исторія Рюрикова дома.

Въ заключеніе обозрѣнія родственнаго круга, призываемаго къ мести, укажемъ на участіе въ ней женщинъ. По народнымъ германскимъ законамъ, женщины отстранялись отъ права или обязанности мстить за своихъ родныхъ, напр. законъ Ліутпранда прямо говоритъ, что женщины не получаютъ композиціи, потому что онѣ не могутъ мстить: tit XIII «quia filiae eius, eo quod femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare. Ideo prospeximus, ut ipsam compositionem non recipiant». Но сѣверныя саги представляютъ много примѣровъ женской мести, такъ напр. въ Сэмундовой Эддѣ разсказывается, что Хрейдмаръ, смертельно раненый сыномъ, просилъ своихъ дочерей отмстить за себя, но одна изъ нихъ отвѣчала: «немногія сестры рѣшаются искупить раны отца кровью брата». Противъ постороннихъ бывала мстительницею и дочь за отца, напр. дочь великана Хати, великанша Хримгерда приходитъ къ убійцѣ требовать денежнаго вознагражденія за смерть отца [81]. Самымъ близкимъ и священнымъ родствомъ считалось—братство, поэтому месть за брата была самымъ священнымъ долгомъ не только братьевъ, но и сестеръ. Эдда разсказываетъ о томъ, какъ страшно Гудруна мстила за своихъ братьевъ, сначала она убиваетъ обоихъ

([78]) Archiv Ceský II, 490.

([79]) Сборникъ историческ. и статистическ. свѣдѣній о Россіи Д. В., 124.

([80]) Das Strafrecht der Germanen v. Wilda, 172.

([81]) «Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской» Полеваго, ч. 1., стр. 10, 19.

сыновей убійцы своихъ братьевъ, потомъ и самаго убійцу; а весь его замокъ, со всею челядью, какая въ немъ находилась, она сожигаетъ ([82]). Союзъ сестры съ братомъ священнѣе союза супружескаго, поэтому Гудруна убиваетъ мужа въ отмщеніе за смерть братьевъ ([83]).

Въ пѣсни о Нибелунгахъ Кримгильда представляется мстящею братьямъ за смерть мужа. Г. Полевой, разбирая этотъ памятникъ справедливо замѣчаетъ, что такая месть, какъ нарушеніе самыхъ священныхъ въ германской древности узъ братства, по кореннымъ германскимъ обычаямъ, дѣло невозможное ([84]).

Славянская женщина пользовалась большею представительностью на судѣ и вообще большею правоспособностью, сравнительно съ германскою, у славянъ не было половой опеки, славянскія женщины пользовались правомъ отыскивать на судѣ свои права, даже судебнымъ поединкомъ, поэтому имъ принадлежало и право мести за убитыхъ родственниковъ. Чешское земское право хотя говоритъ о незамужней дѣвушкѣ, что она пользуется сиротскимъ правомъ, по которому, если позоветъ кого въ судъ за убійство, то ея родственнику предоставляется вести тяжбу съ ея врагомъ, даже до поединка; но вдовѣ предоставляется самой право вести тяжбу за убійство мужа или другаго родственника, такимъ же порядкомъ, какъ и мущинѣ: «когда дѣло дойдетъ до поединка, то отвѣтчикъ долженъ стать по поясъ въ выкопанной ямѣ, съ мечемъ и большимъ щитомъ, и въ этой ямѣ ворочаться, какъ можетъ, и обороняться. И она также должна биться съ мечемъ и щитомъ въ перилахъ, вокругъ нея поставленныхъ. И ни онъ изъ ямы, ни она изъ за перилъ выйти не могутъ, пока одинъ не переможетъ другаго. А кто изъ нихъ выйдетъ, теряетъ искъ». Къ этому прибавлено, что дѣвица 18 лѣтъ, или старше, если хочетъ такимъ же образомъ биться съ врагомъ, пользуется тѣмъ же правомъ, какъ и вдова ([85]). Такимъ образомъ дѣвушкѣ не запрещается право одинаковыхъ съ мущиною судебныхъ дѣйствій, но она пользуется привиллегиро-

---

([82]) ibid. 15.

([83]) ibid. ч. 2, стр. 37.

([84]) ibid. ч. 1. 64, 65, II, 37.

([85]) Rád práwa zemského, ст. 39, 40.

ваннымъ правомъ. Особенный порядокъ судопроизводства замѣчается и въ отношеніи къ замужней женщинѣ, при искѣ ея за убитаго родственника дѣло не доводится до судебнаго поединка, а оканчивается присягою отвѣтчика самъ-седьмой ([86]).

Русская лѣтопись записала случаи женской мести, разсказывая объ Ольгѣ, которая мстила убійцамъ мужа и о Рогнѣдѣ, мстившей мужу за отца и братьевъ.

Рейцъ, разбирая юридическій бытъ славянъ въ Далмаціи, говоритъ, что тамъ единственной сестрѣ убитаго или вдовѣ помогали въ мести дальнѣйшіе родственники ([87]).

IX. Подобно тому, какъ обязанность мести простиралась на весь родъ убитаго, такъ и мести подвергался цѣлый родъ убійцы; впослѣдствіи это было ограничено. Встрѣчаемъ жалобы законодателей на частыя убійства, которыя вели къ ослабленію лучшихъ родовъ, похищали лучшихъ гражданъ. Одинъ законъ Гакона Гаконсона начинается слѣдующими словами: «многимъ хорошо извѣстно, какой большой и разнообразный вредъ испытали въ нашей странѣ многія семейства отъ убіенія ихъ лучшихъ членовъ, это у насъ встрѣчается чаще, нежели въ какой нибудь другой странѣ». Далѣе это зло приписывается дурному обычаю, господствовавшему въ Норвегіи давно и больше, чѣмъ гдѣ нибудь, по которому, если кто нибудь будетъ убитъ, то за него убивали лучшаго члена изъ рода убійцы, хотя бы убійство совершилось безъ знанія, воли и одобренія послѣдняго. Такая месть признана этимъ закономъ за преступленіе ([88]). Англосаксонскій законъ Эдмунда говоритъ, что если кто нибудь отомститъ въ какомъ нибудь родѣ другому лицу, кромѣ виноватаго, то да будетъ врагомъ короля и всѣхъ друзей его и лишается всего, чѣмъ владѣлъ ([89]).

При одномъ изъ наслѣдниковъ Эдмунда, въ безпокойное правленіе Этельреда Неблагоразумнаго представляется противоположное этому средство для установленія мира, привлеченіе къ личной отвѣтственности родственниковъ нарушившаго миръ. Въ его законахъ встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе:

([86]) Ibid., статья 38.
([87]) Сборникъ историч. и статист. свѣдѣній о Россіи Д. В., 124.
([88]) Wilda, 174.
([89]) Schmid, 95.

«если въ какомъ нибудь городѣ будетъ нарушенъ миръ, то жители города должны сами стараться захватить убійцу живаго или мертваго, или его ближайшихъ родственниковъ, голову за голову. Если горожане этого не хотятъ, то это долженъ сдѣлать Ealdorman, если онъ не хочетъ, то король, если не хочетъ этого и король, то долженъ вооружиться цѣлый дистриктъ». Самое содержаніе этого постановленія Этельреда свидѣтельствуетъ о безначаліи, господствовавшемъ въ его время, о безсиліи короля водворить въ своемъ королевствѣ миръ. «Исторія, говоритъ Лаппенбергъ, не много знаетъ такихъ долгихъ и постоянно несчастныхъ правленій какъ Этельреда II» (978—1016): (90). Такимъ характеромъ времени Этельреда II объясняется возможность его постановленія объ отвѣтственности передъ всѣми цѣлаго рода убійцы; это было крайнее средство для водворенія земскаго мира.

Ограниченіе мести только убійцею и его ближайшими родственниками встрѣчается и въ народныхъ германскихъ законахъ, напр. законъ саксовъ говоритъ только о самомъ преступникѣ и его сыновьяхъ, какъ подлежащихъ мести (faidosi), въ случаѣ, подразумѣвается, неплатежа денежнаго вознагражденія за убійство: tit. II, 6 «si mordum totum quis fecerit, componatur primo in simplo, iuxta conditionen suam, cuius mulctae pars tertia a proximis eius, qui facinus perpetravit, componenda est, quae vero partes ab illo, et insuper octies ab eo componatur, et ille ac filii eius soli sint faidosi». Законъ бургундцевъ ограничиваетъ возможность мести только самимъ убійцею, онъ говоритъ: tit. II, 6 «ut interfecti parentes nullum nisi homicidam persequendam esse cognoscant: quia sicut criminosum iubemus extingui, ita nihil molestiae sustinere patimur innocentem».

Распространеніе мести на невинныхъ родственниковъ убійцы, вражду цѣлыми родами, мы встрѣчаемъ и у славянъ. Чешскій хронистъ Далимилъ говоритъ:

Rudolt z Košic zabi panoši Venkovi súsedu svému,
proto Venek zabi syna jemu;
pak Rudolt zabi Venkovi syna. (91).

---

(90) Die Sachsen in England v. Kemble I, 217; Die Gesestze der Angelsachsen v. Schmid, 115; Geschichte v. England v. Lappenberg I, 453.

(91) Dalimilova Chronika Česká. изд. Ганки, 1853 г., стр. 205.

Лаврентьевская лѣтопись подъ 1284 г. разсказываетъ, что пришелъ Олегъ изъ орды съ татарами и убилъ Святослава по царскому слову «послѣди же Святославль братъ Олександръ уби Олега, и 2 сына его мала, и еще на мьстѣ створися радость дьяволу (92).

О черногорцахъ г. Поповъ говоритъ, что «часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій. И месть почти никогда не останавливалась на одномъ, но многіе падали жертвою за обиду, причиненную однимъ (93)».

---

(92) Полн. Собр. Лѣтоп. I, 207.

(93) Путешествіе въ Черногорію, 143, 144.

II.

О ВНѢСУДЕБНОМЪ И СУДЕБНОМЪ ОКОНЧАНІИ ДѢЛЪ ОБЪ УБІЙСТВѢ ДЕНЕЖНЫМИ ВЫКУПАМИ И ОБЪ УЧАСТІИ РОДСТВЕННИКОВЪ ВЪ ПЛАТЕЖѢ И ПОЛУЧЕНІИ ИХЪ.

I. Обычай германцевъ и славянъ умиротворять деньгами за совершенную несправедливость, по историческимъ памятникамъ, такъ же древенъ, какъ и все уголовное право, какъ лишеніе мира и месть; только въ логическомъ отвлеченіи денежное вознагражденіе является позднѣе и какъ будто происходящимъ изъ лишенія мира.

Уже Тацитъ говоритъ: гл. 21 «Suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui quam amicitias necesse est. Nec implacabiles durant: luitur enim etiam homicidium certe armentorum ac pecorum numero, recipitque satisfactionem universa domus, utiliter in publicum, quia periculosiores sunt inimicitiae juxta libertatem»; гл. 12 «Sed et levioribus delectis pro modo poena: equorum pecorumque numero convicti multantur. Pars multae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur vel propinquis ejus exsolvitur» Такимъ образомъ уже Тацитъ указываетъ рядомъ съ местью на возможность замѣнять ее денежнымъ вознагражденіемъ и на взысканіе пени за менѣе важныя преступленія, одна часть которой идетъ самой общинѣ или ея представителю, а другая самому обиженному или его родственникамъ. Впослѣдствіи изъ этого образовалась пеня въ собственномъ смыслѣ, представлявшаяся частнымъ вознагражденіемъ (Busse) и общественное взысканіе за дарованіе мира (Friedensgeld). Въ средніе вѣка система денежныхъ пеней яснѣе и сравнительно съ прежнимъ рѣшительнѣе обращается въ систему публичныхъ наказаній; законодательство обращаетъ главное вниманіе не на то, что долженъ получить оскорбленный, а на то, что обязанъ заплатить виновный; съ этимъ вмѣстѣ приготовляется совершенное уничтоженіе этого дуализма, господствовавшаго во всемъ прежнемъ уголовномъ правѣ. Составныя части средневѣковой композиціонной системы были: Wergeld, Busse и Wethe; послѣдняя замѣнила Friedensgeld. Законныя книги (Саксонское и Швабское Зерцало) представляютъ уже разныя исключенія изъ прежняго общаго пра-

вила, что всѣ эти три части всегда должны стоять вмѣстѣ другъ съ другомъ; эти исключенія дѣлаются въ пользу послѣдней, какъ представительницы идеи публичнаго права и во вредъ первымъ двумъ, какъ представителямъ мысли о частномъ вознагражденіи: въ нѣкоторыхъ случаяхъ первые совершенно исключаются и упоминается только послѣдняя. Въ нѣмецкихъ городскихъ статутахъ взыскиваемая съ виновнаго сумма часто распадается на три равныя части, изъ которыхъ одна предоставляется оскорбленному, а другія судьѣ и городской общинѣ. Въ нѣкоторыхъ статутахъ эти части неравны и большая принадлежитъ истцу, а меньшая судьѣ или городу; но за то въ другихъ, при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, оскорбленный ничего не получаетъ, все достается судьѣ или городу. Разница этихъ опредѣленій зависитъ отъ перевѣса, по различію мѣста и времени, частнаго или публичнаго характера уголовнаго права (1).

Памятники древне-славянскаго законодательства тоже рядомъ съ вознагражденіемъ родственниковъ за убійство представляютъ и вознагражденіе общинѣ и государю.

Привиллегія евреямъ Болеслава польскаго 1264 г.: «si vero talis christianus, qui occiderit iudaeum, aliquo modo, aufugerit, extunc ipsius bona, ejusdem christiani tam mobilia, quam immobilia, quaecumque habuerit, prima medietas dictorum bonorum et haereditatum debet persolvi super proximiores consanguineos iudaei interfecti; reliqua vero medietas pro camera nostra regia debet pertinere (2).

Вислицкій статутъ ст. 56: «съ давнихъ часовъ обычай былъ: коли кметь кметя забилъ, тогды давши 3 гривны грошей былъ пороженъ мужебойства: але то не было досыть за тую проступку. Мы уставляемъ: за тое мужебойство городу тому 4 гривны, а пріятелемъ ближнимъ 6 гривенъ» (3). Первый литовскій статутъ установляетъ смертную казнь за умышленный наѣздъ кгвалтомъ на чей нибудь домъ, даже если бы при этомъ никто не былъ раненъ и убитъ, сверхъ того изъ имѣнія кгвалтовника уплачивается бой и головщина близкимъ убитаго, «а противня до скарбу господарскаго» (4). Винодоль-

(1) Geib «Lehrbuch des deutschen Strafrechts» I, 212—214.

(2) О платѣ за убійство Иванишева, 85.

(3) Акты Запад. Россіи, I. стр. 10.

(4) Перв. Литов. Стат. VII. 1.

скій законъ установляетъ за убійство кмета платить его родственникамъ 100 либръ, «а онаго града ки є убіен, оптини либри в (5)». По статуту Курцулы, если убійца скрывался, то лишался трети своего имущества, изъ котораго одна половина отдавалась общинѣ, а другая наслѣдникамъ убитаго (6). По черногорскому судебнику 1796 г., одна половина имущества убійцы, бѣжавшаго за границу, отдается семьѣ убитаго, а другая въ казну (7). По Русской Правдѣ, какъ будетъ нами ниже доказано, вмѣстѣ съ взысканіемъ за убійство въ пользу князя (вира) было частное взысканіе—головничество.

II. Причину возможности появленія денежнаго выкупа, замѣнившаго месть еще въ глубокой старинѣ, должно искать въ самыхъ народныхъ нравахъ, потому что тогда, какъ справедливо замѣчаетъ Тацитъ о германцахъ: гл. 12 «plusque ibi boni mores valent, quam alibi bonae leges». Рогге называетъ нравы единственнымъ, но за то совершенно безусловно господствующимъ принципомъ древнихъ германцевъ (8).

Хотя въ сознаніи германцевъ, говоритъ Вильда, глубоко вкоренилось убѣжденіе, что за оскорбленіе можно мстить смертью, что этого даже требуетъ честь оскорбленнаго, а мстить за убитаго родственника даже необходимо; однако германцы не руководствовались только кровожадною жестокостью, стремленіемъ дѣлать зло и мстительностію, основанною на ненависти; у нихъ было и чувство справедливости, даже нѣкоторая кротость (9). Такіе нравы были у германцевъ врожденными, начало ихъ нельзя приписывать вліянію христіанства (10); о добрыхъ нравахъ германцевъ говоритъ и Тацитъ. Въ силу такихъ нравовъ, особенно по мнѣнію лучшихъ людей, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, считалось возможнымъ примириться съ противникомъ безъ вреда своей чести, когда напр. не было видно злаго умысла со стороны

(5) Чтенія Москов. Общества Исторіи и Древн., годъ 1 № 4, стр. 15.

(6) Ст. Рейца о Далмаціи въ сборн. истор. и статист. свѣдѣній Д. В., стр. 183. 184.

(7) Путешествіе въ Черногорію Попова. 145.

(8) Ueber das Gerichtswesen der Germanen, стр. 2.

(9) Wilda 175.

(10) Wilda 177.

виновнаго, или убитый самъ раздражилъ убійцу, когда виноватый смирялся предъ обиженнымъ. Кротость не приносила вреда, если всѣ знали, что она обусловливалась не сознаніемъ безсилія или трусостью, но выражалась тѣми, которые умѣли сохранить свою честь и заставить бояться себя. Въ подобномъ духѣ написаны всѣ саги, говоритъ Вильда (11). Сага о Ніалѣ разсказываетъ, что Сигмундъ, близкій родственникъ Гунарра, былъ человѣкъ безпокойный, задорный, но храбрый, смѣлый и опытный въ стихотворномъ искусствѣ. Побуждаемый женою Гунарра, единомысленною съ нимъ, послѣ разнообразныхъ оскорбленій Ніалу Сигмундъ сочинилъ насмѣшливое стихотвореніе на него и его сыновей и за это былъ убитъ однимъ изъ сыновей Ніала. Жена Гунарра побуждала мужа отмстить за родственника, но тотъ медлилъ. Однажды Гунарръ встрѣтился съ Ніаломъ и послѣдній самъ возбудилъ дѣло, сказавши: «давно уже твой другъ остается невознагражденнымъ». «Онъ уже давно вознагражденъ, сказалъ Гунарръ, только я не хочу отдавать свою честь собственными руками». Опредѣлили обыкновенную виру, которая имѣла послѣдствіемъ тѣсную дружбу между Ніаломъ и Гунарромъ (12). Другая сага прославляетъ того, который не мстилъ убійцѣ брата, когда нашелъ его связаннымъ (13).

Особенно выраженіе со стороны виновнаго покорности останавливало отъ мести. Когда слѣпому Торстейну, разсказываетъ сага, убійца его сына предлагалъ выкупъ, онъ отказался отъ него въ выраженіи, обыкновенномъ въ подобныхъ случаяхъ, «что онъ не хочетъ носить своихъ дѣтей въ кошелькѣ»; но когда убійца добровольно отдался во власть Торстейна и припалъ къ его колѣнамъ, старикъ подарилъ ему жизнь, сказавши: «я не хочу рубить этой головы (14)».

Возможность умиротворенія деньгами зависѣла главнымъ образомъ отъ того, что этимъ платежемъ выражалось со стороны виновнаго смиреніе, сознаніе въ своей неправдѣ, а это возстановляло честь оскорбленнаго. Такъ какъ гордость, говоритъ Вильда, была главная черта германскаго характера, то денежный выкупъ, при такомъ его значеніи, могъ быть удо-

---

(11) Wilda 175.
(12) Ibid. 173.
(13) Ibid. 175.
(14) Ibid. 175, 176.

влетворенiемъ (satisfactio, какъ говоритъ Тацитъ и нѣкоторыя германскiя народныя права) обиженнаго ([15]). Этотъ выкупъ примирялъ обиженнаго съ оскорбителемъ, поэтому назывался и деньгами умиротворенiя (Sühngeld). Съ цѣлiю удовлетворить честь обиженнаго въ сѣверныхъ правахъ, напр. въ западно-готландскомъ законникѣ требовалась особая присяга, которую давалъ платившiй выкупъ, что если бы онъ самъ, виноватый, былъ на мѣстѣ оскорбленнаго имъ, то принялъ бы такой выкупъ ([16]). По древнимъ датскимъ законамъ такую присягу давалъ виноватый вмѣстѣ съ 12-ю соприсяжниками изъ родственниковъ ([17]).

Нельзя характеризовать славянъ болѣе грубыми, свирѣпыми и кровожадными сравнительно съ германцами; нельзя предполагать у славянъ невозможности, въ силу самыхъ ихъ нравовъ, миролюбиваго окончанiя дѣлъ объ убiйствѣ. Оскорбленное чувство славянъ, подобно германцамъ, удовлетворялось выраженiемъ смиренiя, покорности со стороны обидчика. Требованiе мстителемъ покорности, часто очень унизительной, мы видимъ у многихъ славянскихъ народовъ. Сербская пѣсня о Бајо Пивлянинѣ, убившемъ брата Бега Любовича, представляетъ убiйцу, обращающимся къ мстителю съ такими словами:

Господару, беже Љубовиħу!
Штета теби погинут' од мене,
Мени жао умриjет' од тебе;
Него хаjде, да се помиримо:
Ако сам ти брати погубио,
Мене jесте младост заниjела,
И jа самъ се давно покаjао;
Него хаjде, да се помиримо:
Послаħу ти лиjепу jабуку,
Із jабуку стотину дуката».

Когда Любовичъ прочиталъ письмо Пивлянина, онъ отвѣчалъ ему:

«Ао Бајо Пивљанско копиле!
Іа се с тобом помирити не ħу,
Да ми дадеш хиљаду дуката,

([15]) Ibid. 315.
([16]) Ibid. 316.
([17]) Ibid.

Док не дођеш мом бијелу двору,
Не пољубиш хрта међу очи,
И крљата коња у копито,
Онда мене у скут и у руку,
И преда мном у земљицу црну. ([18]).»

На такія унизительныя требованія Бајо Пивлянинъ отвѣчалъ приготовленіемъ къ борьбѣ; но часто виновные сдавались на милость оскорбленныхъ. Далимилъ, въ прибавленіи къ своей хроникѣ, разсказываетъ о необыкновенномъ судѣ, бывшемъ въ чешской землѣ въ 1315 г. по поводу родовой вражды между Рудолтовичами и Венковичами; онъ кончился примиреніемъ: «Rudoltovici se jim (Венковичамъ) na milost dachu» ([19])

Эта отдача себя на милость врагамъ, это смиреніе, покорность сопровождались у различныхъ славянскихъ народовъ особенными символическими дѣйствіями; существовалъ особенный обрядъ покоры, онъ встрѣчается у моравовъ, чеховъ, въ мазовецкомъ статутѣ 1390 г. и у черногорцевъ. Обрядъ покоры записанъ въ книгѣ товачовской XV вѣка, гдѣ говорится, что виноватый долженъ былъ идти на покору босымъ, безъ пояса, онъ ложился крестомъ на могилу убитаго, а ближайшій родственникъ убитаго опускаетъ мечъ внизъ между его плечами и три раза его спрашиваетъ: «Такъ ли я властенъ въ твоей жизни, какъ ты былъ властенъ надъ моимъ братомъ»! Убійца отвѣчалъ: «да, но прошу тебя оживить меня». Тогда мститель говорилъ: «оживляю тебя для Господа Бога» и долженъ былъ отпустить убійцу ([20]). Большія подробности въ описаніи чешской покоры сохранились въ одной рукописи, хранящейся въ чешскомъ музеумѣ; основываясь на ней, Мацієйовскій говоритъ, что много мытарствъ долженъ былъ вынести чешскій убійца. Онъ долженъ былъ съ 12-ю особами идти въ церковь; онъ шелъ безъ пояса и обуви, съ обнаженнымъ мечемъ въ одной рукѣ и съ зажженною свѣчею, цѣною въ пражскій грошъ, въ другой; такую свѣчу несъ и каждый изъ сопровождавшихъ его. Всѣ они должны были внести по грошу на обѣдню за душу покойнаго. При входѣ на кладбище

([18]) Српске народне пјесме. Караджича кн. III стр. 466.
([19]) Dalimilova Chronica Česka, изд. Ганки. 1853, 205 и 206.
([20]) Иречекъ I, 171, 172.

убійцу останавливали, не сказано кто, судебное ли лице, или кто нибудь изъ родственниковъ убитаго, спрашивали: «куда и за чѣмъ онъ идетъ». Послѣ надлежащаго на это отвѣта, убійца съ своими товарищами, становился на колѣна при могилѣ убитаго и молился. Потомъ шелъ къ дверямъ церкви, гдѣ встрѣчалъ родственниковъ убитаго, сидящихъ на порогѣ. Преклонивъ предъ ними одно колѣно, убійца просилъ помилованія ради Бога и пресвятой Богородицы; при этомъ двое изъ его товарищей брали у него изъ рукъ мечъ и держали его надъ спиной убійцы, низко склоненною передъ родственниками убитаго. Къ смирившемуся обращался отецъ убитаго съ разговорами, это было выраженіемъ милости. Потомъ всѣ шли въ другой и третій разъ вокругъ церкви, становились на колѣна при могилѣ убитаго и молились. Мечъ постоянно держали надъ убійцею, а онъ продолжалъ просить у всѣхъ прощенія, подобно прежнему. Наконецъ обращался къ убійцѣ отецъ убитаго и обѣщалъ прощеніе отъ своего имени и своихъ родныхъ. Это прощеніе давалось скорѣе, если убійство было невольное. Опять всѣ шли въ церковь, преклоняли колѣна, пѣли, особенно обращались къ Св. Вацлаву, обходили кругомъ олтаря и слушали обѣдни (21).

Подобный обрядъ записанъ въ мазовецкомъ статутѣ, по которому убійца съ 10 или 13 свидѣтелями, обнажившись по поясъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, отправлялся къ родственникамъ убитаго просить у нихъ прощенія ради Бога (22). Особенный обрядъ примиренія встрѣчается и у черногорцевъ; на него указываетъ г. Калмыковъ въ своей извѣстной рѣчи о символизмѣ права, основываясь на статьѣ Рейца: «die freien Landgemeinden von Zernagora, Poglizza und andere». Dorpater Iahrbücher, 1833 1. Bd. Родственники убійцы, для устроенія мира, посылаютъ къ оскорбленному роду депутатовъ, которые униженно, по нѣсколько разъ, просятъ «вѣры» или клятвеннаго обѣщанія не нарушать безопасности виновнаго. Когда, послѣ продолжительныхъ отказовъ, обиженный родъ наконецъ согласится, мститель назначаетъ день для мира и выбираетъ 24 посредника для рѣшенія дѣла. Въ опредѣленный срокъ убійца приводитъ 12 дѣтей изъ своего рода, мсти-

(21) Hist. prawodawstw słowiańskich III, 295. 296.
(22) Ibid, 295.

тель беретъ ихъ на руки въ знакъ примиренія. Судьи становятся вкругъ и, по разсмотрѣніи дѣла, произносятъ приговоръ. Убійца является на колѣняхъ съ орудіемъ убійства, повѣшеннымъ на шею, и униженно умоляетъ о примиреніи до тѣхъ поръ, пока мститель не подыметъ его и не заключитъ въ свои объятія ([23]). Изъ подобныхъ описаній обряда покоры видно, на сколько убійство было дѣломъ обоихъ родовъ убійцы и убитаго; родственники перваго или даже дѣти изъ его рода сопровождаютъ его при покорѣ, которая совершается имъ передъ цѣлымъ родомъ оскорбленнаго.

Таковы были у германцевъ и славянъ причины и условія возможности отказаться отъ мести и принять денежный выкупъ. Не забудемъ также при этомъ, что бывали случаи и отказа отъ выкупа, не всегда и не всякій мѣнялъ на него право мести: на это указываютъ вышеприведенныя слова Торстейна, сдѣлавшіяся формулой что «онъ не хочетъ носить своихъ дѣтей въ кошелькѣ». Это видно и изъ переговоровъ въ сербской пѣснѣ Пивлянина съ Любовичемъ, которые кончились осуществленіемъ вражды. Такой выборъ между денежнымъ вознагражденіемъ и местью существовалъ долго, пока законодательство не ввело обязательнаго принятія выкупа вмѣсто права мести, о чемъ будемъ говорить ниже. Теперь обращаемся къ способамъ рѣшенія споровъ между обиженнымъ и обидчикомъ порядкомъ внѣсудебнымъ и судебнымъ, при чемъ обыкновенно въ томъ и другомъ случаѣ дѣло оканчивалось пріемомъ выкупа.

III. Въ древности послѣ совершенія преступленія предоставлялось иногда той или другой сторонѣ, потерпѣвшему отъ преступленія или самому преступнику опредѣлить количество вознагражденія. Въ сѣверныхъ правахъ это называется «Siaelfdaemi» ([24]). Для получившаго такимъ образомъ право судить собственное свое дѣло, это было особенною честью и вмѣстѣ съ этимъ знакомъ миролюбиваго настроенія, смиренія противника. Этельредъ въ своихъ законахъ говоритъ, что свободный человѣкъ (танъ) можетъ выбирать между двумя путями—милостью и закономъ, и если онъ выбираетъ первую, то она равнялась для него судебному приговору ([25]). Опре-

---

([23]) О Символизмѣ права, Калмыкова, стр. 71, 72.

([24]) Wilda 174.

([25]) Schmid, 112.

дѣлить количество взысканія предоставлялось при этомъ представителямъ семействъ.

Когда денежное вознагражденіе за убійство вошло въ употребленіе, стало ежедневнымъ явленіемъ, долженъ былъ появиться для него и опредѣленный маштабъ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ произволъ могъ пренебрегать имъ. Саги разсказываютъ напр. о вознагражденіи за убійство деньгами и золотомъ въ такой степени, сколько нужно, чтобы покрыть трупъ убитаго, или сколько онъ вѣситъ. Подобный выкупъ сохранился въ баварскихъ законахъ, которые опредѣляютъ вознагражденіе за убитаго епископа королю, народу и родственникамъ убитаго: tit. I cap. II. 1. «fiat tunica plumbea secundum statum ejus, et quod ipsa pensaverit auri tantum donet, qui eum occidit».

Прежде это вознагражденіе не опредѣлялось различіемъ сословій, а принималась во вниманіе особенность случая, значеніе и уваженіе, которымъ пользовался въ народѣ самъ убитый и его семейство. На чемъ договаривались представители семействъ, признавалось всѣми родичами. Когда Ніалъ рѣшился взять вознагражденіе отъ Гунарра за смерть Тордра, Гунарръ спросилъ Ніала: «не хочетъ ли онъ посовѣтоваться съ сыновьями»? Ніалъ отвѣчалъ: «они не нарушатъ договора, который я заключаю». Впрочемъ саги часто разсказываютъ и о томъ, какъ иногда бывали недовольные договоромъ, считали условія его недостаточными и требовали кровнаго вознагражденія, не соглашаясь на примиреніе выкупомъ ([26]). Маціейовскій въ обозрѣніи правъ ютландскихъ народовъ ссылается на сборникъ датскихъ законовъ, составленный при Вольдемарѣ II въ 1214 г., по которому, если самъ преступникъ не хочетъ удовлетворить обиженнаго, или не можетъ, потому что умеръ, тогда старшій въ родѣ преступника договаривается о примиреніи со старшимъ въ родѣ обиженнаго ([27]).

Такою же неопредѣленною и зависящею отъ договаривающихся сторонъ представлялась плата за убійство и у славянъ.

По древнимъ законодательнымъ славянскимъ памятникамъ, опредѣленіе вознагражденія за убійство предоставлялось са-

([26]) Wilda, 370.

([27]) Hist. prawodawstw slow. III, 351

мимъ родственникамъ убитаго Řad prawa zemského ст. 2 опредѣляетъ призывающему на судъ за убійство говорить урядникамъ и пражскому бургграфу: «opowiedám se Waši Milosti že sem pohnal wraha swého, jenž jest zabil mého bratra (pojmenuje jménem oba), a to chci wésti přede pány s plným práwem, i z hlawy, i z penez, w čemž tu hlawu pokládám ([28])». И въ позднѣйшемъ чешскомъ уложеніи 1564 г. самимъ сторонамъ предоставляется уговориться объ удовлетвореніи за убійство и судъ не мѣшался въ дѣло «nez gestlyžeby se strany o mord smluwilij» ([29]).

Уже приведенная нами сербская пѣсня о Бајо Пивлянинѣ и Бегѣ Любовичѣ также представляетъ предложеніе первымъ второму за убійство брата Любовича 100 дукатовъ, но тотъ отвѣчаетъ, что не хочетъ мириться и за хильаду (1000) дукатовъ ([30]).

По древнему польскому праву убійца рѣшалъ дѣло добровольнымъ соглашеніемъ съ родственниками убитаго. Статутъ Казимира IV 1574 г.: «item quando unus conqueritur super alium: quod tu occidisti mihi fratrem et hoc cupiens in eo per juramentum solutionem capitis obtinere et ipse respondit: quod tu caput fratris tui in alio per modum concordiae repetisti, solutum, quod sum probare paratus, visum fuit nobis et baronibus nostris, quod id probari sit admittendus ([31]). Г. Иванишевъ приводитъ уфалу Берестейскаго сейма 1513 г. изъ одной рукописи въ литовской метрикѣ; изъ нея видно, что въ древнемъ литовскомъ правѣ, также какъ и въ другихъ славянскихъ, убійца долженъ былъ, не прибѣгая къ суду, уговориться съ родственниками убитаго, которые имѣли право назначить количество платы за голову. Но если дѣло переходило въ судъ, то истецъ платилъ головщину, по древнему обычаю. Уфала 1513 г. отмѣняетъ это неограниченное право истца надъ убійцею и даетъ родственникамъ убитаго только право взять головщину, а преступникъ подвергается тюремному заключенію на годъ и долженъ заплатить 12 р. пени ([32]).

([28]) Archiv Ceský II, 79.

([29]) «О платѣ за убійство» Иванишева, стр. 45.

([30]) Српске народне пјесме» Караджича, 1846, III, 466.

([31]) «О платѣ за убійство» Иванишева, 74.

([32]) Ibid. 78.

Вѣроятно у русскихъ славянъ, прежде опредѣленнаго Русскою Правдою вознагражденія родственникамъ убитаго въ 80 гривенъ (головничество), эта плата опредѣлялась по взаимному договору; это предположеніе получаетъ особенную силу не только по аналогіи съ древнѣйшимъ правомъ другихъ славянъ и германцевъ, а также и по тому значенію мировыхъ, которыми иногда оканчивалось дѣло объ убійствѣ; о нихъ мы будемъ говорить ниже.

Даже князь, по винодольскому закону, получалъ вознагражденіе за убійство своего слуги, если самъ убійца бѣжалъ, отъ родственниковъ его по договору съ ними: «ст. 29. И ёште ако би ки убил од подкнежинов или од слуг од обители кутьне гдна кнеза, од перманов, тер би ушал и не могал се єти, да кнез вазме вражбу, то є заговор вьрнези каков и колик буде отил свьрх племене злотворца» ([33]).

IV. По большей части разбирательство дѣла объ убійствѣ обѣ стороны у германцевъ и славянъ поручали посредникамъ, которые выбирались изъ людей, извѣстныхъ правдивостью и особенно уважаемыхъ, чтобы приговоръ ихъ имѣлъ болѣе силы. Вильда ([34]) приводитъ слѣдующія слова извѣстнаго историка исландскаго права Арнезина, который въ 1762 г. издалъ особенно замѣчательное для своего времени изслѣдованіе объ исландскомъ процессѣ (Historisk Inledning til din gamle ok nye Islandske Raetterdong. Kiobenh. 1762 г.): «исландская исторія всегда можетъ назвать людей, которые за ихъ качества преимущественно выбирались въ посредники; такъ въ первое время Исландіи говорилось про одного общиннаго старшину Аскела, что по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ принималъ участіе, онъ показалъ себя человѣкомъ очень правдолюбивымъ». Въ древнюю эпоху и женщины пользовались подобнымъ уваженіемъ и вліяніемъ. Одна сага разсказываетъ про Торормра, который ходилъ за совѣтомъ къ Тордисѣ, обладавшей особенной мудростью и предусмотрительностію, почему ей обыкновенно предоставлялось рѣшеніе важныхъ дѣлъ ([35]). Эта сага заставляетъ вспомнить Тацита, который указываетъ на особенное уваженіе древними германцами въ женщинѣ

([33]) Чтенія Москов. Общества Ист. и древ. 1846 № 4.

([34]) Wilda 203.

([35]) Ibid.

чего то священнаго, пророческаго. Германцы не презирали совѣта женщинъ и не пренебрегали ихъ отвѣтами: гл. 8— «inesse quin etiam sanctum aliquid et providum putant, nec aut consilia earum aspernantur aut responsa negligunt». Выбранный въ посредники обыкновенно произносилъ судъ иногда одинъ, какъ свидѣтельствуетъ Грагасъ: cum unus tantum arbiter litis constituitur, qui vel morbo vulneribusque detinetur, vel fluviis, tempestatibus aut hominibus impeditur, quo minus ad locum, ubi lis componatur, pervenire possit, tum sententiam suam pronuntiet, ubi proxime locum accedit ([36]). А бывало и такъ, что избранный въ посредники назначалъ при свидѣтеляхъ другихъ, вмѣстѣ съ которыми долженъ былъ произнести рѣшеніе объ удовлетвореніи денежною пенею, или опредѣленіемъ наказанія, т. е. лишенія мира (transactio или condemnatio): «condemnationem constituens testes denominet his verbis: in id testificandum (testes) denomino quod duodecim hosce viros in transactionem vel condemnationem mecum constituendam denomino, ut reatum NN definiant talem, qualem factum opto et inter nos conveniet ([37])». Обыкновенно спорившія стороны выбирали въ посредники одинаковое число лицъ: двоихъ, четверыхъ или шестерыхъ съ каждой стороны ([38]). Никто не обязывался принимать на себя посредничества, но если оно было принято, Грагасъ угрожаетъ наказаніемъ за отказъ въ рѣшеніи: «ubi cives orta controversia, litem suam arbitris compromittere volunt, qui arbitri, etiam hoc negotium suscipere pollicentur, exilium luant, si controversiam vel non deciderint, vel aliquo modo pacificationem vitiaverint ([39])». Посредническая власть основывалась только на заключенномъ партіями договорѣ, поэтому Грагасъ говоритъ о посредническомъ разбирательствѣ не въ отдѣлѣ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, но вмѣстѣ съ другими договорами. Отъ самыхъ партій зависѣло опредѣлить объемъ власти, предоставляемой посредникамъ, могутъ ли они назначать лишеніе мира, или должны ограничиться опредѣленіемъ денежнаго взысканія. Grágás говоритъ о лишеніи мира по

([36]) Gragas I, стр. 496.
([37]) Gragas I, 487.
([38]) Gr. I, 485, 493. Вильда 203.
([39]) Gragas I, 485.

посредническому и вѣчевому народному суду: «ubi vel transactione vel in comitiis vernalibus condemnato, exilii proscriptionisve poena intenditur ([10])». Если посреднику предоставлялось опредѣлить только денежное вознагражденіе, то онъ обязанъ опредѣлить количество его и качество, т. е. сколько должно внести скотомъ, сколько другими предметами; если же онъ постановлялъ другое какое нибудь наказаніе, то оно не имѣло законной силы: «si unus alteri causam qualicunque modo hic ipse vellet decidendam compromiserit, conditionibus non ulterius definitis, illi nec condemnationem infligere, nec certa ejus cimelia sibi consignare huic liceat, nisi in stipulatione eorum hoc pactum fuerit. Multam ei irroget compromissarius quantamcunque ipse voluerit, et simul praefiniat, quot uncias et quantas, quot in cimeliis, quot in pecoribus expendat alter. Si quis litem, his clausulis compromissam, alio quam allato modo composuerit alteri, vel condemnationem infligendo, vel praedia praeturasve ei exigendo, vel certa quaedam ejus cimelia sibi destinando, hoc nullius habeatur ([11]).

Посредническій приговоръ, которому предварительно изъявили согласіе подчиниться, имѣлъ силу, равную съ приговоромъ вѣчеваго суда: уклонявшійся отъ рѣшенія его лишался мира и помогавшіе ему подвергались наказанію: «Quod si reus non omnino absolvatur et a sententiae constitutis quodam modo declinaverit, plenam condemnationem (facto ejus congruam) incurrat, omnesque qui condemnationem ejus adauctam scientes ei opem ferunt, poenam sibi contrahunt ([12]).

Gragas, который, сравнительно съ другими древними сборниками законовъ, представляетъ болѣе подробностей о посредническомъ судѣ, уже ограничиваетъ его: по важнѣйшимъ дѣламъ требовалось утвержденіе народнаго собранія; онъ не допускается безъ позволенія народнаго собранія по дѣламъ объ убійствѣ и важнымъ ранамъ. Если бы онъ состоялся вопреки этому опредѣленію, то виновные подвергались наказанію. Если такимъ незаконнымъ образомъ будетъ окончено дѣло объ убійствѣ, то ближайшіе родственники убитаго должны представить объ этомъ жалобу: si qui hic memorata

---

([10]) Gr. I, 121.
([11]) Gragas I, 492,
([12]) Gragas I, 488.

homicidia et vulnera graviora transegerint, comitiorum generalium veniam non habentes, exilii tenentur. Si caedis causa tali modo composita fuerit, actio (de illicita transactione) proximi gradus cognatis caesi primum defertur ([43]). Съ цѣлію ограничить посредническій судъ, Грагасъ опредѣляетъ общимъ правиломъ, что если будетъ нѣсколько истцовъ, изъ которыхъ одни будутъ желать посредническаго разбирательства, а другіе судебнаго, то дѣло рѣшается согласно съ желаніемъ послѣднихъ: «si fratrum nonnulli caedis causam agere, alii eam transigere voluerint, praevaleat sententia, qui juxta rigorem legis agere volunt» ([44]). Вильда, занимаясь также разборомъ посредническаго суда, указываетъ какъ на успѣхъ развитія права, что если въ Грагасъ свобода разбираться посредническимъ судомъ ограничена въ важнѣйшихъ дѣлахъ дозволеніемъ народнаго собранія, то въ другихъ норвежскихъ и древнихъ скандинавскихъ сборникахъ законовъ прямо опредѣляется, что посредническое разбирательство не допускается, кромѣ извѣстныхъ, исключительныхъ случаевъ ([45]).

Посредники, разбирая дѣло и видя необходимость окончить его выкупомъ, иногда сами складывались для платежа его; имъ помогали и другія лица, собравшіяся на вѣче. Такъ напр. сага о Ніалѣ разсказываетъ, что при спорѣ Флоси съ Ніаломъ 12 посредниковъ, разбиравшихъ это дѣло, рѣшили не приговаривать къ лишенію мира, т. е. изгнанію, потому что оно часто бывало причиною новаго кровопролитія и вражды, а опредѣлить необыкновенно высокій денежный выкупъ, одну половину котораго внесли сами, а другую собравшіеся на вѣче ([46]). Такимъ образомъ лучшіе люди, чтобы предотвратить кровопролитіе старались содѣйствовать миролюбивому окончанію вражды платежемъ выкуповъ. Впослѣдствіи, въ первоначальную эпоху христіанства, когда еще не было уничтожено право мести, представители понятій о христіанской любви и мирѣ, духовенство стало отличаться на этомъ поприщѣ примиренія, побуждая къ нему своею проповѣдью и добровольно складываясь для вознагражденія обиженнаго. При-

([43]) Gragas II, 76.
([44]) Gragas II, 66.
([45]) Wilda 209.
([46]) Wilda 176.

мѣры этого представляетъ Григорій Турскій въ церковной исторіи франковъ ([47]). Онъ говоритъ: tunc dato ab ecclesia argento, quae judicaverant, accepta securitate, componunt, datis sibi partes invicem sacramentis, ut nullo umquam tempore contra alteram pars altera mussitaret: et sic altercatio terminum fecit». Маркульфъ, знаменитый собраніемъ древнихъ юридическихъ формулъ, представляетъ въ одной изъ нихъ родственника убитаго говорящимъ убійцѣ: «dum et instigante adversario, quod non debueras, germano nostro illo visus es interfecisse, et ob hoc vitae periculum incurrere potueras, sed intervenientes sacerdotes et magnificis viris, quorum nomina subtum tenentur adnexa, nos ad pacis concordiam, ob hoc visi fuerunt revocasse, ita ut pro ipsa causa solidos tantos in pagalia mihi dare deberes ([48]). Здѣсь вмѣстѣ съ лучшими людьми (magnifici viri) виновниками примиренія представляются и служители церкви (sacerdotes).

Послѣ примиренія принятіемъ выкупа давалось противной сторонѣ обезпеченіе въ будущемъ мирѣ и въ оставленіи вражды; въ этомъ получавшій выкупъ долженъ былъ присягнуть по формулѣ за себя, своихъ родственниковъ и всѣхъ другихъ и дать обезпечивающую миръ грамоту (epistola securitatis), обѣщая своему бывшему врагу защиту отъ всякаго нападенія по поводу оконченнаго дѣла. Въ случаѣ нарушенія этой присяги получившій выкупъ долженъ былъ заплатить своему врагу вдвое больше того, что получилъ отъ него самъ. Все это видно изъ приведенной формулы Маркульфа, который приводитъ слѣдующія слова родственника убитаго послѣ указанныхъ: «propterea juxta quod convenit, hanc epistolam securitatis in te nobis conscribere complacuit, ut de ipsa morte germano nostro nec a me nec ab heredibus meis aut suis, nec de iudiciaria potestate nec a quemlibet nullo casu, nec refragatione aliqua aut damnietate amplius habere non pertimescas, sed in omnibus exinde ductus et absolutus appareas. Et si fortasse ego ipse aut aliquis de heredibus meis vel quicunque te ob hoc inquietare voluerit, et a me defensatum non fuerit, inferamus tibi cum cogente fisco duplum quod nobis dedisti, et quod repetit quis vindicare non

---

([47]) Книга VII, гл. 47.

([48]) Marculfi formulorum lib. II, 18

valeat, sed praesens epistola securitatis a me facta firma permaneat stipulatione subnexa». Подобныя формулы примиренія встрѣчаются и въ Gragas; вотъ одна изъ нихъ, отличающаяся оригинальностію выраженій; мы представляемъ ее въ переводѣ: «Была вражда между сыномъ N N и сыномъ N N, но теперь она прошла и умиротворена денежнымъ выкупомъ, который оцѣнивающіе оцѣнили, судящее присудили, платящіе заплатили, дающіе дали, получающіе получили; получили нынѣ въ руки добрыми деньгами. А если бы впредь случилась между ними вражда, она окончена уже деньгами, чтобы копье не обагрялось кровью. Если одинъ изъ нихъ отъ безумія нарушитъ заключенный договоръ и обѣщанный миръ, да будетъ онъ удаленъ отъ Бога и всѣхъ христіанъ такъ далеко, куда волковъ изгоняютъ, оттуда—гдѣ христіане ходятъ въ церкви, а язычники въ капища, гдѣ мать рождаетъ дѣтей, а дѣти взываютъ къ матери; гдѣ пылаетъ огонь и блуждаетъ финнъ (здѣсь, я думаю, противополагается жаркая страна холодной, обитаемой финнами); гдѣ растетъ ель, а въ весенній день летаетъ ястребъ, которому попутный вѣтеръ воздымаетъ оба крыла. На священную книгу уже положены деньги, которыя онъ платитъ за себя и своихъ наслѣдниковъ, уже принятыхъ или которые будутъ приняты, родившихся и которые родятся, названныхъ и не названныхъ. Получаетъ онъ въ силу даннаго N N обѣщанія на вѣки—вѣчный миръ, который будетъ сохраненъ, пока существуетъ міръ и живутъ люди. Да будутъ они примирившимися и единодушными: гдѣ они ни встрѣтятся—на землѣ, или на водѣ, на кораблѣ, или на лыжахъ, на океанѣ или на лошадиномъ хребтѣ, если будетъ надобно, они должны подѣлиться весломъ и ведромъ, доскою и балкой, ножемъ и кускомъ мяса. Да будутъ они другъ къ другу какъ отецъ къ сыну, а сынъ къ отцу. Соедините руки и да будьте единодушны во свидѣтельство Бога, всѣхъ святыхъ и всякаго, слышавшаго сказанное».

Впрочемъ не всегда эти обѣщанія будущей дружбы и единодушія исполнялись, выкупъ и примиреніе не освобождали отъ затаенной злобы противъ врага; по этому мудрая валькирія Сигурдрифа справедливо говорила Сигурду: «не спѣши довѣряться словамъ тѣхъ, у кого ты убилъ брата или отца: въ сынѣ, въ ребенкѣ кроется волкъ, хотя онъ и сталъ благосклоненъ къ тебѣ за золото (49)».

(49) «Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйш. памятн. народн. поэзіи герман. и слав.» Полеваго, 12.

Мы уже видѣли, что въ Gragas и другихъ сѣверныхъ законахъ посредническое разбирательство представляется ограниченнымъ, особенно въ важныхъ дѣлахъ; тоже встрѣчается и въ народныхъ германскихъ законахъ, такъ напр. законъ бургундцевъ запрещаетъ внѣсудебныя композиціи по разнымъ преступленіямъ: nam fieri manifeste cognovimus de diversis sceleribus compositiones inter parentes nostros tacite: et ut caussae legibus non judicantur, ita populi violentias aut similia praesumunt admittere. Si quis compositiones ita facere praesumpserit, et lege expressa judicare distulerit, mulctam se noverit inlaturum (additamentum secundum, tit. X). Законъ баварцевъ запрещаетъ подобное примиреніе съ разбойникомъ, угрожая обвиненіемъ въ разбоѣ за пренебреженіе этого закона: tit. VIII, cap. 15 «ut nemo de probato furto compositionem a latrone ausus sit accipere, nisi ante judicem suum judicetur. Si autem praesumpserit hoc facere et celaverit judici suo, tunc latronis culpae subiacebit. Законъ вестъ-готѳовъ запрещаетъ вору давать что нибудь и принимать отъ него: Si quis pro furto interpellaverit judicem, et eum contemnens postea sine conscientia ejus aliquid dederit, vel ab eo in compositionem acceperit, pro praesumptione sua V solidos judici invitus exsolvat (lib. VII, tit. IV, 1). Подобныя запрещенія повторяются и меровингами. Такъ напр. Хидельбертъ II и Хлотарій II постановляютъ: «qui furtum vult celare, et occulte sine judice compositionem acceperit, latroni similis est ([50]), а Хлотокарій II: «si quis occulte rem sive compositionem a quolibet latrone acceperit, utraque latronis culpam subiaceat ([51])».

Но внѣсудебное примиреніе по дѣламъ объ убійствѣ продолжается въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, это свидѣтельствуютъ и городскіе статуты и Саксонское Зерцало.

У Гейба мы встрѣчаемъ статутъ Нордгаузена, что убійца долженъ вознаградить ближайшихъ родственниковъ убитаго, по ихъ усмотрѣнію, а городскія власти имѣютъ право принудить этихъ родственниковъ принятъ выкупъ: wo vort me in doser stat eyn totslag geschit, den sal man bezzeren den nesten vrunden nach oren willen: vnde sal vortme der rat noch die rethe die vrunde zcu nicheiner bezzerungen zcu

---

([50]) Pertz I, стр. 7.

([51]) Pertz I, стр. 12.

nemene dringen weder oren willen» ([52]). Саксонское Зерцало кн. 1, артик. 8, § 3 говоритъ о примиреніи (orveide, urfrieden) на судѣ и безъ суда: «Sune aver unde orveide, de de man vor gerichte dat, getüget men mit deme richtere unde mit tven mannen. Geschit it aver ane gerichte, he mut it getügen selve sevede, dem man die sune oder de orveide dede».

Чтобы примиреніе послѣ убійства было возможно, для этого въ средніе вѣка назначалось опредѣленное время, въ продолженіе котораго обѣимъ сторонамъ должно было наблюдать миръ и ждать окончанія дѣла: объ этомъ говоритъ Rheingauer Landrecht, ст. 75: «item ist ein lantrecht weres, daz in dez lants fryheit geschee ein richtlich dat, daruon ein man doitgesläen, gelemet ader verwont worde, der sullen die magen von beeden parthyen, die nit in varde ader in velde gewest weren, als der doitslag geschah, eynen vesten vriede hain ses wuchen nest darnach komende, off daz, daz sy von beeder syt binnen dirre zyt vrede mogen dun suchen und machen, als ine des noit dunket ze syn; und so als binnen dirre zyt misdan worde von der eyn syte geyn die ander syte, der virbreche als vil, als der ihene verbrichet, der dar vbir den andern eyne hantvriede getan hette, als vorgeschr. stet» ([53]). Формулы примиренія послѣ убійства встрѣчаются даже въ сборникахъ формулъ XVI стол. ([54]).

Подобную судьбу посредническій судъ и мировыя имѣли и у славянъ. Къ посредникамъ обращались славяне для рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ. Подобно исландскому старшинѣ Аскелу, о которомъ свидѣтельствуетъ Арнезинъ, и у славянъ были особенно уважаемые мужи, къ которымъ обращались для суда; таковъ былъ у чеховъ Крокъ. Козьма Пражскій говоритъ о чехахъ: «кто считался въ своемъ племени почтеннымъ и мудрымъ, къ тому безъ позыва, добровольно приходили свободно судиться въ сомнительныхъ правахъ и обидахъ. Особенно отличался Крокъ, мужъ очень почтенный въ своемъ родѣ, богатый и мочный, мудрый въ рѣшеніяхъ; къ нему сходились на судъ не только изъ своего рода, но изъ всѣхъ племенъ чешской земли». Отзывы Козьмы Пражскаго о дочери Крока, Любушѣ, напоминаютъ сканди-

---

([52]) Lehrbuch des deutshen Strafrechts v. Geib, 214.

([53]) Weisthümmer v. Grimm I. 543.

([54]) Deutsche Rechtsgeschichte v. Walter II, 373 пр. 10.

павскую Тордису и свидѣтельство Тацита о почтеніи древними германцами женщинъ. «Любуша, говоритъ Козьма, была разумна въ совѣтахъ, краснорѣчива, отличалась правомъ, никому не уступала въ судебныхъ рѣшеніяхъ; она многому вразумила свой народъ; ее поставили, по общему рѣшенію, судьею, по смерти отца ея».

Подобно германцамъ, и у славянъ съ обѣихъ сторонъ выбиралось равное число посредниковъ для рѣшенія дѣла. Эверсъ, основываясь на одномъ ученомъ путешественникѣ въ Черногорію ([55]), говоритъ, что прекращеніе мести, которая часто воспламеняла порывами къ убійству цѣлыя семейства, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, составляло самый торжественный праздникъ. Примиреніе совершается въ общемъ собраніи народа и въ присутствіи кмета, т. е. суда, составленнаго изъ 24 старѣйшинъ, избираемыхъ въ числѣ 12 каждою изъ двухъ враждовавшихъ сторонъ ([56]).

И такъ посредническій судъ совершался и здѣсь, какъ по Grágás, съ вѣдома и передъ лицемъ народнаго собранія. Подобно Grágás, Литовскій Статутъ уравниваетъ рѣшеніе посредниковъ судебному постановленію; если одна изъ сторонъ не подчиняется рѣшенію полюбовныхъ судей, земскій судъ подтверждаетъ это рѣшеніе и заставляетъ подчиниться ему: «уставуемъ тежъ, кгды судьи полюбовные кому презыскъ судовъне вказали и листы того вказаня сполу обѣ двѣ стороне подъ печатьми своими дали, а тотъ бы водлѣ суда ихъ того держати и тому досыть вчынити не хотѣлъ; тогды тотъ листъ маеть быть положонъ передъ судомъ земскимъ, а судья взъгленувшы въ оный листъ маеть его заховати при мацы и отправу дати» ([57]). Подобно посредническому суду Grágás, полюбовные судьи, по Литовскому Статуту, должны были основываться при рѣшеніи на власти, данной имъ по договору, на компромисѣ, по Третьему Литовскому Статуту (разд. IV, арт. 85), который говоритъ: «естли жъ бы обеюхъ сторонъ судьи судомъ своимъ отъ права посполитого або компромису ухилилися, тогды врядъ маеть розсудокъ свой в той речи водле права вделати и отправу дати».

([55]) Voyage historique et politique au Montenegro par M. le colônel L. C. Vialla de Sommières. Paris 1807.

([56]) Древнѣйшее Русское право, стр. 63.

([57]) Второй Литов. Статутъ, разд. IV, арт. 60 и Третій, разд. IV, арт. 85.

Возможность примиренія внѣ суда подтверждается въ древнемъ русскомъ правѣ законодательными источниками. «Власть княжеская, говоритъ г. Власьевъ, выступала противъ убійства въ томъ случаѣ, когда дѣло не оканчивалось местью, или мировой сдѣлкой, и когда она непосредственно была заинтересована въ дѣлѣ (убійство принадлежащаго князю лица). Мировыя по душегубству допускались какъ извѣстно очень долго, и вообще замѣтно въ населеніи стремленіе удержать право на мировыя: такъ новгородцы ставятъ въ обязанность князьямъ не нарушать «вольнаго ряда» и не замышлять «самосуда»; сами же они даютъ, даже послѣ приговора, мѣсяцъ на переговоры отвѣтчика съ истцемъ. Но и тамъ, гдѣ князья утверждали «самосудъ», они ограничивали его только татьбой съ поличнымъ: запрещеніе же мириться съ убійцами относится къ московскому періоду, и при томъ, едва ли оно не касается однихъ только убійцъ—лихихъ людей ([58])». Подобное замѣчаетъ и г. Чебышевъ—Дмитріевъ, который говоритъ, что «въ противоположность Псковской Судной Грамотѣ, которая узаконяетъ примиреніе съ татемъ и разбойникомъ и признаетъ за ней юридическое значеніе («а на тати и на разбойники же чего истецъ не возьметъ, ино и князю продажа не взяти»), законодательство прочихъ областей прежде всего обратило въ этомъ отношеніи вниманіе на татьбу и запретило примиреніе съ воромъ. Въ Уставной Двинской Грамотѣ 1398 г. сказано: «а самосуда четыре рубли: а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а себѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ». А о примиреніи съ душегубцемъ не говорится ни слова и нѣтъ основанія предполагать, чтобы оно запрещалось ([59])». Съ половины XVI столѣтія идутъ запрещенія мириться съ разбойниками, наравнѣ съ татями; на это указываетъ одна дополнительная статья къ Судебнику 1624 г., которая ссылается на записку въ указной книгѣ Разбойнаго Приказа 1556 и на записку въ разрядѣ, подъ 1617 годомъ: «И въ Разбойномъ Приказѣ въ указной книгѣ, лѣта 7064 году, написано: которые люди

([58]) «О вмѣненіи» стр. 144.

([59]) «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву» стр. 148, 149.

передъ старостами ищутъ на разбойникахъ и на татехъ на вѣдомыхъ, а учнутъ о тѣхъ своихъ искѣхъ съ тѣми людьми, на комъ ищутъ, старостамъ миръ являти, и старостамъ тѣмъ истцомъ въ тѣхъ искѣхъ мириться не велѣти, а про тѣхъ людей, на комъ ищутъ, доводити по суду и по обыску для земскихъ дѣлъ, чтобъ лихихъ вывести. Да въ книгѣ жъ указано, какова по Государеву указу въ прошломъ въ 125 году въ Разрядѣ писана: которые истцы съ разбойники, или съ приводными людьми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлѣхъ, не дожидаясь указу, учнутъ мириться, а мировые челобитные въ приказъ учнутъ приносить, и тотъ ихъ миръ не въ миръ ставить, а разбойникомъ указъ чинитъ по Государеву указу, кто чего доведется; а истцомъ за то пеня чинить, смотря по дѣлу, не мирись съ разбойники» (60). Подобное запрещеніе мировыхъ съ разбойниками и въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяется въ выпискѣ послѣ 1605 г. изъ постановленій о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ (61); въ выпискѣ изъ уставной книги Разбойнаго Приказа 1631 г. (62) и наконецъ въ Соборномъ Уложеніи (гл. XXI, ст. 31)

И такъ московское законодательство XVI и XVII стол., подобно народнымъ германскимъ законамъ и постановленіямъ меровинговъ, запрещаетъ мириться съ ворами и разбойниками, но какъ въ Германіи, такъ и у славянъ долго продолжаются мировыя по дѣламъ объ убійствѣ, совершенномъ не разбойниками, невѣдомыми лихими людьми, а въ ссорѣ и «грѣхомъ». До насъ дошло нѣсколько русскихъ мировыхъ по дѣламъ объ убійствѣ; мы обращаемъ вниманіе только на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ принимаютъ участіе родственники убитаго или убійцы. Такъ трое убійцъ одного площаднаго писца дали на себя въ 1577 г. запись женѣ убитаго и ея брату «въ томъ, что по грѣхомъ учинилось убивство, Ульянина мужа, а Васильева зятя, площаднаго писчика, убили: и за убитую голову головщина платить намъ.... а Ульянѣ да Василью въ той головщинѣ убытка не довести никотораго; а которой насъ въ лицѣхъ, на томъ головщина и убытки» (63). Въ одномъ актѣ 1616 г. упоминаются деньги, взятыя отцемъ съ

(60) Акты истор. III, стр. 94.

(61) Акты Арх. Экспед., II. стр. 390, 391

(62) Акты ист. III, стр. 300.

(63) Акты юрид. № 271.

зятя за убитую дочь ([64]). Отъ 1640 г. мы имѣемъ мировую запись чернаго попа Никандра съ крестьянами, убившими сына его, священника Луку. Въ мировой попъ Никандръ пишетъ: «учинился споръ у вдового попа сына моего Луки съ крестьяны, съ Омросомъ съ Семеновымъ, да съ Кирилою съ Ермоловымъ, да съ Третьякомъ Сидоровымъ, и тотъ Омросъ сына моего вдового попа Луку съ товарищи зарѣзалъ до смерти, и я было старецъ Никандръ вшелъ на рознимку, и тотъ Омросъ Семеновъ и меня старца Никандру ножемъ же рѣзалъ. И я старецъ Никандръ своими дѣтми его Омроса и съ товарищи, въ своемъ ножеѳомъ рѣзаньѣ и сына своего въ рѣзаньѣ во всемъ простилъ; и впредь мнѣ своего рѣзанья и сына своего убійства на нихъ не пытати и не отъискивати и въ головныхъ деньгахъ, ни въ похоронныхъ, на нихъ Государю не бити челомъ, окромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени что будетъ государь укажетъ и въ томъ его царская воля, а язъ и съ своими дѣтми тѣ дѣла отдали Богу судити все. И въ томъ есмя я старецъ своими дѣтьми и мировую запись дали Омросу съ товарищи ([65])».

У древнихъ чеховъ посредническое разбирательство, судъ «слибный» ограничивался только неважными дѣлами. Правила Конрада I, 1189 г. говорятъ: «судъ, который именуется слибнымъ, можно свободно производить для разрѣшенія тяжебъ о козѣ, объ овцѣ или т. п., кромѣ спорныхъ случаевъ о коровѣ, о быкѣ, о конѣ, или о чемъ большемъ ([66])».

Запрещеніе мировыхъ съ разбойниками и ворами и долгое заключеніе ихъ по поводу многихъ преступленій встрѣчаемъ и у другихъ славянъ, кромѣ русскихъ. Рейцъ говоритъ про далматскихъ славянъ, что хотя у нихъ мировыя сдѣлки часто еще встрѣчались и основаны на глубочайшихъ обычныхъ вѣрованіяхъ народа, однако статуты противодѣйствовали имъ уже очень сильно. По законамъ Курцулы, всякій, оканчивающій полюбовною сдѣлкою насильственное вторженіе въ его домъ или въ виноградникъ, терялъ свою часть пени въ пользу общины. Если при этомъ совершалось воровство, хозяинъ тоже не долженъ заключатъ мировой съ воромъ,

---

([64]) Акты истор. III № 68.

([65]) Дополн. къ актамъ историч. II, № 70.

([66]) О жупныхъ судахъ, изслѣдованіе г. Иречка, въ архивѣ историч. и юридич. свѣд. Калачова 1861 г., кн. VI, стр. 31.

подъ опасеніемъ штрафа въ 4 перпера. Далѣе, продолжаетъ Рейцъ: «раны, побои, убійства, поджоги и до сихъ поръ подаютъ еще поводъ къ частнымъ распрямъ и частнымъ мировымъ сдѣлкамъ между единоплеменниками» ([67]).

Въ заключеніе обозрѣнія полюбовнаго окончанія у славянъ дѣлъ объ убійствѣ между родственниками убитаго и убійцы замѣтимъ, что оно заключалось обѣщаніемъ впредь безопасности отъ мстителей убійцѣ и его родственникамъ; на это указываютъ уже приведенные нами обряды покоры у чеховъ, гдѣ такое обѣщаніе давалъ отецъ убитаго, и у черногорцевъ, гдѣ мститѣль обнималъ убійцу; это видно и изъ русскихъ мировыхъ, особенно попа Никандра, который обѣщаетъ за себя и своихъ дѣтей оставить все дѣло на судъ божій; наконецъ Литовскій Статутъ (III. разд. IV, арт. 25) говоритъ о листѣ еднальномъ, по написаніи котораго не дозволяется вчинать вновь дѣла: »уставуемъ тежъ хто бы с кимъ мевши право и утративши которую речъ на праве або па еднанью ее уступивши и заеднавъши, а по суде або зъеднавшися и тое еднанье где о кгрунътъ земленый, або о горъло идетъ при листе своемъ еднальномъ на вряде сознавши, а где о именье, або о кгрунътъ земленый, або о горло нейдеть такое еднанье листомъ своимъ еднальнымъ подъ печатью своею и с подписью руки своее властное, и тежъ подъ двема печатьми людей сторонъныхъ, а хто писати не въмеетъ тотъ при своей печати подъ тремя печатми людей сторонъныхъ данымъ упевнивши и утверъдивши, а тоежъ за се его до права позвалъ и на праве тоежъ речи знову искалъ и того доходилъ, таковый повиненъ заплатити томъже за разомъ у суду стороне семъ копъ грошей, судьи двѣ копе грошей, а подъсудъку копу грошей, а тотъ судъ або еднанье предъ се маеть при моци застати». Подобныя мировыя и еднальные листы соотвѣтствуютъ epistolae securitatis древнихъ германцевъ.

V. Тацитъ, указывая па совѣщаніе о примиреніи съ врагомъ, на пирахъ: гл. 22 «sed et de reconciliandis invicem inimicis in convivis consultant», говоритъ и о жалобахъ въ народныхъ собраніяхъ и о судебной власти народа по дѣламъ уголовнымъ, гл. 25: «licet apud concilium accusare quoque et discrimen capitis intendere».

([67]) Сборникъ историч. и статист. свѣдѣній о Россіи, Д. В. стр. 193, 194.

Саги и Grágás противополагаютъ судебный приговоръ внѣсудебному примиренію; это выражается и въ различныхъ названіяхъ того и другаго: sekt и sátt; первое значитъ пеня, обвиненіе, собственно обвиненіе на смерть, а приговоръ посредниковъ называется sátt, что собственно значитъ примиреніе, миръ ([68]). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ славянскихъ законодательныхъ памятниковъ, въ Третьемъ Литовскомъ Статутѣ также окончаніе дѣла объ убійствѣ на судѣ противополагается миролюбивому окончанію (чрезъ еднанье); 25 артикулъ IV раздѣла этого статута говоритъ о томъ: «хто бы кого черезъ судъ або черезъ еднанье ку праву позвалъ». «Уставуемъ тежъ хто бы с кимъ мевши право и утративши которую речъ на праве або на еднанью ее уступивши и заедпавъши, а по суде або зъеднавшися и тое еднанье где о кгрунътъ земленый, або о горъло идетъ при листе своемъ еднальномъ на вряде сознавши....»

Судебное разбирательство споровъ для примиренія ихъ считалось у германцевъ привиллегированнымъ судомъ. Въ старину запрещалось судить по праздникамъ, потому что думали, что произнесеніе уголовнаго приговора несогласно съ святостью времени; поэтому въ капитуляріяхъ запрещаются судебныя собранія по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ; исключеніе было только для умиротворенія вражды. Карлъ II въ капитуляріи 853 г. постановилъ: ст. 7 «ne malla vel placita in exitibus et in atriis ecclesiarum et presbyterorum mansionibus neque in dominicis vel festivis diebus tenere praesumant-quia nefas est ibi reos puniri ubi respectu divinae reverentiae misericordiam—consequuntur». Ст. 8: «ut a quarta feria ante initium quadragesimae, nec in ipsa quarta feria, usque post octavas paschae, mallum vel placitum publicum, nisi de concordia et pacificatione discordantium tenere praesumant ([69]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію самаго порядка судебнаго примиренія, замѣтимъ прежде всего, что, по германскимъ народнымъ законамъ, убійца, послѣ совершенія имъ преступленія, если не бѣжалъ и не представлялъ удовлетворенія, до тѣхъ поръ подлежалъ мести родственниковъ убитаго, пока

([68]) Wilda 194 и объясненіе слова sátt Шлегелемъ, издателемъ Grágás въ указателѣ древнихъ словъ, приложенномъ ко второй части Grágás, стр. 72.

([69]) Pertz, I, 419.

не примирился съ ними. L. Fris tit. II, ст. 2»: si vero homicida non fugerit, nihil solvat, sed tantum inimicitias propinquorum hominis occisi patiatur, donec quomodo potuerit, eorum amicitiam adipiscatur». ст. 3: «sed tantum inimicitias propinquorum occisi hominis patiatur, donec cum eis, quoquo modo potuerit, in qratiam revertatur». Карлъ Великій постановляетъ о преступленіяхъ, порождающихъ месть. Четвертая статья лонгобардскаго капитуларія называется «de culpa unde faida crescent». Здѣсь Императоръ требуетъ, чтобы за такія преступленія вознаграждали оскорбленнаго по тѣмъ законамъ, по которымъ онъ жилъ: volumus ut ibicumque culpa contigerit unde faida crescere potest, per satisfactionem hominis illius contra quem culpavit, secundum ipsius legem cui negligentiam commisit, emendet». ([70]).

Подобное этому положеніе убійцы было и у славянъ. Řad práwa zemského установляетъ, что если убійца не окончилъ дѣла съ мстителемъ миролюбиво, не вступилъ съ нимъ въ переговоры, для веденія которыхъ давался опредѣленный срокъ, мститель могъ схватить убійцу и убить, и, проколовъ ему голени, привязывалъ его къ конскому хвосту и влекъ къ пражской висѣлицѣ ([71]).

Для возможности осуществить примиреніе платежемъ выкупа подобно тому, какъ это бывало при внѣсудебномъ примиреніи, убійца получалъ обезпеченіе въ безопасности явиться на судъ. Вильда говоритъ, что два близкія понятія и слова, встрѣчающіяся въ памятникахъ древняго сѣвернаго права, «grid», употребляемое англосаксами совершенно въ одинаковомъ смыслѣ съ «fridr», должно отличать отъ «trygd». «Grid»—это миръ, условно обѣщанный; на основаніи его дается тому, который боится мести другаго, обезпеченіе, что онъ безопасно можетъ идти къ своему сопернику или въ судъ, чтобы кончить дѣло примиреніемъ. Такое обезпеченіе давалось самимъ соперникомъ или судомъ. «Trygd» напротивъ—обѣщаніе вѣчнаго примиренія, которое получается послѣ совершеннаго окончанія спорнаго дѣла ([72]). Шлегель въ упомянутомъ уже нами указателѣ древнихъ словъ Grágás

([70]) Ibid., стр. 46.
([71]) Archiv Český II, 92.
([72]) Wilda 179.

говоритъ также, что должно различать grid и trygd; послѣднее означаетъ полное и ненарушимое примиреніе, а первое только на извѣстное время, для какого нибудь опредѣленнаго дѣла, въ немъ заключаются предварительныя основанія для мира и союза (73).

Англосаксонскіе законы распространяются о порядкѣ обезпеченія мира для желающаго окончить дѣло платою Wergeld'а, о порядкѣ и срокахъ самаго платежа. Законы Эдуарда и Гудруна говорятъ, что, послѣ того, какъ убійца давалъ обѣщаніе уплатить Wergeld, онъ долженъ былъ искать поручительства, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ дѣла, именно по Wergeld'у twelfhyndeman'а должно быть порукою 12 человѣкъ, 8 родственниковъ съ отцовской стороны и 4 съ материнской. Если это было сдѣлано, объявлялась королевская защита, т. е. всѣ сочлены обѣихъ фамилій, положивши оружіе, отправлялись къ судьѣ, который назначался королевскимъ покровительствомъ. Черезъ 21 день послѣ этого должно заплатить 120 шиллинговъ, какъ Healssang, которые принадлежали дѣтямъ, братьямъ и дядьямъ съ отцовской стороны; черезъ 21 день по уплатѣ Healssang'а платился Manbot, еще черезъ 21 день деньги за вражду (Kampfbusse), а еще черезъ 21 день Frumgyld или первая часть Wergeld'а и т. д.. вся сумма уплачивается до опредѣленнаго срока, который былъ назначаемъ судьями (74).

Въ законахъ Эдмунда встрѣчаются подобныя распоряженія: «судьи (die witan) обязаны прекращать вражду. Во первыхъ, по народному праву убійца долженъ дать обѣщаніе своему адвокату, а адвокатъ родственникамъ убитаго, что убійца желаетъ дать имъ вознагражденіе. Потомъ нужно, чтобы адвокату убійцы дали обезпеченіе въ томъ, что послѣдній будетъ пользоваться миромъ (grid) и можетъ самъ договариваться о выкупѣ. Если онъ въ этомъ условится, то долженъ искать поручительства. Когда это будетъ сдѣлано, объявляется королевскій миръ; съ этого времени въ теченіи 21 дня должно уплатить Healssang, послѣ этого въ 21 день первую часть Frumgyld'а (75)».

---

(73) Gr. II, Index стр. 84.

(74) Кембль I, 225, 226.

(75) Schmid 96, 97.

Законы острова Готланда (Gutalagh) также распространяются объ обезпеченіи убійцѣ возможности внесеніемъ выкупа примириться съ родственниками убитаго; мы представимъ эти законы, основываясь на Вильдѣ ([76]) и Саксе ([77]). Всякое убійство, по этимъ законамъ, можетъ быть искупляемо по закону опредѣляемымъ выкупомъ. Наслѣдники убитаго не могутъ отказаться принять его, мстить или требовать другаго наказанія. Выкупъ предлагается не тотчасъ послѣ убійства: убійца спасается отъ мести наслѣдниковъ убитаго бѣгствомъ на 40 дней въ одну изъ трехъ церквей, которыя пользовались высшимъ и постояннымъ миромъ. Въ этомъ бѣгствѣ убійцу сопровождаютъ отецъ, сынъ или братъ; если ихъ не было, то ближайшіе родственники (въ подлинникѣ nestu nipiar, Вильда переводитъ die nächsten Freunde, Саксе—die nächsten Angehörigen). Для чего было это сопровожденіе—для защиты самого убійцы, или для собственной безопасности этихъ родственниковъ? спрашиваетъ Вильда и говоритъ, что изъ самаго текста нельзя опредѣлительно рѣшить ни того, ни другаго, но изъ другихъ опредѣленій сѣвернаго права можно принимать то и другое. По истеченіи срока убѣжища въ церкви,—убійца долженъ былъ терпѣть цѣлый годъ родъ ссылки, проживая вдали отъ общества людей, родныхъ и особенно соперника. Въ предѣлахъ этой ссылки онъ пользовался миромъ; ему предоставлялось также въ продолженіе этого времени бѣжать. По истеченіи года онъ долженъ былъ предложить выкупъ, и если въ принятіи его отказывали, то онъ два раза повторялъ это предложеніе, по истеченіи втораго и третьяго года. Если и послѣ этого наслѣдникъ не примирялся, то сама община брала выкупъ и убійца освобождался отъ всякаго преслѣдованія. Эти постановленія свидѣтельствуютъ о желаніи ограничить частную месть, а удаленіемъ убійцы на первое время послѣ убійства—удовлетворить честь родственниковъ убитаго, потому что они въ это время чувствуютъ себя особенно раздраженными и готовыми къ мести. Готландскіе законы дѣлаютъ замѣчаніе, что если родственникъ убитаго приметъ выкупъ, при первомъ предложеніи, послѣ перваго года, этого никакимъ образомъ не должно считать постыднымъ.

([76]) Das Strafrecht der Germanen 182—184.

([77]) Historische Grundlagen des deutschen Staats und Rechts—Lebens, 318, 319.

Предоставленіе убійцѣ срока для внесенія выкупа могло имѣть и ту цѣль, чтобы дать ему возможность позаботиться о приготовленіи этого выкупа.

И другіе сѣверные законы принимали особыя мѣры, чтобы спасти убійцу отъ раздраженія мстителей, запрещая напр. убійцѣ встрѣчаться съ враждебнымъ семействомъ, особенно наслѣдниками убитаго. «Если дѣло дойдетъ, говоритъ остготскій законъ, до родовой мести между тѣми, которые принадлежатъ къ одному церковному приходу и если мститель будетъ стоять внутри церкви, то убійца можетъ быть безопаснымъ только внѣ ея; если одинъ стоитъ на сѣверной сторонѣ храма, то другой можетъ безопасно стоять только на южной. Если оба подсудны одному суду, одному народному собранію, то должны ходить туда по разнымъ дорогамъ, чтобы защищать себя или чего нибудь искать на судѣ, по окончаніи своего дѣла должны удаляться изъ собранія. Только имѣя обезпеченіе въ мирѣ (Grid), можно встрѣчаться съ врагомъ, а если кто нибудь безъ этого приблизится къ сопернику, то долженъ заплатить 3 марки или присягнуть съ двѣнадцатью, что подошелъ не съ злонамѣренною цѣлью». Такимъ образомъ боялись, что видъ убійцы, даже его родственниковъ, можетъ возбуждать чувство мести и повести къ новой кровавой стычкѣ. Особенно можно было опасаться за послѣднее, когда замѣчали со стороны убійцы или его родственниковъ выраженіе непокорности, насмѣшку, потому что ничто такъ не раздражало германца, какъ выраженіе ему того, что его не боятся. Съ тою же цѣлью предотвратить раздражительность мстителя, по древнему закону Гулатинга, опредѣлялась особая пеня, если убійца тотчасъ послѣ убійства, въ первомъ народномъ собраніи предлагалъ вознагражденіе такъ громко, что это было слышно цѣлому собранію: полагалась также пеня и за то, если по прошествіи 12 мѣсяцевъ убійца медлилъ предложить вознагражденіе ([78]).

Для охраненія преслѣдуемаго мстителемъ были опредѣлены извѣстныя мѣста и время, гдѣ онъ могъ считать себя внѣ опасности; объ этомъ встрѣчаются постановленія въ германскихъ народныхъ законахъ и въ капитуляріяхъ. Законъ фризовъ (additio sapientum, tit. 1 «de pace faidosi)»: «homo faidosus pacem habeat in Ecclesia, in domo sua, ad Ecclesiam

([78]) Wilda 181, 182.

eundo, de Ecclesia redeundo, ad placitum eundo, de placito redeundo, qui hanc pacem effregerit, et hominem occiderit, novies XXX solid. componat».

Законъ саксонцевъ (tit. III, 4):—«qui hominem propter faidam in propria domo occiderit capite puniatur».

Капитулярій Карла Великаго 813: «ut inquiratur diligenter de faidosis hominibus, qui solent incongruas commotiones facere, tam in dominicis diebus quamque et aliis solemnitatibus sicuti et in feriaticis diebus. Hoc omnino prohibendum est, ne facere praesumant (79)».

Особенно благодѣтельно въ этомъ отношеніи было церковное убѣжище; мы видѣли уже постановленія о немъ законовъ Готланда и фризовъ, оно встрѣчается и въ другихъ народныхъ законахъ и капитуляріяхъ.

Законъ алеманновъ (tit. III, 1) «Si quis homo aliquem persequens fugitivum aut liberum aut servum, et ipse intra januas Ecclesiae confugerit, nullus habeat potestatem per vim abstrahendi de Ecclesia, nec eum infra januas Ecclesiae occidendi».

Законъ баварцевъ (tit. 1, cap. VII, 1). «Si culpabilis aliquis confugium ad Ecclesiam fecerit, nullus eum vi abstrahere ausus sit, postquam januam Ecclesiae intraverit, donec interpellat Presbyterum Ecclesiae vel Episcopum».

Падернборнскій Капитулярій 785 г. начинается словами, чтобы христіанскія церкви, построенныя въ Саксоніи, пользовались не меньшею, а еще большею честью, нежели идолы, а потому установляется церковное убѣжище: «Primum de majoribus capitulis hoc placuit omnibus, ut Ecclesiae Christi, quo modo construuntur in Saxonia, et Deo sacratae sunt, non minorem habeant honorem, sed majorem et excellentiorem, quam vana habuissent idolorum. Si quis confugia fecerit in Ecclesiam nullus eum de Ecclesia per violentiam expellere praesumat, sed pacem habeat usque dum ad placitum praesentetur; et propter honorem Dei sanctorumque Ecclesiae ipsius reverentiam, concedatur ei vita et omnia membra. Emendat autem causam in quantum potuerit, et ei fuerit judicatum; et sic ducatur ad praesentiam domini regis, et ipse eum mittat, ubi clementiae ipsius placuerit (80)». Капитулярій въ до-

(79) Capitulare Aquisgranense, Excerpta canonum, гл. 26. Pertz 1, 190.

(80) Pertz I. 48,

полненіе салическаго закона, 803 г., ст. III—«si quis ad Ecclesiam confugium fecerit, in atrio ipsius Ecclesiae pacem habeat, nec sit ei necesse Ecclesiam ingredere, et nullus eum inde per vim abstrahere presumat, sed liceat ei confiteri quod fecit, et inde per manus bonorum hominum ad discussionem in publico perducatur (81)».

Древне-славянское право также представляетъ различныя мѣры къ огражденію личности виноватаго отъ мстителя, опредѣляетъ сроки для переговоровъ мстителя съ убійцею, даетъ послѣднему возможность укрыться отъ мести бѣгствомъ, установляетъ церковное убѣжище. Rád práwa zemského предоставляетъ подавшему жалобу объ убійствѣ и деньгахъ за убійство взять коморника, который напоминаетъ отвѣтчику рѣшить дѣло въ продолженіе 6 недѣль взаимнымъ соглашеніемъ. Если въ продолженіе 6 недѣль отвѣтчикъ не уговорится съ истцемъ, то истецъ долженъ записать это въ доски и послать другаго коморника для переговора въ продолженіе шести недѣль. А какъ пройдутъ и другія 6 недѣль, и отвѣтчикъ не уговорится съ истцемъ, опять записывается это въ доски, берется третій коморникъ, чтобы опять напомнить отвѣтчику о взаимномъ соглашеніи въ продолженіе 6 послѣднихъ недѣль. Послѣ 18 недѣль истецъ беретъ одного урядника и одного коморника, которые вводятъ его во владѣніе имуществомъ отвѣтчика; изъ него урядникъ отдѣлятъ часть, соотвѣтствующую платѣ за убійство. Если послѣ этого истецъ гдѣ нибудь встрѣтитъ отвѣтчика, то можетъ его схватить и убить (82). Если дѣло дойдетъ на судѣ до поединка и одинъ изъ тяжущихся не посмѣетъ выйти на него, то долженъ просить пановъ-судей о совѣщаніи съ бургграфомъ пражскимъ, который долженъ безопасно проводить его за 3 мили отъ пражскаго замка, чтобы убійцѣ скрыться такимъ образомъ отъ своихъ непріятелей (83). Наконецъ это же древнее земское право чеховъ установляетъ для убійцы убѣжище въ пражскомъ соборѣ, у гроба св. Вячеслава. На ряду съ этимъ церковнымъ убѣжищемъ, правомъ безопасности убійца пользуется около своей жены, если она обниметъ его и при-

(81) Ibid. стр. 113.

(82) Статьи 27, 28, 29. Archiv Český II. 91, 92.

(83) Ibid. ст. 24, стр. 90.

кроетъ своею одеждою, а также и передъ чешскою королевою ([84]). Церковное убѣжище установляетъ и русская Кормчая: «ни кто же прибѣгающаго въ церковь нужею да изовлачитъ, но вещію прибѣгый вину свою да повѣдаетъ попови и попъ являетъ бѣднаго и вину отъ него сотворенную, да пріемлетъ яко убѣгая, и по закону да изыщется обида его и испытается. Аще ли кто покушается нужею отъ церкви извести прибѣгшаго, кто любо будетъ, таковъ же да пріиметъ сто сорокъ ранъ, и тогда яко подобаетъ, да испытается обида прибѣгшаго ([85])».

VI. Принимать мѣры къ огражденію личности, подлежавшей мести, особенно было необходимо въ то время, когда въ волѣ мстителя было отомстить или принять выкупъ, но у германцевъ при Карлѣ Великомъ мститель уже былъ лишенъ такого свободнаго выбора, принятіе выкупа сдѣлалось обязательнымъ. Подобно тому, какъ это уже замѣчено нами въ законахъ Готланда, по капитуляріямъ Карла Великаго, мстители принуждались къ этому самою верховною властью. Вмѣстѣ съ этимъ предписывалось и противной сторонѣ давать выкупъ, слѣдовательно и у нея не было возможности выбирать между готовностью заплатить выкупъ или выдержать месть. Capitulare Francicum 779 г., глава 22: «Si quis pro faida pretium recipere non vult, tunc ad nos sit transmissus, et nos eum dirigamus ubi damnum minime facere possit. Simili modo et qui pro faida pretium solvere noluerit, nec justitiam exinde facere, in tali loco eum mittere volumus, ut pro eodem majus damnum non crescat ([86]). Подобное встрѣчаемъ и въ другихъ капитуляріяхъ Карла Великаго, напр. Capitulare Aquisgranense, 802 г., гл. 17 ([87]) и Capitulare duplex in Theodonis villa promulgatum 805 г. II, 5. ([88]). Тоже повторяетъ и наслѣдникъ Карла, Людовикъ Благочестивый въ капитуляріи 817 г.: ст. 13 «De faidis cohercendis. Si quis aliqua necessitate cogente homicidium commisit, comes in cujus ministerio res perpetrata est et compositio-

([84]) Ibid. ст. 30, стр. 93.

([85]) Историческое изображеніе древн. судопроизводства въ Россіи Куницына, 96.

([86]) Pertz I, 39.

([87]) ibid. 95.

([88]) ibid. 133.

nem solvere, et faidam per sacramentum pacificari faciat. Quod si una pars ei ad hoc consentire noluerit, id est aut ille qui homicidium commisit, aut is qui compositionem suscipere debet, faciat illum qui ei contumax fuerit ad praesentiam nostram venire, ut eum ad tempus quod nobis placuerit in exilium mittamus, donec ibi castigetur ut comiti suo inoboediens esse ulterius non audeat et majus damnum inde non adcrescat ([89])».

При разсмотрѣніи законодательныхъ распоряженій объ уничтоженіи мести и обязательной замѣнѣ ея выкупомъ, раждается вопросъ: въ одно ли время такая замѣна стала обязательною для обѣихъ сторонъ, для имѣющаго права мстить, и для противной стороны, подлежавшей мести? Если мы примемъ, что эти ограниченія произвола обѣихъ сторонъ послѣдовали одновременно, то признаемъ въ предшествовавшемъ времени господство самосуда—узаконеніе его, на основаніи котораго обѣ стороны имѣли одинаковое право вести борьбу, не удовлетворяя ея предложеніемъ и принятіемъ выкупа. Большинство германскихъ авторитетовъ историко-юридической литературы не признаетъ въ этомъ отношеніи одинаковыхъ правъ за мстителемъ и его противникомъ; отрицаютъ право послѣдняго выбирать платежъ или месть; предполагаютъ обязанность его вносить выкупъ, если мститель согласенъ на него, вмѣсто лишенія мира и вытекающаго изъ него прямаго послѣдствія—права убить противника. Таковы мнѣнія Вильды, Эйхгорна, Вайтца, Вальтера, Кёстлина; представителемъ противоположнаго мнѣнія, обыкновевно опровергаемаго этими учеными, считается Рогге. Послѣдній говоритъ, что нарушившій миръ и призванный къ суду, долженъ былъ объяснить, хочетъ ли онъ платить законный выкупъ, или лучше желаетъ выдержать нападеніе мстителя. Между обоими видами удовлетворенія ему представлялся свободный выборъ, не оскорбляя его свободу, нельзя было принудить его къ выкупу, думаетъ Рогге. Такое положеніе Рогге основываетъ на слѣдующихъ словахъ саксонскаго закона (tit. II 65): «litus si per iussum vel consilium domini sui hominem occiderit, ut puta nobilem, dominus compositionem persolvat vel faidam portet». Рогге предусмотрѣлъ и возможность возраженія; «можетъ быть захотѣли бы, говоритъ онъ, дополняя эти слова закона слѣдующими: «prout placuerit proximo occisi», при-

---

([89]) Ibid. стр. 212.

пять, что при этомъ тотъ или другой исходъ основывался на выборѣ истца, но все противъ такого способа объясненія: въ этихъ словахъ закона только одинъ субъектъ dominus, къ которому относится этотъ выборъ; потомъ всякій законъ необходимо предполагаетъ искъ на судѣ, если же оскорбленный, вмѣсто жалобы, начинаетъ вражду (Fehde) противъ нарушителя мира, то тогда самое дѣло совершенно не зависѣло бы отъ судебнаго приговора». Потомъ Рогге приводитъ законъ Эдуарда Исповѣдника: «parentibus occisi fuit emendatio aut querra eorum portetur ([90])».

Главнымъ и лучшимъ противникомъ Рогге, какъ мы уже замѣтили на первыхъ страницахъ нашего изслѣдованія, былъ Вильда; онъ не согласенъ принять узаконенное право самосуда, по которому подлежавшій мести имѣетъ одинаковое право съ мстителемъ на выкупъ и на борьбу, онъ признаетъ такое право выбора только за мстителемъ. Положеніе свое Вильда подтверждаетъ уясненіемъ значенія самаго слова Fehde. Подъ словомъ Fehde (feida), говоритъ онъ, которое въ германскихъ юридическихъ источникахъ является правомъ для оскорбленнаго и угрозою для оскорбителя, разумѣется месть ([91]). Доказательства этому Вильда находитъ въ англосаксонскихъ и въ народныхъ германскихъ законахъ. Король Эдмундъ въ одномъ постановленіи, которое имѣетъ въ виду ограничить семейное участіе въ полученіи и платежѣ выкупа, говоритъ, что, если убійца въ продолженіе 12 мѣсяцевъ не заплатитъ выкупа, только онъ самъ выноситъ то, что̀ называется faehde; а если кто нибудь будетъ мстить кому нибудь изъ родственниковъ убійцы, кромѣ его самаго, тотъ объявляется лишеннымъ мира. ([92]) Faida въ законѣ Ротара (гл. 74) переводится словомъ inimicitia и при этомъ говорится, что оно оканчивается полученіемъ выкупа: «in omnibus istis plagis ac feritis superius descriptis, quae inter homines liberos eveniunt, ideo majorem compositionem posuimus, quam antiqui nostri, ut faida, quod est inimicitia, post compositionem acceptam posponatur, et amplius non requiratur, nec dolus teneatur: sed caussa sit finita, amicitia manente».

([90]) Рогге, стр. 22, 23,

([91]) Wilda 191, 192.

([92]) Schmid 95.

Цёпфль замѣчаетъ, что синонимоми faida часто являются ultio, duritia (93). Поэтому часто встрѣчающееся названіе «homo faidosus» въ собственномъ смыслѣ означаетъ того, который привлекъ на себя чью нибудь вражду какимъ нибудь незаконнымъ дѣйствіемъ и за это долженъ или вознаградить деньгами или подвергнуться мести; поэтому, какъ мы видѣли, законъ фризовъ говоритъ о мирѣ для такихъ лицъ (de pace faidosi), опредѣляя для этого извѣстное время и мѣсто. Законъ фризовъ въ одинаковомъ смыслѣ употребляетъ выраженія: «sed tantum ut superius faidosus permaneat» (tit. II, c. 7) и «sed tantum ut superius, inimicitias propinquorum occisi patiatur» (tit. II, 8)—то и другое состояніе продолжается для убійцы, пока онъ не убѣжитъ, не докажетъ своей невинности законною присягою или не заплатитъ выкупа.

Вайтцъ, также оспаривая Рогге, говоритъ, что подъ faida не разумѣется борьбы двухъ сторонъ, и повторяетъ объясненія Вильды о «faida» и «homo faidosus» (94) Вальтеръ инищіативу къ выкупу или къ мести приписываетъ только оскорбленному, который, по его мнѣнію, могъ отказаться отъ мести и требовать чрезъ судъ законнаго денежнаго вознагражденія; по этому, говоритъ онъ, о виноватомъ законъ выражается, что онъ «compositionem persolvat vel faidam portet» L. Sax. II, 5. (95).

Подобно германскому Faida месть называется у славянъ «вражда» («wrożba»), а въ латинскомъ переводѣ «vindicta»; такъ въ Варшавскомъ Статутѣ 1421 г.: «ex tunc reus a solutione capitis et a vindicta sanguinis, vulgariter wrożba absolvatur (96)». Въ Винодольскомъ законѣ и плата за убійство называется «вражба», здѣсь (ст. 29) говорится по поводу убійства княжескихъ слугъ «да кнез вазме вражбу, то є заговор вьрнези (97)».

При такомъ пониманіи отношеній между убійцею и родственниками убитаго, при такомъ значеніи «faida», становится понятнымъ, почему призываемый на судъ, за неявку къ

(93) Deutsche Rechtsgeschichte, 524. прим. 10.
(94) Deutsche Verfassungsgeschichte I, 196 прим. 3.
(95) Deutsche Rechtsgeschichte II, стр. 372.
(96) «О платѣ за убійство» Иванишева стр. 69, пр. 4.
(97) Чтенія Моск. общ. ист. и древ. 1846 г., № 4, стр. 15.

суду и медленность въ платежѣ выкупа, лишался мира, становился extra sermonem regis; а если принять вмѣстѣ съ Рогге, что убійца имѣлъ право выбора платить выкупъ или ждать мести, то лишеніе мира, въ случаѣ его рѣшимости на второе, было бы непонятнымъ. Такъ Саксе, принявшій въ смыслѣ Рогге выраженія уже приведенныхъ мѣстъ изъ закона фризовъ и Эдуарда Исповѣдника, впадаетъ въ подобное противорѣчіе. «Однако, говоритъ онъ, если виноватый имѣлъ свободный выборъ взяться за оружіе или платить выкупъ, то съ этимъ было бы въ совершенномъ противорѣчіи наказаніе ему за то, что онъ не являлся на судебное приглашеніе, вслѣдствіе поданнаго на него иска объ удовлетвореніи выкупомъ. Отъ выбора оскорбителя, продолжаетъ Саксе, по крайней мѣрѣ, по закону, ничего не зависѣло (98)».

Вотъ салическій законъ о наказаніи за неявку къ суду и не удовлетвореніе истца: «si quis ad mallum venire contempserit aut quod ei a rachineburgiis iudicatum fuerit adimplere distulerit, si nec de conpositione nec de hineo nec de ulla legem fidem facere voluerit, tunc ad regis praesentia ipso mannire debet... et ille qui admallatur ad nullum placitum venire voluerit, tunc rex ad quem mannitus est, eum extra sermonem suum ponat (99)».

Тоже повторяется въ капитуляріяхъ, изданныхъ въ 550 году Хильдебертомъ въ дополненіе салическаго закона: «et ille qui per eum admallatur ad nullum placitum venire voluerit, et per legem se non eduxerit, tunc rex ad quem mannitus est, eum extra sermonem suum ponat» (100).

Такимъ образомъ у германцевъ первыми Карловингами месть родственниковъ убитаго обращается въ право ихъ требовать судомъ денежный выкупъ.

VII. У славянъ также первоначально господствовалъ произволъ мстителя взять выкупъ за убійство, или осуществить месть; подобное право предоставляется мстителю даже въ XV ст., въ мазовецкомъ правѣ, именно въ Статутѣ Болеслава 1453 г., вмѣстѣ съ опредѣленіемъ количества платы родственникамъ за убитаго шляхтича, предоставляется род-

(98) Historische Grundlagen des deutschen Staats—und Rechts—Lebens, стр. 320.

(99) Салич. законъ, по изд. Вайтца, стр. 263, 264.

(100) Pertz II, 8.

ственникамъ убитаго отказаться отъ платы и убить преступника ([101]). Но постепенно этотъ произволъ мстителя былъ ограниченъ въ славянскихъ законодательствахъ установленіями, подобными установленіямъ первыхъ Карловинговъ; осуществленіе мести запрещено, вмѣсто нея введенъ денежный выкупъ. У русскихъ это сдѣлали сыновья Ярослава, какъ свидѣтельствуетъ Русская Правда: «по Ярославѣ же, совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кіянинъ, Чюдинъ, Микула и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати». О запрещеніи мести у чеховъ свидѣтельствуетъ около 1400 г. Андрей съ Дубы въ своемъ толкованіи на чешское право (Wýklad na práwa zemé České); месть, какъ говоритъ онъ, запрещалась подъ страхомъ лишенія чести и довѣрія, изгнанія изъ земли, наравнѣ съ преступниками, и лишенія всего имущества ([102]). Но не скоро законодательство могло уничтожить привычку мстить, «ale po hřiechu již mnozi práwa nechawše, jinak swú wóli wedú», прибавляетъ панъ Андрей. Какъ долго и упорно отстаивали древнее право мести, лучше всего видно изъ исторіи уничтоженія его у черногорцевъ. Месть существовала тамъ до конца XVIII столѣтія, только въ 1796 г. народное собраніе постановило законы противу кровавой мести; запрещеніе мести вошло и въ Судебникъ черногорскій, изданный въ 1798 году, гдѣ говорится: «да се не чини бой и самовольна освета». Но и послѣ этихъ запрещеній месть долго продолжалась; владыка черногорскій Петръ I умеръ въ 1830 г., не задолго передъ смертью онъ собралъ народъ въ Цетинѣ и увѣщавалъ оставить месть; въ своемъ завѣщаніи онъ просилъ народъ, чтобы дали ему обѣщаніе, при его мертвомъ тѣлѣ, прекратить всѣ ссоры и не мстить другъ другу до Юрьева дня. Народъ послушался увѣщанія любимаго владыки, далъ слово и свято сдержалъ его; но лишь только прошелъ срокъ, кровавая месть загорѣлась сильнѣе прежняго. Наслѣдникъ Петра I, Петръ II, собралъ народъ и объявилъ, что законъ о прекращеніи мести и устройствѣ судовъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе. Большая часть согласилась, но одна нахія взбунтовалась, должно было прибѣгнуть къ военной силѣ. Безпрерывно при-

([101]) «О платѣ за убійство» Иванишева, стр. 69.
([102]) Archiv Český II, 488.

сылали къ владыкѣ просить, чтобы онъ прекратилъ войну и не вводилъ закона объ уничтоженіи мести. Самая высокая степень просьбы въ Черногоріи состоитъ въ томъ, что черногорцы посылаютъ просить женъ съ грудными дѣтьми. Но эта просьба не поколебала владыку. «Не противъ владыки возставалъ народъ, замѣчаетъ ученый путешественникъ въ Черногорію, разсказывающій объ этомъ, г. Поповъ, это не была война за частныя выгоды, но вражда началъ—родоваго и общественнаго. Наконецъ эта борьба прекратилась». Г. Поповъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе о значеніи единственнаго наказанія у черногорцевъ за всякое умышленное преступленіе—растрѣливаніе. Для этого собираютъ какъ можно болѣе черногорцевъ изъ всѣхъ нахій и всѣ стрѣляютъ въ преступника. Это устроено для того, говоритъ г. Поповъ, что иначе народъ, не отвыкшій еще отъ мести, считалъ бы себя въ правѣ мстить тому, кто стрѣляетъ въ преступника. Тутъ и наказываетъ и исполняетъ наказаніе не кто либо отдѣльно, но весь народъ и потому сама собою прекращается возможность мести (103).

Вукъ Караджичъ въ сербскомъ словарѣ говоритъ, что родовая месть господствуетъ до сихъ поръ у сербовъ. «Турки, замѣчаетъ онъ, слабо преслѣдуютъ убійцу, поэтому онъ часто убѣгаетъ въ другую нахію, пока люди не заплатятъ крвнину (плата за убійство), потомъ убійца возвращается назадъ, и никто ему ничего не дѣлаетъ, кромѣ тѣхъ, у кого онъ убилъ родича, съ ними онъ долженъ примириться (104)» Рейцъ говоритъ, что въ средніе вѣка месть у далматскихъ славянъ, вѣроятно, была гораздо сильнѣе, нежели какъ видимъ изъ статутовъ, потому что еще нынѣ право мести ближнихъ довольно употребительно во внутренней Далмаціи (105).

VIII. Послѣ полученія выкупа, съ помощію суда, между противными сторонами устанавливался вѣчный миръ, какъ при окончаніи вражды порядкомъ внѣсудебнымъ; также выдавалась по этому случаю грамота (epistola securitatis). Объ этомъ свидѣтельствуютъ формулы Маркульфа (Appendix, 23, 51), а также и собранныя Бигноніемъ; вотъ одна изъ послѣд-

(103) «Путешествіе въ Черногорію», 132, 134—136, 144, 146, 286.

(104) Српски Рјечник, 338.

(105) Сбор. историч. и статист. свѣд. Д. В., 124.

нихъ (notitia de homicidia): «dum et per plures homines ponitur notitia qualiter veniens homo aliquis nomine ille in contubernio, hominem aliquem nominem illum ipsum ibidem adsallisset, et ipsum ibidem interfecisset vel occidisset; sed venientes parentes et amici ipsius hominis interfecti ante inlustrem virum illum Comitem, interpellabant ipsum hominem qui eorum parentem in contubernio adsallisset vel interfecisset; sed ipse ille in praesenti adstare videbatur, et hanc causam nullatenus potuit denegare, sed taliter fuit professus quod instigante inimico ipsum hominem interfecisset vel occidisset. Tunc taliter ei judicaverunt, ut ipsam leudem vel ipsum homicidium ad ipsos parentes legibus transsolvere deberet. Quod ita et fecit. Sed postea in ipso placito ei fuit judicatum ut ipsi parentes talem epistolam securitatis manu eorum vel bonorum hominum firmatam ei fieri vel conscribere deberent, quod ita et fecerunt, ut post hunc diem nec ipsi illi, nec ullus in causa ipsorum, nec ulla opposita persona de praefata morte illius quondam, nec de ipso homicidio, nec de ipsa leude nullam reclamationem nec nullum impedimentum pontificium non habeant ad faciendum. Qui hoc facere voluerit, ipsos solidos per manus reddat, et ob hoc solidos tantos una cum fisco discutientibus multae componat, et qui repetit nihil evindicet» ([106]).

IX Въ заключеніе разбора порядка примиренія враждебныхъ сторонъ послѣ убійства, замѣтимъ, что иногда въ средніе вѣка родственники убитаго довольствовались, вмѣсто денежнаго вознагражденія, возложеніемъ на убійцъ религіозныхъ обязанностей, напр.: путешествія ко святымъ мѣстамъ, постановленія вѣчной лампады въ какой нибудь церкви, креста на то мѣсто, гдѣ совершено убійство и т. под. Примѣръ этого Вальтеръ приводитъ изъ одного документа 1406 года: «aller nemlich sal wissen, das Peter Ruch, Fryderich Galle, Clese Ruch, Dyle Gotschalk quamen vor schultheis und gericht zu Eltvil, und hant verjehen und bekant Heyntzen Gudegersten und Hennen syme bruder und iren geswysterden soliche rachtunge und besserunge, als berett und gemacht ist wurden, als von Peter Ruchis wegen, des vorg. Clesen Ruchis bruder, als von eyns dots lags wegen, den derselbe Peter gedan hat an Contzichin, der vorg. Heintzen Gudegersten und Hennen vader seligen. Zum ersten so ist geredt, das Pe-

([106]) Corpus juris germanici antiqui, III, 402, 403.

ter Ruch oder keyner sinre bruder nommer keyn far an den heübt gehaben noch gewynnen ensullen in feren wyse. Anderwerbe so ist beredt, daz der vorgen. Peter Ruch sal dun eyne romerfart geyn Rome in dye stad; darnach so sol er eyn fard dungeyn Ache, und eyn fard geyn Tryre, und eyne fard zum heiligen blude, und ist auch geredt, das der vorgen. Peter die vorgeschr. feste und genge sal dun mit syn selbis libe; mit namen in anderhalben jare. Darnach ist beredt, daz Peter vorgen. sal bestellen eyn ewyg gebuchte in die parre zu Osterich, das da dag und nacht stedelichen borne, und sal auch daz lyecht sicher und wol bestalt werden. Anderwerbe ist beredt, daz der vorg. Peter sal dun machen und bestellen ein steinen crutze uff die stad, da der todslag geschen ist» etc ([107]).

У славянъ, напр. у моравовъ, покора, какъ свидѣтельствуетъ Цтиборъ изъ Товачава, соединялась также съ религіозною обязанностью заплатить 50-ти пасторамъ, чтобы они молились о душѣ убитаго ([108]).

X. Обращаясь къ разсмотрѣнію самаго порядка участія родственниковъ въ уплатѣ и полученіи денежнаго выкупа, замѣтимъ значеніе этого выкупа, во первыхъ по самому названію его у германцевъ и славянъ—это была плата за убійство мужа, за голову. Денежное вознагражденіе за убійство у германцевъ называется Wergeld. «Werigelt», говоритъ Гриммъ, compositio homicidii, грамматически точно будетъ Wërigëlt, но не Wehrgeld, что̀ бы указывало на wehren, prohibere, защищать; должно быть ё, потому что въ самыхъ древнихъ памятникахъ никогда не встрѣчается wari, но не рѣдко писалось wiri, напр. wirigelt, wirgelt. Это была цѣна убитаго мужа, но слово wër (homo, vir) рано потерялось въ старинномъ верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи». Одинаковаго значенія съ wergeld, въ его первоначальномъ смыслѣ, было и не менѣе древнее слово leudus, leudis (Салич. законъ XXXVIII, 7—«ut ipse leudem non solvat»). Leudis происходитъ отъ leud (populus, также и homo, civis, comes) ([109]).

У славянъ плата за убійство называлась голова, головщина, головничество, головныя деньги. Простѣйшая форма «голова», «за голову» встрѣчается въ Русской Правдѣ: «аще

([107]) Deutsche Rechtsgeschichte v. Walter II. стр. 374, прим. 13.

([108]) «О платѣ за убійство», Иванишева, 54.

([109]) Deutsche Rechtsalterthümer 650—652.

не будетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову»; въ Вислицкомъ статутѣ: «хто кому матерь забьетъ, про то што ему?... голова матери заплатить» ([110]); въ Первомъ Литовскомъ Статутѣ (разд. VII, артик. 3): «тежъ естли бы тотъ квалтовникъ убившы кого втекъ зъ земли проч, тогды зыменья его мает плачона быти убитого голова». «Головничество» въ Русской Правдѣ—«но сплати имъ (верви) вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику»; въ позднѣйшихъ русскихъ памятникахъ и въ Литовскомъ Статутѣ (I, разд. VII, арт. 1) плата за убійство называется «головщиною». У древнихъ чеховъ вознагражденіе за убійство называлось hlavní peníze, přihlavní dobytek, přihlavní dluh ([111]). У сербовъ названіе этого вознагражденія происходитъ отъ другаго корня. Вукъ Стафановичъ «крвавина» переводитъ das Blutgeld, pretium sanguinis и указываетъ на порядокъ этого платежа, существующаго тамъ понынѣ ([112]).

Платежъ денежнаго вознагражденія былъ для убійцы умиротвореніемъ, замѣною наказанія, отклоненіемъ лишенія мира; принятіемъ его отказывались отъ родовой мести, поэтому это было также благодѣяніемъ и для всѣхъ невинныхъ родичей убійцы, которымъ нѣкогда угрожала опасность мести. Такимъ образомъ при этомъ были заинтересованы оба рода, поэтому одинъ долженъ былъ принимать участіе въ платежѣ, другой въ полученіи денежнаго вознагражденія: германскій Wergeld отличался отъ всякаго другаго вознагражденія тѣмъ, что упадалъ на невинныхъ. Такое значеніе Wergeld'а признаютъ сами законы, такъ напр. въ древнемъ законѣ Фіоніи сказано: «ни при какомъ преступленіи, въ которое кто нибудь впадетъ, не обязаны родственники платить вмѣстѣ съ преступникомъ, исключая убійства», и въ ютландскомъ: «ни при какомъ преступленіи, которое кто нибудь совершилъ, не получаетъ помощи отъ родственниковъ, исключая только убійства ([113])». Въ платежѣ Wergeld'а участвовали родственники убійцы не для того только, чтобы своею помощію убійцѣ

([110]) Статья 60. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, I, стр. 10.

([111]) Иречекъ II, 253.

([112]) Српски Рјечник, 338.

([113]) Wilda, 370.

обезпечить вознагражденіе, принадлежащее родственникамъ убитаго, но для собственной пользы, чтобы отстранить послѣдствія мести, поэтому платили, не обращая вниманія на судьбу, постигшую убійцу, платили и тогда, когда не было никакого договора между убійцею и мстителями, когда надъ убійцею совершилась уже месть, когда онъ умеръ, или успѣлъ бѣжать; такъ напр. законъ ост-готландскій говоритъ: «если убьетъ одинъ другаго, придетъ наслѣдникъ убитаго, нападетъ на убійцу и поразитъ его къ ногамъ убитаго, то пускай умретъ одинъ за другаго; наслѣдникъ перваго убійцы платитъ королю и общинѣ (Friedensgeld), а родъ его родовую пеню» (Rachebusse) ([114]). Ютландскій законъ: «если убійца убѣжитъ или умретъ, то его ближайшіе родственники должны платить двѣ части пени, если же онъ остается въ той же землѣ, не дѣлая удовлетворенія, то родичи его должны также платить двѣ части пени ([115])». Иногда для отстраненія родовой мести въ платежѣ Wergeld'а, какъ мы уже видѣли, принимали участіе даже посторонніе люди и цѣлая община. Первоначально участіе въ платежѣ Wergeld'а было для родичей обязательно. Если дѣло оканчивалось договоромъ между убійцею и мстителемъ, то первый могъ силою принудить своихъ родственниковъ помогать себѣ. По ютландскимъ законамъ за исправный платежъ отвѣчалъ передъ мстителемъ убійца, если онъ не могъ собрать отъ своихъ родственниковъ полнаго Wergeld'а; а по зеeландскимъ законамъ, мститель могъ подвергнуть лишенію мира, въ случаѣ неисправности платежа, не только убійцу, но и родственниковъ его, трехъ съ отцовской и трехъ съ материнской стороны ([116]).

Эту обязанность Вильда замѣчаетъ и въ законахъ англосаксонскихъ, по которымъ родственники убійцы за отказъ или медленность въ платежѣ пени, подвергались мести, хотя и въ формѣ публичнаго исполненія надъ ними наказанія. Такимъ образомъ законы, желая противодѣйствовать грубой силѣ, которая прежде проявлялась при исполненіи мести и поражала невинныхъ, даютъ ей въ нѣкоторой степени видъ законности. Это видно, говоритъ Вильда, изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ англосаксонскихъ законовъ, въ которыхъ опредѣляет-

([114]) Ibid, 381.
([115]) Ibid, 381, 382.
([116]) Ibid, 382.

ся, что извѣстныя лица должны вести съ убійцею вражду, или примириться съ помощію денежнаго вознагражденія ([117]). Подобное мѣсто изъ законовъ Эдуарда Исповѣдника «родственникамъ должно дать вознагражденіе или вести съ ними вражду», повело, говоритъ Кембль, къ пословицѣ biege spere of side oder bere (выкупи копье или выдержи его) ([118]). Но подобныя мѣста англосаксонскихъ законовъ нельзя принимать, какъ мы уже говорили, за законное признаніе права самосуда, въ смыслѣ права призываемой къ выкупу стороны приготовиться къ борьбѣ съ мстителемъ, напротивъ это были постановленія, которыя составляли переходъ къ болѣе крѣпкому утвержденію законности.

Въ Фрисландіи и въ позднѣйшее время считали обязанностію родственниковъ «не оставлять собственной своей крови» и помогать родственнику въ платежѣ пени, чтобы онъ могъ избѣжать лишенія мира, какъ говорятъ объ этомъ фрисландскіе народные приговоры (Volksküren) ([119]).

И такъ народное сознаніе о необходимости помогать родственникамъ въ выкупахъ отъ мести продолжалось еще и въ то время, когда, какъ увидимъ, во многихъ законодательныхъ памятникахъ такая обязательная помощь была уничтожена.

Когда для родственниковъ убійцы считалось обязанностію платить роду убитаго деньги умиротворенія, справедливость побуждала не налагать тяжести платежа всего Wergeld'а на невинныхъ родственниковъ, поэтому онъ распадался на двѣ части, которыя въ древнѣйшихъ памятникахъ носятъ особенныя названія: это была родовая пеня и пеня наслѣдниковъ (Geschlechtsbusse или Rachebusse и Erbenbusse, какъ называетъ ихъ Вильда); послѣдняя принадлежала ближайшему наслѣднику убитаго и платилась самимъ убійцею, или его ближайшими родственниками. Полная вира платилась тогда, когда въ ней участвовалъ самъ убійца, а иначе только родовая. Какъ, спрашивается, раздѣлялся этотъ платежъ между родственниками? Такъ какъ умиротвореніе родовъ было главною цѣлью законодательства при опредѣленіи Wergeld'а, то оно

(117) Ibid, 387.
(118) Sachsen in England I, 223.
(119) Wilda, 395.

предписывало всѣмъ родичамъ, которые подлежали мести, участвовать въ этомъ платежѣ, а для всѣхъ имѣвшихъ право мести, опредѣляло долю въ полученіи ея. Женщины были исключаемы, потому что месть противъ нихъ была несогласна съ образомъ мыслей древнихъ германцевъ; женщины за себя не боялись; потомъ онѣ не могли сами мстить за своего убитаго родственника, а также не могли содѣйствовать лишенію мира или какому нибудь другому наказанію убійцы, потому что не принимали никакого участія въ судебныхъ собраніяхъ и въ судебныхъ дѣйствіяхъ. Объ исключеніи изъ выкуповъ на этомъ основаніи женщинъ прямо говоритъ законъ Ліутпранда гл. 13: «quia filiae ejus, eo quod femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare. Ideo prospeximus, ut ipsam compositionem non recipiant, nisi ut supra diximus, praefati propinqui parentes: et si propinqui non fuerint tunc medietatem de ipsa compositione suscipiant filiae ejus, si una, aut plures fuerint, et medietatem Curtis Regia». Впрочемъ изъ этого правила, какъ мы видѣли, были исключенія, особенно въ самое древнее время, о которомъ разсказываютъ саги. Объ участіи женщинъ въ платежѣ и полученіи выкупа распространяется и законъ Гулатинга, а также въ особенныхъ случаяхъ, именно по поводу parricidium (убійство родственниковъ) и законъ фризовъ; объ этихъ законахъ мы будемъ говорить ниже. Общимъ правиломъ при платежѣ и полученіи Wergeld'а было то, что большее или меньшее участіе въ томъ и другомъ опредѣляется близостію родства съ убійцею или убитымъ.

XI. Особенными подробностями о распредѣленіи денежныхъ выкуповъ отличается Grágás, который говоритъ объ этомъ въ главѣ подъ заглавіемъ Baugatal, отъ baugr—кольцо, кругъ (annulus) и tal—число, по объясненію Шлегеля, который переводитъ это заглавіе: «recensus annulorum (multaticiorum)». Законныхъ частей (колецъ, круговъ), говоритъ Grágás, четыре—первая въ 3 марки, вторая въ 20 унцій, третья въ двѣ марки, четвертая въ 12 унцій. Сверхъ того къ 1-му кольцу присоединяется еще 6 унцій, подъ названіемъ annulinstratums и 48 оболовъ; ко 2-му полмарки и 32 обола и т. д. ([120]).

([120]) Grágás II, 171, 172.

Трое платятъ и получаютъ первое кольцо—отецъ, сынъ и братъ. Второе выплачиваютъ и получаютъ—дѣдъ по отцу (avus paternus) и внукъ отъ сына (nepos ex filio), дѣдъ по матери (avus maternus) и внукъ отъ дочери (nepos ex filia). Третье кольцо платятъ и получаютъ также четверо: дядя по отцу (patruus, стрый) и племянникъ по брату (fratruelis, братаничъ), дядя по матери (avunculus, уецъ) и племянникъ по сестрѣ (consobrinus, systorsonr, сестричицъ). Четвертое кольцо получаютъ и платятъ: двоюродные братья, именно: сыновья дядей съ отцовской стороны (filii patruorum), сыновья отцовскихъ сестеръ (amitini) и сестеръ матери (matertcrarum filii ([121]).

За этими четырьмя кольцами слѣдовали еще 6 платежей, постепенно уменьшающихся отъ одной марки до одной унціи; они распредѣлялись въ дальнѣйшемъ родствѣ до пятой линіи боковаго родства включительно ([122]). Если было много участниковъ убійства, то истецъ могъ выбрать изъ нихъ, кого хотѣлъ; родственники послѣдняго должны были платить выкупъ. Если истецъ никого не указывалъ, то платежъ назначался по суду ([123]). Сколько бы ни было, продолжаетъ Grágás, платящихъ и получающихъ, всѣ кольца должны быть выплачены и притомъ такъ, чтобы никто не платилъ болѣе того, сколько другой въ подобномъ случаѣ долженъ получить. Первое кольцо получалъ отецъ, сынъ и братъ убитаго отъ отца, сына и брата убійцы; каждый въ этомъ кольцѣ получалъ по одной маркѣ, по 2 унціи и 16 оболовъ; по стольку же долженъ взнести и каждый плательщикъ, если всѣ эти лица находились на той и другой сторонѣ. Если убитый оставлялъ одного сына и нѣсколькихъ братьевъ, то всѣ братья получали только одну марку; также бывало, если оставалось нѣсколько сыновей и одинъ братъ, тогда всѣ сыновья вмѣстѣ получали одну марку. Подобнымъ образомъ раздѣляютъ между собою плату и родственники убійцы, хотя бы между ними братьевъ было не столько, сколько сыновей. Если послѣ убитаго остались братъ единокровный (frater ex patre) и братъ единоутробный (frater ex matre), то послѣдній получалъ двѣ части марки, а первый три части и сверхъ того

([121]) Ibid. 172.
([122]) Ibid. 172. 173.
([123]) Ibid. 173.

весь аннулинстратъ и оболы. Когда нѣтъ сына, отецъ получалъ двѣ части кольца, если же нѣтъ отца, то столько же получалъ сынъ. Если въ первомъ кольцѣ былъ только одинъ получатель, то онъ одинъ пользовался цѣлымъ кольцомъ съ прибавками, аннулинстратомъ и оболами. Но если у убитаго не будетъ въ живыхъ ни отца, ни сына, а останутся только братья единокровные (fratres ex patre) и единоутробные (uterini), то послѣдніе получаютъ двѣ части перваго кольца, а первые три части и всѣ прибавленія. При совмѣстничествѣ отца или сына съ единоутробнымъ братомъ, послѣдній получалъ изъ кольца часть, которая принадлежала бы единокровному брату, если бы онъ былъ одинъ при отцѣ или сынѣ. При совмѣстничествѣ съ единоутробнымъ братомъ отца и сына вмѣстѣ, первый получалъ $5\frac{1}{2}$ унцій (безъ одного пфенинга—penningi), изъ аннулинстрата одну унцію и 8 оболовъ. Если изъ родственниковъ, принадлежащихъ къ первому кольцу, оставался только единоутробный братъ, онъ получалъ все кольцо съ аннулинстратомъ, но безъ прибавочныхъ оболовъ. Если будетъ не доставать обязанныхъ участвовать въ платежѣ перваго кольца, тогда на столько теряютъ получатели, на сколько имъ принадлежало взять по закону ([124]).

Съ такою же подробностью и точностью Grágás распредѣляетъ платежъ и по другимъ кольцамъ. При этомъ должно замѣтить, что всѣ эти платежи принадлежали только родственникамъ мужескаго пола, изъ родственницъ только дочь, если она останется одна, платитъ и получаетъ кольца.

Наконецъ еще 5 особъ принимали участіе въ полученіи денежнаго вознагражденія—сынъ, рожденный отъ рабыни или незаконный сынъ, пасынокъ и трое изъ свойственниковъ: мужья—матери (вотчимъ), сестры и дочери убитаго (зятья). Они получаютъ отъ соотвѣтствующихъ лицъ въ другомъ родѣ, будутъ ли на лицо всѣ, или только одинъ изъ нихъ,—12 унцій и 5 пфенинговъ и дѣлятъ между собою этотъ взносъ по равнымъ частямъ. Если въ противной сторонѣ не будетъ такихъ лицъ, то не бываетъ и этого платежа ([125]).

Древне-норвежскіе законы Гулатинга представляютъ также подробности объ участіи различныхъ родственниковъ въ платежѣ и полученіи Wergeld'а. Они тѣмъ отличаются отъ

([124]) Ibid. 174, 175.
([125]) Ibid. 183.

Grágás, что указываютъ не только на родовую пеню, какъ Grágás, но на цѣлый Wergeld. Гулатингъ установляетъ, что убійца долженъ платить главную пеню сыну убитаго и сверхъ того два платежа за миръ (Trygva Kaup)—одинъ брату, другой—сыну брата убитаго; братъ убійцы платитъ братскую пеню (Broder Baugr) брату убитаго и два платежа за миръ—сыну убитаго и сыну его брата. По Гулатингу весь родъ распадается на два разряда: къ первому принадлежатъ ближайшіе родственники, имѣющіе преимущественное право на денежное вознагражденіе и называемые поэтому Bauggildis men, и вмѣстѣ съ ними принимающіе участіе въ вознагражденіи Upnama men; къ послѣднему принадлежатъ отдаленные родственники, свойственники, единоутробные и рожденные не въ законномъ бракѣ, отъ рабыни. Законы Гулатинга замѣчательны тѣмъ, что они болѣе другихъ говорятъ объ участіи женщинъ въ платежѣ и полученіи Wergeld'а; они напр. постановляютъ, что самъ убійца и его мать, дочь и жена представляютъ извѣстное вознагражденіе женѣ и сестрѣ убитаго, а сестра убійцы платитъ сестрѣ убитаго, его женѣ, дочери и матери ([126]).

Въ новѣйшемъ прибавленіи къ законамъ Гулатинга должно замѣтить раздѣленіе родственниковъ на два разряда по мечу и веретену, изъ которыхъ первые называются—Bauggildi; а вторые Nefgildi ([127]). Подобное раздѣленіе родственниковъ мы увидимъ и у славянскихъ народовъ. О древнихъ шведскихъ и датскихъ законахъ Вильда замѣчаетъ, что они не представляютъ такихъ подробностей, а часто и такой запутанности въ опредѣленіи порядка платежа и полученія Wergeld'а, какъ древне-норвежскіе законы и Grágás; они довольствуются только представленіемъ самыхъ общихъ нормъ, напр. восточно-готландскій законникъ говоритъ: «родъ убійцы долженъ платить выкупъ за месть, двѣ трети котораго должны платить родственники съ отцовской стороны и одну треть родственники съ материнской; если будетъ братъ, рожденный отъ законной жены (отца) или отъ наложницы, онъ получаетъ и платитъ половину всего, потомъ ближайшіе родствен-

---

([126]) Wilda, 375—377.

([127]) Ibid. 377.

ники до седьмой степени другую половину. Выкупъ получается въ томъ же порядкѣ, какъ и платится.» ([128]).

Общими началами ограничивается и англосаксонское право, которое въ хронологическомъ порядкѣ представляетъ объ этомъ слѣдующія постановленія:

Законъ Этельберта ст. 23: «если убійца убѣжитъ, родственники должны платить половину выкупа» (leod) ([129]).

Законъ Ини гл. 23: «если кто нибудь убьетъ иностранца, то король получаетъ двѣ части выкупа (Weres), а третью часть сынъ или родственники. Если у него не будетъ родныхъ, то король и графъ (gesid) по поламъ ([130])». Gesid переводитъ Кембль графъ ([131]), а Вильда ([132]) считаетъ его синонимомъ gegyldan; о значеніи послѣдняго слова мы будемъ говорить.

Законъ Эльфреда, гл. 27: «если кто нибудь, не имѣя родныхъ съ отцовской стороны, убьетъ кого нибудь, и если у него будутъ родственники съ материнской стороны, тогда послѣдніе платятъ одну треть выкупа (weres), также одну треть его товарищи (gegyldan), наконецъ за треть (третью) убійца убѣгаетъ. Если у него нѣтъ родственниковъ съ материнской стороны, то товарищи (gegyldan) должны платить половину и за половину (другую) онъ убѣгаетъ. Если убьютъ такого человѣка, у котораго нѣтъ родныхъ, одна половина королю, другая товарищамъ (gegyldan) ([133]).

Кто такіе эти gegyldan, которые замѣняютъ родныхъ? спрашиваетъ Вильда. Что это не были поручители за кого нибудь въ платежѣ цѣлаго выкупа, это видно изъ того, что они обязываются только къ уплатѣ половины, безъ отношенія къ тому, былъ самъ убійца состоятеленъ или нѣтъ. Можно считать ихъ за членовъ гильдій или свободныхъ товариществъ для взаимной помощи и защиты, подобно прежнимъ семейнымъ союзамъ; но члены гильдіи, продолжаетъ Вильда, обязывались къ платежу Wergeld'а гильдейскими учрежденіями,

---

([128]) Ibid. 378, 379.

([129]) Schmid, стр. 2.

([130]) Ibid. 19.

([131]) Die Sachsen in England. I, 213.

([132]) Wilda 389, прим. 2.

([133]) Schmid. 48.

а не народными законами. Gegyldan можетъ имѣть широкое значеніе; подъ ними, можетъ быть, разумѣются и отдаленные родственники, которые иначе не участвовали въ платежѣ Wergeld'а ([134]). Надъ значеніемъ этого слова останавливается и Кембль. Онъ справедливо замѣчаетъ, что законъ, который говоритъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, какъ приведенный законъ Эльфреда, не можетъ относиться къ особенному и исключительному случаю; онъ имѣетъ въ виду не случайное существованіе gegyldan, но предполагаетъ, что каждый человѣкъ ихъ имѣетъ. Поэтому нельзя считать ихъ произвольнымъ соединеніемъ для какой нибудь религіозной или нравственной цѣли, напр. для погребенія; извѣстно, что такіе союзы бывали не рѣдко, напр. у венгерцевъ подобные союзы назывались календарными братствами (Kalendärbruderschaften), потому что они собирались въ первый день каждаго мѣсяца. Кембль подъ gegyldan разумѣетъ принадлежащихъ къ одной территоріальной общинѣ, десятку или сотнѣ, которые обязывались платить другъ за друга ([135]); но въ другомъ мѣстѣ Кембль признаетъ ихъ за родственниковъ, на основаніи закона Ини, гдѣ слова gegyldan и mágas (родственники) замѣняются одно другимъ. Это тотъ законъ, который мы уже приводили выше и который говоритъ о необходимости по закону заявлять объ убійствѣ: «если будутъ требовать выкупъ за убитаго, убійца можетъ удостовѣрить, что онъ убилъ его какъ вора, а не товарищи (gegyldan) убитаго или его господинъ (подразумѣвается: доказываютъ противное). Если онъ скрылъ убійство, и впослѣдствіи оно будетъ открыто, этимъ онъ открываетъ мертвому путь къ присягѣ, такъ какъ его родные (magas) могутъ очистить его отъ обвиненія ([136])». Основываясь на этомъ, говоритъ Кембль, можно принять, что первоначально гильдія и семейство были одно и тоже, только позднѣе гильдіи устроивались иначе, когда родичи стали жить далеко другъ отъ друга ([137]). Филипсъ говоритъ также, что gegyldan назывались первоначально родичи, потомъ члены одной общины, потому что община развилась изъ рода ([138]).

([134]) Wilda 388, 389.

([135]) Die Sachsen in England I, 195, 196.

([136]) Schmid, 18.

([137]) Die Sachsen in England, I, 213 примѣч. 1.

([138]) Deutsche Reichs und Rechtsgeschichte стр. 105, прим. 1.

Дюбуа gegyldan переводитъ «les cojouissants de communauté ([139])».

Германскіе народные законы представляютъ только отрывочныя свидѣтельства объ участіи родичей въ платежѣ и полученіи выкуповъ; сравнительно болѣе ясное свидѣтельство объ этомъ встрѣчается въ законѣ салическомъ: (ex editione Lindenbrogii, гл. 65) «si alicujus pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant, et aliam medietatem parentes, qui proximiores fuerint, tam de paterna, quam de materna generatione dividant. Quod si de una parte vel paterna vel materna nullus proximus fuerit, portio illa ad fiscum perveniat vel cui fiscus concesserit». Здѣсь говорится только о полученіи Wergeld'а, потому что право получать вознагражденіе существовало долѣе, чѣмъ обязанность его платить; при этомъ можно предполагать, что по какимъ правиламъ Wergeld раздѣлялся въ одномъ родѣ, по такимъ же онъ прежде собирался въ другомъ. Такимъ образомъ видно, что Wergeld распадался на двѣ половины, изъ которыхъ вторая, составляющая родовую пеню (Geschlechtsbusse), въ противоположность пени наслѣдниковъ (Erbenbusse) распредѣлялась между родственниками съ отцовской и материнской стороны.

Болѣе подробностей распредѣленія выкупа по закону салическому представляется въ капитуляріи Хильдеберта, изданномъ въ дополненіе салическаго закона: cap. 3 «si quis hominem ingenuum occiderit et ei fuerit adprobatum, parentibus debeat secundum legem componere. Media compositione filius habere debet. Alia medietate exinde ei debet, ut ad quarta de leude illa adveniat. Alia quarta pars parentibus propinquis debet. Id est tres de generatione patris et tres de generatione matris. Si mater viva non fuerit, media parte de leudae illa parentes inter se dividant. Hoc est tres de patre proximiores et tres de matre. Ita tamen qui proximiores fuerit parentes de praedictis conditionibus prendant, ut tres partes illis duabus dividendam dimittat. Et nam et illis duabus ille qui proximior fuerit, illa tertia parte duas partes prendant, et tertia parte patri suo demittat ([140]). Этотъ текстъ Вильда называетъ испорченнымъ, почти непонятнымъ и объясняетъ его

([139]) Histoire du droit criminel, I, 166.

([140]) Pertz. II, 6.

такъ: «Кажется, говоритъ онъ, что если мать убитаго была жива, она раздѣляла родовую пеню или половину Wergeld'a съ родственниками (послѣ сына: отецъ и братъ) и что изъ той части, которая упадала на родственниковъ отцовскихъ или материнскихъ, ближайшіе изъ нихъ (welche zur ersten Sippzahl gehörten) получали двѣ трети и только одна треть предоставлялась слѣдующей генераціи и т. д. ([141])». Дюбуа замѣчаетъ, что этотъ капитулярій представляетъ сравнительно съ самимъ салическимъ закономъ нѣкоторыя различія въ распредѣленіи дѣлежа. «Сынъ получалъ всегда половину, родственники только четверть, а мать, если она жива, половину этой четверти ([142])». Вальтеръ представляетъ слѣдующее объясненіе этого текста: «у салическихъ франковъ, говоритъ онъ, сынъ получалъ одну половину, а другая дѣлилась между родственниками, тремя изъ отцовской и тремя изъ материнской линіи. Въ каждой линіи ближайшій изъ этихъ трехъ родственниковъ получалъ двѣ трети, а остальную треть оба другіе родственники, изъ нихъ ближайшій получалъ изъ нея двѣ трети, а другой остальное ([143])».

Кромѣ салическаго закона, о раздѣлѣ выкупа за убійство между наслѣдниками и другими родственниками говорятъ еще законы—саксонскій и фризовъ. Законъ саксовъ, tit. II, 6: «Si mordum totum quis fecerit, componatur primo in simplo, juxta conditionem suam, cuius mulctae pars tertia a proximis ejus, qui facinus perpetravit, componenda est, duae vero partes ab illo, et insuper octies ab eo componatur, et ille ac filii ejus soli sint faidosi».

Гауппъ, въ комментаріяхъ къ изданному имъ закону саксовъ, объясняетъ это мѣсто такъ, что если кто нибудь совершитъ тайное убійство (homicidium absconse perpetratum), за убитаго должно заплатить выкупъ, по его состоянію; двѣ трети этого простаго выкупа, т. е. Wergeld'a платитъ самъ убійца, а остальную треть его родственники. Кромѣ этого убійца обязанъ самъ заплатить восмерный Wergeld. Отсюда, говоритъ Гауппъ, можно вывести общимъ правиломъ, что при

([141]) Wilda, 389, примѣч. 3.

([142]) Histoire du droit criminel I, 177 примѣч. 1.

([143]) Deutsche Rechtsgeschichte II, 108.

убійствахъ (Todtschlag въ противоположность Mord), которыя вознаграждались только простымъ Wergeld'омъ, убійца платилъ $^2/_3$ его, а родные $^1/_3$. Родственная помощь ограничивалась только простымъ Wergeld'омъ, поэтому и при девятерномъ Wergeld'ѣ, который платился при болѣе преступномъ убійствѣ, родственники ограничивались только помощію для уплаты простаго выкупа; обязанность заплатить его въ 8 разъ ограничивалась только самимъ убійцею и его сыновьями, кокоторые вмѣстѣ съ нимъ подвергались мести, если дѣло до этого доходило. Но кто разумѣется подъ proximi, которые помогали въ простомъ выкупѣ? Гауппъ предполагаетъ, что здѣсь подразумѣваются не всѣ безъ исключенія родственники. Основываясь на другомъ мѣстѣ закона саксовъ (тит. II, 5), которое говоритъ объ отвѣтственности лита и его родныхъ за убійство благороднаго: «et vindicetur in illo, et aliis septem consanguineis ejus a propinquis occisi», Гауппъ принимаетъ за общее правило, что, кромѣ сыновей, месть распространялась и на семерыхъ ближайшихъ родственниковъ убійцы. «Если это, говоритъ онъ, было общимъ правиломъ, то только эти 7 родственниковъ обязывались къ уплатѣ $^1/_3$ простаго Wergeld'a. Какимъ образомъ раздѣлялась между ними эта обязанность: только ли ближайшіе изъ нихъ призывались къ этой обязанности, а за ними, если они были несостоятельны, не могли по бѣдности уплатить упадающую на ихъ долю часть выкупа, и дальнѣйшіе, или всѣ вмѣстѣ должны были участвовать въ этомъ платежѣ, ближайшіе болѣе, отдаленные менѣе, всего этого, по недостаточности источниковъ, нельзя рѣшить положительно ([144])».

Вильда объясняетъ этотъ законъ нѣсколько иначе; онъ принимаетъ также, что родственники участвовали въ платежѣ только простаго Wergeld'a; но на нихъ месть не простиралась, потому что, какъ говоритъ онъ, изъ сравненія съ другими законодательствами видно, что не всегда тѣ, которые обязывались къ выкупу, необходимо вмѣстѣ съ убійцею подвергались мести; разбираемый законъ составленъ подъ вліяніемъ Карловинговъ,—это видно изъ девятернаго Wergeld'a, а въ то время можно предполагать ограниченіе правъ мести; за увеличенный выкупъ отвѣчаетъ только самъ убійца, а за

([144]) Recht und Verfassung der alten Sachsen, 112, 113.

простой и сыновья его ([145]). Дюбуа объясняетъ этотъ законъ согласно съ Гаупномъ ([146]).

И въ германскихъ народныхъ законахъ, подобно сѣвернымъ, можно предполагать, что какъ съ одной стороны родственники участвовали въ платежѣ выкупа, такъ съ другой стороны они участвовали въ полученіи его; это свидѣтельствуетъ законъ фризовъ, который говоритъ о полученіи выкупа тоже самое, что законъ саксовъ о платежѣ, что $^2/_3$ его получалъ наслѣдникъ, а $^1/_3$ другіе родственники; tit. I, 1: «si nobilis nobilem occiderit LXXX sol. componat, de qua mulcta duae partes ad heredem occisi, tertia ad propinquos ejus proximos pertineat». Какъ раздѣлялся этотъ выкупъ между получающими, исключали ли при этомъ ближайшіе родственники болѣе отдаленныхъ, или всѣ получали извѣстную часть, опредѣляющуюся близостью родства съ убитымъ,—этого нельзя опредѣлить, какъ и порядка участія родственниковъ въ платежѣ.

Въ народныхъ законахъ франковъ рипуарскихъ, аллемановъ и баварцевъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ участія родственниковъ въ выкупѣ за убійство, а другіе законы говорятъ только о самомъ убійцѣ и ближайшемъ наслѣдникѣ убитаго, слѣдовательно только о наслѣдственномъ, а не родовомъ выкупѣ; такъ напр. законъ тюринговъ, или англовъ и вериновъ говоритъ, что тотъ, который наслѣдуетъ землю, получаетъ въ наслѣдіе и оружіе, а вмѣстѣ съ этимъ ему принадлежитъ и месть за родственника и выкупъ: tit VI, 5 «ad quemcunque hereditas terrae pervenerit, ad illum vestis bellica, id est lorica, et ultio proximi, et solutio leudis, debet pertinere». Гаупнъ, издатель и толкователь саксонскаго закона, издалъ съ комментаріями также и законъ тюринговъ, гдѣ говоритъ, что слова «et solutio leudis (ad eum) debet pertinere»—не могутъ означать, что наслѣдникъ земли долженъ платить выкупъ, но что онъ долженъ ему принадлежать ([147]). Противъ этого Вильда замѣчаетъ, что «solutio leudis» не можетъ быть самымъ естественнымъ и обыкновеннымъ выраженіемъ для полученія выкупа, въ «ultio proximi» подразумѣ-

([145]) Wilda, 394 пр. 1.
([146]) Hist. du droit crim. I, 178.
([147]) Das alte Gesetz der Thüringer, стр. 360.

вается и платежъ выкупа; здѣсь разумѣется и то и другое, смотря потому, наслѣдникъ земли будетъ ли наслѣдникомъ убитаго или убійцы ([148]). Законъ Ротара говоритъ о вознагражденіи за убійство только братьевъ. Если, говоритъ Ротаръ, будутъ сыновья законные и натуральные (незаконные), двое или болѣе, и случится, что одинъ изъ наслѣдниковъ будетъ убитъ, законные братья получаютъ изъ выкупа двѣ части, а незаконные третью часть, первымъ принадлежитъ и имущество убійцы: гл. CLXII «si fuerint filii legitimi, et filii naturales duo aut plures, et contigerit casus, ut unus ex naturalibus occisus fuerit, tollant legitimi fratres pro compositione ipsius, quod appretiatus fuerit, partes duas: naturales, qui remanserint vero tertiam partem. Facultas vero illius mortui ad legitimos fratres revertatur et non ad naturales».

При опредѣленіи вознагражденія только наслѣдникамъ убитаго, рождается вопросъ, какое участіе принимали въ немъ женщины, если онѣ были единственными наслѣдницами? Мы уже приводили законъ Ліутпранда, который исключаетъ дочерей—наслѣдницъ изъ права получать Wergeld; но онѣ пользовались имъ по недостатку родственниковъ мужескаго пола, при этомъ имъ предоставлялась только половина выкупа, а другая въ такомъ случаѣ принадлежала казнѣ. tit. II. 7: «Quia filiae ejus, eo quod femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare. Ideo prospeximus, ut ipsam compositionem non recipiant nisi ut supra diximus praefati propinqui parentes: et si propinqui non fuerint, tunc medietatem de ipsa compositione suscipiant filiae ejus, si una aut plures fuerint, et medietatem Curtis Regia. Законъ фризовъ, въ случаѣ братоубійства, опредѣляетъ вознагражденіе дочери или сыну, матери или отцу, сестрѣ или брату убитаго: tit. XIX, 2 «si quis fratrem suum occiderit, solvat eum proximo heredi sive filium aut filiam habuerit; aut si neuter horum fuerit, solvat patri suo vel matri suae vel fratri vel etiam sorori suae: quod si nec una de his persona fuerit, solvat eum ad partem Regis». По поводу этого закона справедливо замѣчаетъ Гауппъ, что было бы сомнительно опредѣляемое по поводу parricidium относить ко всякому другому виду убійства ([149]).

([148]) Wilda, 396. пр. 3.
([149]) Recht und Verfassung der alt. Sachsen стр. 115.

XII. По всѣмъ этимъ скандинавскимъ, датскимъ, англосаксонскимъ и германскимъ законамъ мы видимъ обязательное участіе извѣстныхъ родственниковъ въ опредѣленной долѣ при платежѣ выкупа. Обязательная помощь вела иногда къ злоупотребленіямъ со стороны тѣхъ, которые пользовались этою помощью, поэтому Канутъ VI въ 1200 г. опредѣлилъ считать того воромъ и разбойникомъ, кто будетъ обращать себѣ въ пользу свое преступленіе, требуя отъ родственниковъ болѣе того, что было необходимо ([150]). Мало по малу, при постепенномъ упадкѣ родовой связи, родовая помощь убійцѣ перестаетъ быть обязательною, даже запрещается закономъ; такъ по датскимъ законамъ, принадлежащимъ къ началу XIII стол. и приписываемымъ Вольдемару II, опредѣлено, что только самъ убійца долженъ платить весь Wergeld, не имѣя права принуждать родственниковъ къ помощи. Добровольная помощь не исключается этимъ закономъ. Законъ Вольдемара II имѣлъ силу не во всей Даніи, а только въ Фіоніи, потому что готландскій законъ, принадлежащій тому же Вольдемару II, и зееландскій, носящій имя короля Эриха, предоставляютъ убійцѣ право принудить своихъ родственниковъ къ помощи въ платежѣ Wergeld'а. Очень долго въ Даніи сохранялся этотъ обычай требовать родственной помощи; поэтому одинъ указъ короля Христіана III, 1537 г., начинается слѣдующими словами: «до нашего свѣдѣнія дошло, что въ нашемъ королевствѣ существуетъ великое зло—убійства одного другимъ безъ всякой причины. Это зло происходитъ отъ того, что у насъ берутъ за убитаго деньги, при чемъ невинные родственники убійцы, даже дѣти въ колыбели, привлекаются къ обязанности помогать убійцѣ деньгами. Все это побуждаетъ инаго посягнутъ и на такое дѣло, котораго бы онъ не совершилъ, если бы зналъ, что ему угрожаетъ тѣлесное наказаніе» ([151]).

Современникъ Вольдемара II датскаго, король норвежскій Магнусъ уничтожилъ обязательную родственную помощь для своихъ подданныхъ: «шесть человѣкъ, нарочно для этого назначенные, должны опредѣлить, по законамъ, изъ имущества убійцы только наслѣднику убитаго вознагражденіе, которое было бы справедливо передъ Богомъ и по сущности дѣла. Всѣ другія родственныя пени и прибавки должны быть

([150]) Wilda 383.

([151]) Wilda, 383, 384.

отброшены, такъ что родичи ничего не должны ни платить, ни получать. Если не будетъ доставать имущества убійцы для платы королю и наслѣдникамъ, то обѣ платы должно уменьшить соотвѣтственно имуществу» ([152]).

Въ законникѣ Готландскаго острова (Gutalagh) опредѣлено, что «если братья живутъ вмѣстѣ на нераздѣльной земельной собственности, и одинъ изъ нихъ убьетъ кого нибудь, то каждый отвѣчаетъ за себя и тотъ платитъ пеню, который совершилъ убійство. Если не будетъ доставать собственнаго имущества убійцы и даже его доли въ общемъ имѣніи, то онъ долженъ стараться бѣжать» Относительно Швеціи, историкъ ея Гейеръ говоритъ, что, при развитіи королевской власти, постепенно уничтожалась родовая пеня, окончательно она была уничтожена въ 1335 г. королемъ Магнусомъ. Денежное вознагражденіе стало раздѣляться между королемъ, общиною и истцемъ ([153]). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ съ одной стороны родственниковъ отъ обязательной помощи, съ другой стороны число лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе, ограничивалось ближайшими родственниками убитаго, его наслѣдниками; осталась только наслѣдственная пеня.

Свидѣтельство объ уничтоженіи обязательной помощи родственниковъ у англосаксовъ представляется въ законахъ короля Эдмунда, гдѣ опредѣлено, что если впредь кто нибудь убьетъ кого нибудь, и съ помощью родныхъ не заплатитъ въ 12 мѣсяцевъ всего Wergeld'а, подвергается мести. Если родные оставляютъ его и не хотятъ платить за него, тогда весь родъ не подлежитъ мести, она падаетъ только на убійцу, которому родные не должны давать ни пищи, ни пріюта ([154]).

Обращаясь къ германскимъ народнымъ законамъ, мы должны остановиться на салическомъ законѣ, который предоставляетъ на волю родичей платить за убійцу. Торжественный обрядъ, по которому убійца призывалъ своихъ родственниковъ къ помощи во всѣхъ рукописяхъ салическаго закона называется chrenecruda, по Цёпфль ([155]) думаетъ, что правильнѣе читать chreuecruda, что доказывается другими сло-

([152]) Ibid. 384.

([153]) Schwedens Geschichte 267.

([154]) Schmid, 95.

([155]) Deutsche Rechtsgeschichte стр. 926.

вами, сложенными съ chreo=chreu (corpus mortuum, corps), напр. chreoburgio (могильный холмъ надъ убитымъ), chreodeba (сожиганіе трупа). Этотъ обрядъ состоялъ въ томъ, что несостоятельный убійца присягалъ съ 12 соприсяжниками (Eideshelfer, juratores), что болѣе того, что онъ далъ, у него нѣтъ ничего, ни на землѣ, ни подъ землею. Затѣмъ онъ шелъ въ свой домъ и бралъ въ руку землю (terrae pulverem) отъ четырехъ угловъ дома, становился на порогѣ и, не оборачиваясь, смотря на домъ, бросалъ лѣвою рукою черезъ плечо землю на ближайшаго родственника. Потомъ онъ долженъ былъ въ одной рубашкѣ, безъ обуви, съ палкою въ рукѣ прыгать черезъ заборъ. Это была эмблемма его бѣдности и доказательство, что онъ, оставляя имущество, отъ всего отказывался. Этимъ онъ передавалъ право на свое имущество и его ближайшіе родственники заступали его мѣсто. Было опредѣлено, какъ родственники слѣдовали другъ за другомъ: при этомъ ближайшій между ними, если онъ не былъ въ состояніи платить, могъ передавать, съ помощію того же обряда, обязанность далѣе, другому родственнику. Число родственниковъ, которые были такимъ образомъ привлекаемы къ платежу за убійцу, было точно опредѣлено; кромѣ отца, матери, братьевъ, сестры матери и ея сыновей, сюда принадлежали еще по три ближайшихъ родственника съ отцовской и материнской стороны. Если всѣ они сообща не могли заплатить Wergeld'a, тогда убійца отвѣчалъ жизнію, но при этомъ соблюдался еще особенный обрядъ. Убійца выставлялся публично въ 4 судебныя собранія въ ожиданіи, не найдется ли, кто его выкупить. Если этого не было, убійца подвергался смертной казни. Вотъ самый текстъ закона, по изданію Герольдія tit LXI, 1 «si quis hominem occiderit, et in tota facultate non habuerit, unde totam legem impleat; duodecim juratores dabit, quod nec subtus terram, neque supra terram plus de facultate habeat, quam donavit. Et postea debet in casam suam intrare, et de quatuor angulis terrae pulverem in pugno colligere et postea in duropello stare, et intus casam captare debet, et sic de sinistra manu trans suas scapulas jactare super proximiorem parentem. Quod si jam pater, aut mater, seu frater pro ipso solverunt, super sororem tunc matris, aut super ejus filios debet illam terram jactare: quod si isti non fuerunt, super tres de generatione patris et matris, qui proximiores sunt: et postea in camisia discinctus, discalceatus,

palo in manu supra sepem salire ut pro medietate quantum pro compositione deberet, aut quantum lex addicat, illi tres solvant de materna generatione; hoc et illi alii qui de paterna generatione veniunt, facere debent». 2) «Si vero aliquis ex illis pauperior fuerit, et non habet unde integrum solvat debitum, quicunque de illis plus alio habet exsolvat, et iterum super illum chrene chruda, ille qui est pauperior, jactet, ut ille totam legem solvat: quod si hic etiam non habet, ut legem solvat, et totam legem componat, tunc illum, qui homicidium fecit, tollit, qui eum in fide sua habet, et per quatuor mallos praesentem faciat; et si eum per compositionem aut fidem nullus suorum tulerit, hoc est, eum redimat, aut pro eo persolvít, tunc de vita componat».

Почему этотъ обрядъ назывался chrenecruda, до сихъ поръ, говоритъ Шеффнеръ, не объяснено достаточно ([156]). Цёпфль переводитъ это слово «pulvis de hereditate sua», прахъ отъ своего наслѣдства, принимаетъ «cruda» за krut, kraut (зелень и пыль), а «chreo» и испорченную форму этого слова—chrena за corpus mortuum, мертвое тѣло, наслѣдственная земля. И такъ chrenecruda будетъ тотъ прахъ земли (pulverem terrae), который бросался убійцею отъ четырехъ угловъ своего дома, наслѣдства ([157]).

Изъ обряда видно, что помощь не была обязательна; она могла отвратить отъ убійцы смерть, но изъ тѣхъ, кто не помогалъ убійцѣ, никому не угрожали смертью или лишеніемъ мира, какъ было по законамъ сѣверныхъ народовъ. Можно было въ формѣ торжественнаго обряда отказаться отъ семейной обязанности. Этого не могло быть прежде, когда родичи должны были платитъ Wergeld для самихъ себя, потому что каждый изъ нихъ могъ бояться мести. Возможность отказа отъ этой обязанности доказываетъ уже слабость родовой связи и существовала уже на ряду съ возможностью торжественнаго выхода изъ семейнаго союза и его обязанностей, что тоже засвидѣтельствовано салическимъ закономъ; объ этомъ будемъ говорить ниже.

Въ законахъ Меровинговъ сначала предоставлялось на волю родственниковъ выкупать убійцу; напр. въ договорѣ

([156]) Geschichte der Rechtsverfass. Frankreichs. I, 321.

([157]) Deutsche Rechtsgeschichte 926.

Хильдеберта II и Клотара II: «si facultas redimenti deest, tribus mallis parentibus offeratur, et si non redimitur de vita componat ([158])». Потомъ такой выкупъ несостоятельнаго убійцы его родственниками былъ запрещенъ подъ страхомъ наказанія. Древнія изданія, говоритъ Цёпфль, представляютъ мнимый законъ Хильдеберта II 595 г., въ которомъ говорилось: «de chrenecruda lex, quam paganorum tempore observabant, deinceps nunquam valeat: quia per ipsam multorum cecidit potestas». Пертцъ ([159]) приводитъ это мѣсто въ примѣчаніи къ декрету Хильдеберта II 596 года; его можно считать позднѣйшею прибавкою. Однако все таки остается достовѣрнымъ, что Хильдебертъ II уничтожилъ chrenecruda. Это уничтоженіе, хотя и безъ употребленія слова chrenecruda стоитъ въ самомъ декретѣ его 596 года; до сихъ поръ это просматривали, говоритъ Цёпфль. Въ этомъ декретѣ подъ угрозою взысканія, равнаго Wergeld'у, запрещалось родственникамъ оказывать убійцѣ помощь (ad solutionem adjuvare): «de homicidiis vero ita jussimus observare, ut quicumque ausu temerario alium sine causa occiderit, vitae periculum feriatur. Nam non de precio redemptionis se redimat aut componat. Forsitan convenit ut ad solutionem quisque discendat, nullus de parentibus aut amicis ei quicquam adjuvet; nisi qui praesumpserit ei aliquid adjuvare, suum widrigildum omnino componat; quia justum est, ut qui novit occidere, discat morire».

Напрасно Цёпфль говоритъ, что этого закона до сихъ поръ не замѣчали. Удивительно, какъ такой знатокъ исторіи германскаго права забылъ, что Вильда приводитъ этотъ законъ, но толкуетъ его нѣсколько иначе. «Законъ о запрещеніи родственной помощи, говоритъ онъ, не сохранился, его не должно видѣть въ постановленіи Хильдеберта II, потому что онъ относится не ко всѣмъ видамъ убійства, а только къ совершенію ausu temarario et sine causa, въ немъ заключается и меньше и больше уничтоженія обязанности родственниковъ помогать въ платежѣ за убійство ([160])». Позднѣйшая прибавка къ салическому закону, именно къ постановленію о chre-

---

([158]) Pactus pro tenore pacis Childeb. II et Chlot. II, a 593, c. 2, у Пертца I, 7.

([159]) Pertz I, 10.

([160]) Wilda, 393.

necruda, по изданію Герольдія, говоритъ: at praesentibus temporibus, si de suis propriis rebus non habuerit unde transsolvere aut se de lege defensare possit, omnis causa superius comprehensa ad caput suum pertinet observare». Такимъ образомъ во времена этого прибавленія къ постановленію о chrenecruda, въ случаѣ несостоятельности убійцы, онъ отвѣчалъ собственною головою, не расчитывая на родственную помощь. Въ этихъ словахъ Цёпфль видитъ законъ Хильдеберта II, уничтожившій обязательную помощь родственниковъ, хотя на него и нѣтъ прямаго указанія. ([161]).

Законъ бургундцевъ также освобождаетъ родственниковъ отъ участія въ платежѣ выкупа: tit. II, 6» hoc specialiter in hujusmodi caussa universitas noverit observandum, ut interfecti parentes nullum nisi homicidam persequendum esse cognoscant: quia sicut criminosum jubemus extingui, ita nihil molestiae sustinere patimur innocentem». Можно бы этому предписанію дать болѣе ограниченный смыслъ, что только убійца подлежитъ мести, если онъ не платитъ выкупа, откуда не слѣдовало бы необходимо, что семейство не обязано помогать въ этомъ выкупѣ; но слова «nihil molestiae sustinere patimur innocentem», кажется, указываютъ на освобожденіе родственниковъ отъ участія въ Wergeld'ѣ.

Такимъ образомъ въ средніе вѣка, когда въ извѣстныхъ случаяхъ требовался выкупъ за убійство, убійца одинъ, безъ родственной помощи отвѣчалъ передъ родственниками убитаго; объ отвѣтственности убійцы передъ послѣдними говоритъ Саксонское Зерцало, по поводу убійства въ состояніи необходимой обороны: кн. 2., арт. 14, §. 1. «Deme richtere sal man er delen up ine dat hogeste gewedde der penninge, die man ime pleget to weddene, unde den magen ir weregelt».

XIII. Обращаясь къ разсмотрѣнію родовыхъ выкуповъ за убійство у славянъ, замѣтимъ, что и у нихъ также, какъ у германцевъ, первоначально участіе въ выкупѣ убійцы было обязательно для его родственниковъ, но впослѣдствіи эта обязательная помощь уничтожилась. Объ отвѣтственности цѣлаго дома, всѣхъ родичей, живущихъ вмѣстѣ, за преступленіе одного изъ нихъ, говоритъ законникъ Душана, который предписываетъ платить за родича представителю этого родствен-

---

([161]) Deutsche Rechtsgeschichte 728 пр. 16.

наго союза, господарю кущи: ст. 60 «и кто зло оучинить, брать или сынь или родимь, кои соу оу единои коущи, вьсе да плати господарь коущны, или да дасть, кои е зло оучиниль». Но отдѣльно живущіе родичи уже не отвѣчали другъ за друга: ст. 48 «за невѣроу, за вьсако сьгрѣшеніе, брать за брата или отьць за сына, родимь за родима, кто суть отдѣлни отъ оного въ своихь домохь, кои есть несьгрѣшиль, ть да не платить ничто, развѣ онь, кои есть сьгрѣшиль, тоговь и домь да платить». По поводу такой отвѣтственности цѣлымъ домомъ, г. Майковъ говоритъ, что родовой бытъ былъ главною основою общей поруки въ Сербіи. «У славянъ былъ обычай считать родъ однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ, главою коего былъ старшій въ родѣ. Впослѣдствіи, когда роды распались на семьи, а эти, въ свой чередъ, снова образовались въ роды, отвѣтственность не могла болѣе падать на весь прежній родъ, и по тому во время Душана видимъ, что предѣлы ея ограничились однимъ домомъ, т. е. одною семьею, или нѣсколькими семьями, живущими подъ управленіемъ одного старшины. Домъ представлялся, какъ въ старину родъ, однимъ цѣлымъ тѣломъ, котораго члены, связанные въ едино понятіями родоваго быта, должны были добывать, кормиться, пользоваться и отвѣчать всѣ вмѣстѣ, или въ лицѣ старшаго, который никакъ не отдѣлялся отъ своихъ родичей, представляя собою весь домъ. Вотъ естественное начало общей поруки (162)».

Рейцъ говоритъ о далматскихъ славянахъ, что у нихъ всѣ родственники вмѣстѣ несли дань, платимую за миръ, что нерѣдко разоряло цѣлый рядъ семействъ (163).

По другимъ средневѣковымъ законодательнымъ памятникамъ славянъ мы увидимъ, что такая обязательная отвѣтственность родичей была уже уничтожена, за убійство обязывался платить только убійца, родственники и другіе могли помогать ему только по доброй волѣ.

Въ славянскихъ средневѣковыхъ законахъ мы увидимъ также, какъ въ германскихъ—наслѣдственную и родовую пеню, вознагражденіе ближайшихъ и отдаленныхъ родственниковъ, это видно въ винодольскомъ законѣ: ст. 30 «ѥште ако

(162) Исторія сербск. яз., стр. 132.

(163) Сборникъ историческ. и статистич. свѣд. о Россіи Д. В. стр. 124.

би ки убил никога кмета или од рода кмет, да би се не могал єти, впади в осудъ либръ р ближикам... од тих либар р имаю имит дитца убієного, ако има дицу, имаю имит половицу, а други пол нєго ближики». Эту плату вноситъ самъ убійца: «та осуд кривац плати».

Но и здѣсь родственники несовершенно свободны отъ участія въ платѣ за убійство. Таже статья винодольскаго закона обязываетъ за бѣжавшаго убійцу платить половину выкупа наслѣдниковъ и другихъ его родственниковъ по поламъ: «ако убигне, имаю нєго ближике осуд платити пол, а пол нєга реди (наслѣдники)». Объ отвѣтственности половиною выкупа говоритъ и другая статья (29-я) этого закона, по поводу убійства княжескихъ слугъ: «да кнез вазме вражбу, то є заговор вьрнези каков и колик буде отил сьрх племене злотворца, колико за половицу: зач племе нiй дьржано перед од пол, а злочинац други пол (164)».

Въ древнемъ чешскомъ правѣ участіе въ полученіи выкупа за убійство обусловливалось близостью родства съ убитымъ, подобно тому, какъ отъ этого зависѣло право мести за убитаго; мы приводили мнѣнія о послѣднемъ Маціейовскаго и Иванишева, которые основываются на одной статьѣ сочиненія Андрея съ Дубы. Ближайшій родственникъ исключалъ дальнѣйшихъ изъ права мстить и получать выкупъ, онъ не дѣлился съ другими отдаленнѣйшими родственниками, если же было нѣсколько одинаково близкихъ родственниковъ, то выкупъ дѣлился между ними на равныя части. «Слѣдствіемъ этого, говоритъ Иванишевъ, было то, что правило германскаго законодательства: «только тотъ получаетъ выкупъ, qui faidam levare potest» (Ліутпр., тит. XIII), у чеховъ не могло имѣть мѣста, и по этому женщины и дѣти несовершеннолѣтніе имѣли право на полученіе платы за голову, если они были законные наслѣдники убитаго (165)». Подобный порядокъ вознагражденія родственниковъ убитаго встрѣчаемъ и въ позднѣйшемъ чешскомъ уложеніи 1564 г., въ которомъ ближайшіе родственники также исключали дальнѣйшихъ; вознагражденіе за убійство по этому уложенію составляло треть имѣнія бѣжавшаго убійцы, остальныя двѣ трети предоставлялись на-

(164) Чтенія Моск. Общ. Ист., годъ 1, № 4.
(165) О платѣ за убійство, стр. 48, 49.

слѣдникамъ убійцы: «pakliby nestál, aby na hrdlo geho y na statek geho saženo bylo, tak aby dedícum toho zabíteho, a nebyloliby dedícuw, tehdy y přyteli neb přřtelum nayblizsim trety dyl statku geho dopomozen a dan byl ([166])». Участія родичей убійцы въ платежѣ выкупа въ чешскомъ правѣ не видно.

Въ древнемъ польскомъ правѣ вознагражденіе за убитаго опредѣлялось также ближайшимъ родственникамъ, за недостаткомъ которыхъ оно предоставлялось и дальнѣйшимъ. Вислицкій статутъ арт: 63 «occidens militem XXX marcas parentibus, pueris vel amicis... solvere teneatur ([167])». Платитъ только убійца, одинъ не отвѣчаетъ за другаго, по этому же статуту, арт. 155: «filius non portabit iniquitatem patris nec e converso. Ideo statuimus, quod pater pro nequam filio et e converso minime coerceatur et puniatur et idem de fratribus germanis vel quibuscunque consanguineis declaramus fore servandum ([168])». О вознагражденіи дѣтей или ближайшихъ родственниковъ говоритъ и Закрочинскій статутъ 1390 г.: «si nobilis interfectus fuerit per nobilem... pro capite quinquaginta sexagenas grossorum minus duabus sexagenis pueris interfecti, aut ipsius propinquioribus solvere tenebitur». Потомъ этотъ статутъ, не возлагая на родственниковъ убійцы обязанности платить за него, дозволяетъ помогать ему добровольно, изъ сожалѣнія, потому что иначе, при несостоятельности его, ему угрожаетъ смерть: «si vero nihil habuerit, sic quod non habet, quo solvat, extunc collo proprio persolvat. Si vero amici eius molestarentur et dolerent pro collo ipsius interfectoris, extunc illi amici possunt, ut volunt, parti laesae vel cui molestia facta est persolvere, vel etiam ille, cui molestia illata est, si vult, potest eum dimittere ([169])». Наконецъ въ конституціяхъ ленциціенской земли 1418 г. также опредѣлено вознагражденіе дѣтямъ или родственникамъ, по степени родства: «quando nobilis interfecitur a quocunque, sexaginta marcae pueris, aut proximioribus in linea propinquitatis, solvi debent ([170])».

([166]) jbid., 46, 50.
([167]) Ius polonicum, edidit Bandkie, стр. 70.
([168]) Ibid., стр. 124.
([169]) Ibid. стр.
([170]) Ibid. стр. 194.

Литовское право особенно богато опредѣленіями о порядкѣ взысканія родственниками головщины, объ этомъ говорятъ всѣ три литовскіе статута. Первыми, пользовавшимися правомъ взыскивать головщину были сыновья за отца и мать, потомъ братья за братьевъ и сестеръ, если же не было сыновей и братьевъ, это право переходило къ дочерямъ и сестрамъ, а за недостаткомъ ихъ къ другимъ ближнимъ. Первый статутъ (разд. VII, арт. 13): «а коли бы колко братьи было и сестръ рожоныхъ выпосажоныхъ (и не выпосажоныхъ, отецъ, або матка—прибавлено въ третьемъ статутѣ, разд. XI, арт. 45), и одинъ брат з нихъ або отец забит был [или сестра—въ третьемъ (XI, 45)], тогды они сами братья мимо сестръ выпосажоныхъ мают головщины доискиватися. А естли бы братья змерли; тогды дочки выпосажоные мают головщины искати. А естли бы сынове и дочки змерли; тогды мают искати ближние—въ третьемъ статутѣ (XI, 45) прибавлено: напродъ наблизшие по мечу, а где бы близкихъ по мечу не стало, тогды и по кудели». Подобное противоположеніе родства «по мечу» и «по кудели» было и у чеховъ, у которыхъ упоминаются «po mĕci přieteli» и «po wřetenĕ»-«ježtoby ten bratr nebo přietel byl jemu po otci, to jest po mĕci, ale ne po mateře, to jest po wřetenĕ (171)». «Po mĕci přieteli» упоминаются Андреемъ съ Дубы, какъ имѣющіе право вчинять искъ объ убійствѣ (172). Такое раздѣленіе родственниковъ у древнихъ славянъ соотвѣтствуетъ подобному раздѣленію у германцевъ—parentes de paterna et de materna generatione (Lex Salica, editio Lindenbrogii, гл. 65), и въ законахъ Гулатинга—Bauggildi (родственники по мечу) и Nefgildi (родственники по веретену) (173).

Продолжая разборъ постановленій литовскихъ статутовъ о правѣ на головщину, прибавимъ къ опредѣленіямъ объ этомъ перваго статута объясненія изъ третьяго (разд. XI, арт. 45) о томъ, что первые, имѣвшіе право искать головщины, были дѣти, поэтому братья или сестры получали это право только тогда «кгды забитый братъ або сестра детей потомства по собе не заставять, звлаща сестра будетъ ли збита будучи еще замужъ невыданною, або вдовою безпотом-

(171) Rád práwa Zemského, ст. 69.
(172) Wýklad na prawo zemské ceské, ст. 10
(173) Wilda, стр. 377.

ною». Далѣе этотъ артикулъ опредѣляетъ порядокъ взысканія головщины, если послѣ убитаго, или убитой останутся малолѣтніе дѣти: «ведже хотя и дѣтей по брате албо по сестре вдовою забитой зостануть, а будуть летъ недорослыхъ, тогды в недорослости летъ такихъ детей предъ се братья або сестры кревные албо тежъ опекуны тыхъ дѣтей недорослыхъ права того попирати и доводити мають, але кгды по томъ дети летъ доростуть, головщизна тая имъ належати маеть, по вытрученью накладу што бы близские доходечи того права наложили, а где бы кревные албо опекуны того не доходили, тогды сами дети доросши летъ правомъ о голову родичовъ своихъ чинити могуть, а давность имъ в томъ ничого шкодити не можеть». Иногда право взыскивать головщину принадлежало отцу, или матери, одной, или вмѣстѣ съ сыновьями и дочерями, именно за бездѣтныхъ сыновей или дочерей. Объ этомъ распространяется третій статутъ (разд. XI, арт. 44): «а где бы при животе отцовъскомъ сына безъпотомъного, або дочку за мужъ невыдану, або вдову безплодную забито, тогды о то отецъ маеть правомъ чынити и головщизна ему жъ належати будеть. Пакли жъ бы по смерти отъцовской а за живота матъчиного сына або дочку такихъ яко вышей описано забито, тогды матка з дорослыми сынами своими, а не будетъ ли сыновъ ино з дочками о тое забойство права доводити и головщизну межы себе на ровные части поделити мають, а естли бы дети ее были летъ недорослыхъ ино одна матка можеть о то правомъ чынити». Третій статутъ (разд. XI, арт. 46) говоритъ также объ особенномъ порядкѣ отыскиванія головщины за убійство замужней жены: если послѣ нея не останутся дѣти, то это право предоставляется мужу, а если онъ не воспользуется имъ, то оно переходитъ по общему, указанному нами, порядку, къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ и другимъ близкимъ убитой «если бы хто шляхтянку мужанку забилъ... а она бы детей по собе незоставила, тогды мужъ воленъ будеть о голову ее правомъ чынити и кгды правомъ забойцу переконаетъ, то и головщизна ему плачона будеть, а где бы мужъ зъ якихъ причынъ нехотелъ того права доводить, тогды родичы будутъ ли живы, а по смерти родичовъ братья, а не было бы братьи ино сестры албо иные близкие, яко о томъ вышей доложоно мають того доходити, и собе головщизну взяти, а естли такая забитая шляхтянка дети по собе зоставить летъ дорослые, а похочутъ

ли мимо мужа матки своее а своего будь отца або отчыма о голову матки своее мовити, то имъ волно будеть». Если послѣ убитой останутся малолѣтніе дѣти, то первое право отыскивать головщину принадлежало также ея мужу; при этомъ дѣти не могли требовать отъ отца участія въ головщинѣ матери, но вотчимъ получалъ только часть равную съ дѣтьми убитой; если мужъ при малолѣтнихъ дѣтяхъ не взыскивалъ за жену, тогда за нее искали ея родственники: «пакличбы дети зостали летъ недорослые, то вжо мужъ будеть мочи о голову жоны своее правомъ чынити, а хотя бы право довелъ и головщизну взялъ, дети тое головщизны матки своее на отцу своемъ пойскивати не маютъ вынявши то, естли бы имъ отчимъ былъ, тогды тое головщизны мужу для накладу его правного ровная часть межы детьми належати маетъ, а если бы мужъ и о такое жоны, што по собе дети зоставить забойство права доводити не хотел, тогды в недорослости летъ детиныхъ такежъ яко верху описано родичы албо братья, сестры близкие доходити того будутъ». Таковъ порядокъ взысканія головщины по литовскимъ статутамъ.

Литовское право, подобно другимъ славянскимъ, заявило, что никто не отвѣчаетъ за проступки другаго, впрочемъ, при этомъ было исключеніе для государственныхъ преступниковъ, объ этомъ говорятъ узаконенія, предшествовавшія литовскому статуту и самого статута. Жалов. грам. литовцамъ Казимира 1459 г.: «такожъ за проступку, каково ль коли проступить, нихто иный, только тотъ виноватецъ, хто проступить, подлугъ права христіаньского имать быти казненъ; штожъ ни жена за проступку мужа своего, а ни отецъ за проступку сына, а ни иный прироженый, а ни слуга, только олижъ бы былъ причастникъ тоѣ проступкы, только выймуючи проступкы противъ нашего господарьства ([174])». Уставная грамота Александра кіевскимъ мѣщанамъ 1494 г: «а отца за сыннюю вину не казнити, а сына за отцову, а брата за братнюю вину, казнити виноватого, по его дѣломъ, какъ права скажутъ ([175])». Подобное говорятъ и всѣ три статута, приведемъ слова третьяго, какъ подробнѣйшаго: разд. I, арт. 18 «тежъ уставуемъ ижъ нихто ни за чий кольвекъ учинокъ не маеть каранъ и

([174]) Акты, относящ. къ ист. Западной Россіи, I, стр. 74.

([175]) Ibid. стр. 145.

сказованъ быти, толко тотъ который в чомъ самъ виненъ зостанеть, кгды жъ того право божое и справедливость хрестиянская учить, яко жъ такъ хочемъ мети абы ни отецъ за сына а ни сынъ за отца кромче ображенья маестату нашого и речи посполитое здрады яко вышей около того естъ описано, а ни жона за мужа а ни мужъ за жону, такъ тежъ братъ за брата, отецъ и матка за дочку, дочка за матку або отца, сестра за сестру и жадный прирожоный, и слуга за пана, панъ за слугу и нихто иный ни за чый выступъ и вчинокъ не былъ каранъ, только кождый самъ за свой выступъ маеть терпети и каранъ быти ([176])». Освобождая отъ обязательной отвѣтственности за другихъ, Литовскій Статутъ (I, разд. VII, арт. 30) призываетъ къ добровольной помощи преступнику выкупаться отъ смерти, объявляетъ такимъ помощникамъ честь и добрую славу на ласцѣ господарской: «теж коли бы хто о злодейство або о которое иное злочинство на каранье, або на смерть врадом права посполитого вказан былъ, а в томъ караньи шию свою пенязми откупит або ся отъ того каранья або отъ шии страченя через приятелей своих або гостей пословъ панов выпрохан былъ або выправенъ..... а с тыхъ всих, которые такового человека осуженого ведоме выправляли або пенязми своими окупали того, честь а добрая слава на ласце господарской».

XIV. Постановленія древняго русскаго права о вознагражденіи за убійство встрѣчаемъ во первыхъ въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, первый изъ нихъ говоритъ: «ащели убѣжитъ сотворивый убійство, да ащели есть имовитъ, да часть его, сирѣчь, иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіенаго; а и жена убившаго, да иметъ толицимъ же пребудетъ по закону»; а второй: «ажели убѣжитъ сотворивый убійство, и аще будетъ имовитъ: да возмутъ имѣніе его ближніи убіенаго». На основаніи этихъ постановленій можно вывести заключеніе, что вознагражденіе дѣлалось только изъ имущества убійцы, родственники убитаго получали только «да часть его (убійцы), сирѣчь, иже его будетъ по закону», даже имѣніе жены было свободно отъ этого взысканія, слѣдовательно не было обязательной помощи убійцѣ родственниковъ его. Замѣчая все это, не должно забывать, что

([176]) Подобное въ перв. стат. раз. I, арт. 7 и во второмъ—разд. I, арт. 14.

договоры говорятъ объ особенныхъ случаяхъ убійства чужестранца и объ убійствѣ въ Греціи; тамъ, на чужбинѣ, нельзя было думать о привлеченіи къ отвѣтственности родичей убійцы, поэтому родственники убитаго должны были довольствоваться имѣніемъ убійцы, бывшимъ при немъ; невозможно было начинать искъ изъ Греціи противъ родственниковъ убійцы, остававшихся на Руси. Соображая все это, мы думаемъ, что эти договоры не могутъ служить нормою для опредѣленія отношеній между родами убійцы и убитаго вообще, и на Руси, между русскими. Мы увидимъ, что родичи преступника помогали ему и на Руси, только эта помощь не была такъ формально и точно опредѣлена, какъ въ германскомъ правѣ; выходя изъ самой сущности изстаринныхъ родовыхъ отношеній, она оставалась и въ періодъ позднѣйшій, не будучи обязательною по закону. Относительно освобожденія жены отъ отвѣтственности за мужа, по договору Олега, замѣтимъ, что другіе историческіе памятники не вполнѣ согласуются съ этимъ, трудно предполагать для того времени единичную отвѣтственность, стоитъ вспомнить только выдачу преступника по Русской Правдѣ на потокъ и разграбленіе съ женою и дѣтьми.

Изъ договора Олега можно выводить, что за убійство вознаграждался только одинъ родственникъ убитаго, слѣдовательно на Руси не было вознагражденія цѣлаго рода убитаго, не было ничего подобнаго родовой и наслѣдственной пенѣ древнихъ германцевъ; но при этомъ не забудемъ, что договоръ Игоря говоритъ о получающихъ вознагражденіе во множественномъ числѣ, объ этомъ противорѣчіи договоровъ мы уже говорили, опредѣляя порядокъ древне-русской родовой мести; указали тогда на Деппа, который примиряетъ это противорѣчіе обозначеніемъ порядка мстителей, а вмѣстѣ съ этимъ и получателей выкупа по Русской Правдѣ, гдѣ они слѣдуютъ одинъ за другимъ, преемственно; указали также и на мнѣніе Калачева, который справедливо замѣчаетъ, что говорить въ единственномъ или во множественномъ числѣ о имѣвшихъ право мстить и получать вознагражденіе было все равно, потому что мстилъ все таки цѣлый родъ, только при этомъ для исполненія мести призывался одинъ, ближайшій родственникъ. И въ отношеніи къ выкупу для убійцы было все равно, получалъ ли его одинъ, или многіе, потому что этимъ не измѣнялось количество вознагражденія, которое со-

ставляло все имущество убійцы; разница могла быть только для родичей убитаго, смотря по тому, одинъ ли ближайшій родственникъ получалъ все имущество убійцы, или онъ дѣлился съ другими. Основываясь на позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права, въ которыхъ не видно такого дѣлежа, можно принять, что выкупъ за убійство былъ безраздѣльный.

Вопросъ о вознагражденіи за убійство по Русской Правдѣ породилъ въ нашей литературѣ споръ о томъ, что должно считать здѣсь этимъ вознагражденіемъ, не 40 ли гривенъ, упоминаемыхъ въ первой статьѣ Русской Правды: «аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову». Одни считаютъ эти гривны частнымъ вознагражденіемъ родственниковъ, другіе взысканіемъ въ пользу князя, третьи не рѣшаются дѣлать объ этомъ положительнаго приговора, напр. Рейцъ, который говоритъ, что трудно опредѣлить, поступали ли въ пользу князя означенныя 40 гривенъ, или только часть ихъ, или кромѣ сихъ 40 гривенъ, что либо платилось князю ([177]). Эверсъ, Неволинъ, Деппъ и Богдановскій считаютъ ихъ частнымъ вознагражденіемъ. «Не говорится ясно, замѣчаетъ Эверсъ, кто долженъ получать сіе вознагражденіе; но изъ смысла всего законоположенія видно, что вознагражденіе платилось тому, кто терпѣлъ ущербъ въ учиненномъ убійствѣ, слѣдственно семейство, или господинъ убитаго. Еще нѣтъ ни малѣйшаго намека, что бы въ сіе время получалъ и князь вознагражденіе ([178])».

Неволинъ замѣчая, что на тотъ случай, если бы кто не сталъ мстить, Ярославъ подвергалъ убійцу платежу опредѣленной суммы денегъ, спрашиваетъ, въ чью пользу назначалось это денежное вознагражденіе? «Какъ денежное взысканіе, объясняетъ онъ, назначаемое въ короткой Русской Правдѣ, вездѣ, гдѣ она говоритъ опредѣлительно, установляется въ пользу обиженнаго, то справедливо можно принять, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого именно не сказано, опредѣляемое взысканіе разумѣлось въ пользу обиженнаго. Почему должно принять, что въ законѣ Ярослава денежное взысканіе съ убійцы назначалось въ пользу родственниковъ убитаго ([179])».

([177]) Исторія государств. и гражд. законовъ, стр. 57.
([178]) Древнѣйшее русское право, стр. 40.
([179]) Исторія гражд. законовъ, III, 232.

Деппъ называетъ 40 гривенъ, упоминаемыя въ первой статьѣ Русской Правды, вирою, и говоритъ, что преимущественное назначенiе виръ состояло въ вознагражденiи законныхъ мстителей убитаго за утраченное ими право мести. Это доказывается, думаетъ Деппъ, не только единственно возможнымъ и исторически извѣстнымъ происхожденiемъ виръ, но и многими мѣстами нашихъ источниковъ, къ нимъ онъ причисляетъ договоры Олега и Игоря, которые, по его мнѣнiю, назначаютъ тоже, что первая статья Русской Правды, потомъ самую Русскую Правду, которая будто бы указываетъ на это: «по Ярославѣ же совъкупившеся сынови его.... и отложиша убiенiе за голову, но кунами ся выкупати». «У кого? спрашиваетъ Деппъ—нельзя предположить, чтобы у князя, потому что не онъ казнилъ убiйцу». Признавая, что частный характеръ этой платы въ 40 гривенъ совершенно ясенъ, Деппъ думаетъ, что труднѣе доказать, получалъ ли князь какую нибудь часть изъ виры. Деппъ сознаетъ необходимость доказывать это, потому что Несторъ прямо говоритъ объ участiи князя въ вирахъ: «Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: «рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди» и рече Володимеръ: «тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню (180)». Желая примирить это свидѣтельство лѣтописи о княжескомъ значенiи виръ съ признанiемъ ихъ частнымъ вознагражденiемъ, Деппъ выдѣляетъ части, слѣдовавшiя князю изъ простой и двойной виры, въ 40 и 80 гривенъ, именно указываетъ на 8 и 16 гривенъ, которыя упоминаются Русскою Правдою въ статьѣ о поконахъ вирныхъ при Ярославѣ, эти гривны, думаетъ онъ, давались вирнику не для него самого, а для княжеской казны, хотя въ Русской Правдѣ онѣ прямо назначаются вирнику, рядомъ съ вознагражденiемъ товарища его, метельника (181). Калачевъ въ разборѣ сочиненiя Деппа, повторяя положенiе послѣдняго, что изъ виры, слѣдовавшей родственникамъ, выдѣлялась часть въ пользу князя и его чиновниковъ, считаетъ догадку Деппа о количествѣ этого выдѣла очень остроумною, прибавляя впрочемъ, что это любопытное и важное замѣчанiе остается только

(180) Полн. собр. лѣтописей I, 54.
(181) О наказанiяхъ до царя Ал. Мих., стр. 37—41.

повѣрить и подтвердить въ частностяхъ ([182]). Этотъ отзывъ Калачева о Деппѣ далъ поводъ считать и перваго согласнымъ съ тѣмъ, что вира была частнымъ вознагражденіемъ, такъ сдѣлалъ Чебышевъ-Дмитріевъ ([183]), поэтому Калачевъ въ разборѣ сочиненія Чебышева-Дмитріева говоритъ: «мы пользуемся случаемъ, чтобы оговорить приписываемое намъ съ прочими изслѣдователями неправильное мнѣніе, что вира шла въ пользу обиженнаго ([184])».

Богдановскій также считая 40 гривенъ частнымъ вознагражденіемъ, выдѣляетъ изъ нихъ княжескую пеню, подобно Деппу ([185]). Соловьевъ ([186]), Иванишевъ ([187]) и Максимовичъ ([188]) признаютъ, что вира платилась, когда не было на лицѣ родичей-мстителей, считаютъ ее платою въ пользу князя, двое послѣднихъ называютъ ее выморочнымъ имуществомъ.

Ланге ([189]) и Власьевъ ([190]) считаютъ также виру княжескимъ взысканіемъ; кромѣ простаго предположенія, что при несуществованіи мстителей, она никому не могла принадлежать, кромѣ князя, они представляютъ этому рядъ фактическихъ доказательствъ. Сюда принадлежитъ вопервыхъ приводимое нами свидѣтельство Нестора, потомъ о вирахъ, какъ княжескомъ взысканіи говорятъ церковные уставы русскихъ князей—Ярослава: «свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство аже что чинится, платять виру князю наполы со владыкою ([191])». Въ уставѣ Новгородскому Софійскому Собору Святослава Ольговича 1137 г. говорится о вирахъ, какъ весьма старомъ доходѣ княжескомъ: «уставъ,

([182]) Арх. историко-юрид. свѣд. кн. 3, стр. 26.

([183]) О преступн. дѣйствіи по русскому до-петровск. праву, стр. 92.

([184]) Тридцать первое присужденіе Демидовскихъ наградъ. 28, 32.

([185]) Развитіе понятій о преступл. и наказ. въ русск. правѣ до Петра В. стр. 24.

([186]) Исторія Россіи I, 258.

([187]) О платѣ за убійство, 94.

([188]) Рѣчь объ уголовн. наказ. въ Россіи, стр. 15.

([189]) Объ уголовн. правѣ по Русской Правдѣ, 99—102.

([190]) О вмѣненіи 127—162.

([191]) Исторія Карамзина, II, прим. 108.

бывъшии преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ, имати пискупомъ десятину отъ даніи и отъ виръ и продажь, что входить въ княжь дворъ всего ([192])». Въ жалов. гр. Юрьевск. Новгор. монаст. Мстислава Владиміровича 1125 г. «повелѣлъ есмь.... отдати Буйцѣ святому Георгеви съ данью, и съ вирами и съ продажами ([193])» и въ уставной грамотѣ Ростислава смоленск. епископіи смоленской 1150 г.: «се даю Святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья ([194])»—виры стоятъ рядомъ съ другими источниками княжескаго дохода. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями говорится о взиманіи князьями виръ «по старинѣ:» «а виры имати княземъ великимъ по старинѣ, а Новгородцамъ не таити ([195])». Въ самой Русской Правдѣ виры и продажи являются взысканіями одного рода: «аще оударить мечемъ, а не потнеть на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна за раноу, оже лечебно есть; а потнеть на смерть, то вира». (Карамз. спис., ст. 25). Здѣсь за ударъ несмертный опредѣляется продажа, которая, какъ извѣстно, шла въ пользу князя, слѣдовательно и взысканіе за ударъ смертный, вира, была тоже княжеская пеня. Потомъ Русская Правда противополагаетъ полвирье частному вознагражденію, «за вѣкъ», слѣдовательно полвирье было княжескимъ взысканіемъ, а если такимъ было полвирье, то и цѣлая вира должна была идти въ пользу князя: «аще ли оутнеть рукоу и отпадеть рука или оусъхнеть, или нога, или око, или носъ оутнеть, то полоувирие, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ». (Карамз. списокъ. ст. 22).

Основываясь на всѣхъ этихъ доказательствахъ, мы имѣемъ право считать виру взысканіемъ въ пользу князя, а относительно доказательствъ Деппа о вирѣ, какъ частномъ взысканіи, т. е. ссылки его на вознагражденіе въ пользу родственниковъ въ договорахъ съ греками и установленіе Русскою Правдою выкупа кунами вмѣсто убіенія за убіеніе, замѣтимъ,

---

([192]) Русскія Достопамятности, I. стр. 82.

([193]) Историческ. христоматія Буслаева, стр. 345.

([194]) Дополн. къ акт. историч. I, стр. 5.

([195]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, стр. 28.

что все это относится не къ вирамъ, а къ частному взысканію, которое въ Русской Правдѣ, подобно «головщинѣ» Литовскаго Статута, называется «головничествомъ».

Головничество самою Русскою Правдою противополагается вирѣ, говорится о платежѣ виры всею вервью (дикая вира), если не будетъ на лице головника (убійца), или вмѣстѣ съ нимъ, если онъ самъ вкладывался прежде въ дикую виру, при этомъ прибавлено: «а головничество самому головнику» (Троицк. спис., ст. 3).

Головничество противополагается вирѣ, княжескому взысканію, и считается выкупомъ въ пользу родственниковъ убитаго Рейцомъ ([196]), Неволинымъ, который виры пространной Русской Правды считаетъ уже княжескою пенею ([197]), Иванишевымъ ([198]), Власьевымъ ([199]) и др. Головничество, какъ свидѣтельствуетъ Русская Правда, платилось самимъ головникомъ, убійцею, о помощи ему при этомъ родственниковъ ничего не говорится; но мы замѣтили, говоря о договорахъ съ греками, что, по самому существу изстариннаго родоваго союза, можно предполагать эту помощь, хотя она въ древнерусскомъ правѣ не возводится въ положительный законъ. Впрочемъ церковный уставъ Ярослава говоритъ и о выкупѣ родичами преступницы: «аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть, обличивъ ю поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ ([200])». Никольскій, приводя мѣсто изъ кормчей: «да не умрутъ отцы за сыны, не сынове да не умрутъ за отцы, но кождо за свой грѣхъ да умретъ», справедливо замѣчаетъ, что не безъ особеннаго назначенія этотъ законъ Моисея внесенъ въ нашу кормчую: такое заимствованіе было необходимо, ибо туземный взглядъ на отвѣтственность за преступленіе былъ противоположенъ византійскому ([201]). Въ позднѣйшихъ памятникахъ законодательства головщина платится изъ имущества преступника, а объ имуществѣ его родственниковъ не упоминается, напр. въ уставн.

([196]) Ист. госуд. и гражд. зак. стр. 58, 181.

([197]) Ист. гражд. зак. III, 234.

([198]) О платѣ за убійство, 95, 96.

([199]) О вмѣненіи, стр. 123 и слѣд.

([200]) Исторія Карамзина, II, прим. 108.

([201]) О началѣ наслѣдованія, 284.

грам. дмитровск. князя Юрія Иван. каменскаго стана бобровникамъ 1509 г.: «а побіются на полѣ въ пожегѣ или въ душегубствѣ или въ разбоѣ, или въ татбѣ, или въ ябедничествѣ и ловчей мой велитъ на убитомъ истцово доправити ([202])». Тоже говоритъ и царскій Судебникъ 1550 г., повторяя постановленіе Судебника 1497 г. «а побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татбѣ, ино на убитомъ истцово доправити ([203])».

Подобно тому, какъ платить головничество обязывался только одинъ убійца, такъ и получалъ его одинъ ближайшій родственникъ; это видно изъ приведенныхъ постановленій, которыя говорятъ о взысканіи на убитомъ «истцова». Приравнивая этотъ порядокъ уплаты къ выкупамъ за убійство у чеховъ и другихъ славянъ, у которыхъ ближайшій родственникъ исключалъ изъ этого права на выкупъ дальнѣйшихъ, можно предполагать тоже и у насъ, хотя по нашимъ отечественнымъ памятникамъ и нельзя такъ точно и послѣдовательно опредѣлить этотъ порядокъ, какъ въ литовскихъ статутахъ. Изъ права на выкупъ не исключались у насъ и жены, что видно изъ приведенной во введеніи мировой 1577 г. убійцъ площаднаго писчика съ его вдовою и братомъ ея. Эта мировая указываетъ даже на двоихъ вознаграждаемыхъ за убійство; такое вознагражденіе за убійство нѣсколькихъ можно предполагать, когда послѣ убитаго оставалось нѣсколько одинаково стоявшихъ къ нему въ родственномъ отношеніи, напр. братья, сыновья, или даже братья съ сестрами и сыновья съ дочерьми. Можетъ быть въ приведенной мировой братъ жены уравнивался самой женѣ въ близости родства съ убитымъ, мы говорили уже о важномъ значеніи свойства въ древней Россіи, указывали во введеніи, что зять становился въ сыновнія отношенія къ тестю, а зятья и шурья уравнивались братьямъ.

Количество головничества Русская Правда не опредѣляетъ, вѣроятно, оно зависѣло отъ взаимнаго соглашенія, а если дѣло доходило до суда, то самъ истецъ въ самомъ искѣ въ судъ опредѣлялъ количество желаемаго вознагражденія, подобно тому, какъ опредѣлялась цѣна украденнаго или пожега. Во всѣхъ искахъ цѣна ихъ называется общимъ именемъ

([202]) А. Арх. Эксп. I, стр. 121.
([203]) А. Ист. I, стр. 149 и 222.

«истцово», такое общее названіе всякаго частнаго вознагражденія, по всякому дѣлу, мы видѣли въ уставн. грам. 1509 г. и въ судебникахъ. Какъ говорили прежде, такая неопредѣленность частнаго вознагражденія была у всѣхъ славянъ, но впослѣдствіи у насъ количество головничества опредѣлено было закономъ, соотвѣтственно княжеской вирѣ, т. е въ 40 гривенъ, это видно изъ договора смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готландомъ 1230 г. «оже убьють волнаго человѣка платити за голову 10 гривенъ серебра по 4 гривны кунами или пенязи ([204])». Въ выпискѣ изъ уставн. книги Разб. Приказа 1631 г. опредѣлена плата за голову боярскихъ людей и крестьянъ: «а за убитую голову, за боярскихъ людей и за крестьянъ, по четыре рубли», при этомъ прибавлено: «а дворянскимъ и дѣтямъ боярскимъ убитымъ головамъ указу не было ([205])». Взысканіе за убитую голову митрополичьяго крестьянина было опредѣлено и правою грамотой 1525 г. въ четыре рубли ([206]).

Частное вознагражденіе за убійство замѣтно во всѣхъ важнѣйшихъ памятникахъ древняго русскаго права послѣ Русской Правды, таково, кромѣ указаннаго нами взысканія «истцова» по дѣламъ о душегубствѣ, въ разныхъ уставныхъ грамотахъ и судебникахъ, и вознагражденіе за голову, опредѣленное договоромъ смоленскаго князя съ Ригою и Готландомъ въ 10 гривенъ серебра; хотя здѣсь прямо не говорится, кому идетъ эта плата, ее можно считать частнымъ вознагражденіемъ по самому характеру памятника, какъ договорнаго акта, который долженъ былъ опредѣлять вознагражденіе самихъ потерпѣвшихъ лицъ, во избѣжаніе ссоръ и неудовольствій; съ этимъ согласны и изслѣдователи древняго русскаго права: Богдановскій ([206]), Власьевъ ([207]), Чебышевъ-Дмитріевъ ([208]).

Псковская судная грамота опредѣляетъ съ убійцы въ пользу князя рубль продажи: «а гдѣ учинится головшина, а доличатъ коего головника, ино князю на головникохъ взять рубль продажи». Энгельманъ въ изслѣдованіи о Псковской судной

([204]) Ист. Карамзина III, прим. 248.

([205]) Акты Историч. III. стр. 301.

([206]) О развитіи понятій о преступл. и наказ., 45.

([207]) О вмѣненіи, 161.

([208]) О преступн. дѣйствіи, 60. 61.

грамотѣ замѣчаетъ, что хотя о взысканіи въ пользу родственниковъ убитаго здѣсь ничего не говорится, но можно предполагать его и въ Псковѣ, во время этой грамоты, основываясь на другихъ памятникахъ русскаго законодательства того времени (209). Богдановскій также предполагаетъ въ этой грамотѣ частное вознагражденіе за убійство, которое, въ противоположность опредѣленному взысканію въ пользу князя, зависѣло отъ взаимнаго условія преступника съ семействомъ убитаго (210).

Даже въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича въ особенномъ случаѣ назначалось за убійство вознагражденіе женѣ, дѣтямъ и роду убитаго, это бывало въ случаѣ чьей нибудь похвальбы на кого смертнымъ убійствомъ, тогда угрожаемый просилъ у государя дать ему опасную грамоту съ большою заповѣдью; если не смотря на эту грамоту убійство все таки совершится, убійца предается смертной казни, а изъ имѣнія его взыскивается положенная заповѣдь, одна половина которой идетъ въ государеву казну, «а другую половину отдать убитого женѣ и дѣтямъ и роду его, кто на того убойца учнетъ государю бити челомъ (гл. X, ст. 113)». Обыкновенно же по Уложенію изъ имѣнія убійцы уплачиваются только кабальные долги убитаго, а родственникамъ его не дѣлается никакого вознагражденія (гл. X, ст. 105).

XV. Въ заключеніе разбора порядка отвѣтственности родичей за убійство, совершенное однимъ изъ нихъ, прибавимъ и объ отвѣтственности ихъ и родственной помощи по другимъ преступленіямъ у древнихъ германцевъ и славянъ. Англосаксонскіе законы Этельстана говорятъ о выкупѣ родичами даже вора: «если воръ попадетъ въ тюрьму, то долженъ быть тамъ 40 дней, потомъ предоставляется выкупить его за 120 шиллинговъ, родственники должны при этомъ поручиться, что онъ впередъ воздержится отъ воровства. Если онъ потомъ опять украдетъ, то родственники платятъ за него выкупъ или выдаютъ его (211). Средневѣковое право фризовъ (Volksküreu der Friesen) говоритъ о помощи родичей при платежѣ однимъ изъ нихъ за насиліе дѣвушки (212).

---

(209) Граждан. Законы Псковск. Судн. Грамоты, 70. 71.

(210) О разв. понятій о преступл. и наказ., 51.

(211) Schmid, стр. 70.

(212) Wilda, 396.

Тоже бывало и у славянъ; мы говорили о выкупѣ родомъ согрѣшившей дѣвушки, по церковному уставу Ярослава; при этомъ укажемъ на остроумное замѣчаніе Чебышева-Дмитріева, что едвали этотъ выкупъ рода имѣетъ что нибудь общее съ круговой порукой. «Онъ имѣетъ мѣсто только тогда, «аще дѣвка дитя добудетъ.» Не имѣетъ ли этотъ выкупъ, спрашиваетъ Чебышевъ-Дмитріевъ, своей цѣлью наказаніе родственниковъ за то, что они плохо смотрѣли за поведеніемъ дѣвицы (213)»? Изъ самаго существа кровной связи, долго соединявшей родичей въ древней Россіи, можно предполагать готовность ихъ защищать и отстаивать сородича во всякой бѣдѣ и несчастіи, слѣдовательно и въ случаѣ совершеннаго имъ преступленія; мы представимъ подробности защиты служебной чести сородичей отъ несправедливыхъ притязаній другихъ и неправильныхъ распоряженій правительства; а теперь въ заключеніе настоящей главы укажемъ на замѣчаніе Гордона о значеніи совершеннаго однимъ изъ родичей преступленія для всего рода: «въ Россіи не такъ, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ наказаніе виновнаго не влечетъ за собою позора для всѣхъ прочихъ членовъ той же фамиліи, непричастныхъ преступленію своего родственника; здѣсь, напротивъ, считается вѣчнымъ пятномъ для всего рода, если одинъ изъ его членовъ оказывался государственнымъ измѣнникомъ. Въ доказательство этому Гордонъ приводитъ примѣръ князя Бориса Алексѣевича Голицына, который старался отклонить обвиненіе въ государственной измѣнѣ, возводимое на его родственника, кн. Вас. Вас. Голицына, не смотря на то, что Борисъ и Василій принадлежали къ двумъ враждебнымъ партіямъ, первый былъ приверженецъ царя Петра, а второй—царевны Софіи (214)».

---

(213) О преступ. дѣйствіи, стр. 15, прим. 30.

(214) Tagebuch des Gen. P. Gordon, 2 ч., стр. 281.

III.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ЗАЩИТА РОДСТВЕННИКОВЪ НА СУДѢ.

I. Предшествующая глава о выкупахъ за убійство представляетъ самостоятельное право родственниковъ искать себѣ вознагражденія за убійство родственника, поэтому дѣла объ убійствѣ начинались обыкновенно частнымъ искомъ, а бывшая когда то обязательною родственная помощь въ выкупахъ дѣлала родственниковъ отвѣтчиками передъ отыскивающими выкупъ. Кромѣ этого родственники часто бывали истцами и отвѣтчиками по представленію, когда, напр. почему нибудь самъ оскорбленный не могъ защищать себя. Grágás (ч. II, стр. 107) говоритъ объ искѣ за раненаго родственника «sive quis coesus sit, sive vulneribus tam male habitus, ut causam suam ipse agere nequeat, nec alteri eam demandat agendam, propinquis ut jam memoratum est, idem juris, ea de causa, defertur, ac actor competens si in comitiis adfuerit, haberet».

У древнихъ германцевъ и славянъ развилось въ обширныхъ размѣрахъ также и представительство на судѣ родственниковъ за малолѣтнихъ и женщинъ, соединявшееся съ опекунствомъ, mundium; объ этомъ родѣ представительства мы не будемъ говорить въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣя его въ виду для нашего послѣдующаго изслѣдованія «о родовыхъ и семейныхъ властяхъ у древнихъ германцевъ и славянъ». Право родственнаго, частнаго иска у древнихъ гер-

манцевъ было на первомъ планѣ и только въ отсутствіи его являлся обвинительный искъ правительственнаго лица. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Grágás (ч. II, стр. 107) «si (tam propinquae cognationis) in comitiis adfuerit nemo, vel adsit quidem, sed agere noluerit, praetor cuis curia actor competens utitur actionem suscipiat», или зеeландскій законъ короля Эрика: «старшина (Amtman) не можетъ отыскивать никакого дѣла за другаго, будетъ ли совершено воровство, раны, грабежъ и т. п.; развѣ только по дѣламъ вдовы, не имѣющей опекуна, беззащитныхъ дѣтей и человѣка, у котораго нѣтъ родныхъ, могущихъ вчинять искъ (1)».

Кёстлинъ въ обозрѣніи развитія уголовнаго германскаго права замѣчаетъ о началѣ слѣдственнаго процесса въ Германіи, что онъ появился первоначально въ городахъ, какъ реакція противъ самоуправства и особенно, когда не было на лице родственника, имѣвшаго право иска (2).

Древне-славянское право также представляетъ доказательства родственнаго представительства на судѣ, напр. законникъ Душана (ст. 56) говоритъ объ равной отвѣтственности другъ за друга нераздѣльно живущихъ братьевъ: «братенци, кои соу заедно оу еднои коущи, аще ихь кто позове на домоу, кои пріидеть отъ нихь, тьзи да отпира». Памятники русскаго права XVI и даже XVII вѣка свидѣтельствуютъ о полномъ господствѣ такого родственнаго представительства. Правая грамота 1532 г. по дѣлу о поземельномъ владѣніи представляетъ на судѣ отвѣчающаго за себя, отца и братьевъ и отвѣчающихъ за дядю и двоюродныхъ братьевъ (3). Въ правой грамотѣ по подобному дѣлу 1534 г. отвѣтчикъ говоритъ судьѣ: «искалъ, господине, на мнѣ передъ тобою Ѳерапонтова монастыря слуга Еска Ларивоновъ, а отвѣчалъ, господине, передъ тобою въ мое мѣсто братъ мой Ѳедко (4)». Уложеніе 1649 г. указываетъ на такое родственное представительство, какъ на дѣло обыкновенное, и обязываетъ родственниковъ не отъѣзжать изъ Москвы до окончанія суда: «а будетъ за кого учнутъ искати, или отвѣчати дѣти, и братья, и племянники, и друзья, и люди, и тѣмъ людемъ, кто будетъ въ судѣ, съ Москвы до вер-

(1) Wilda, 220.

(2) Geschichte des deutsch. Strafr., 179, 180.

(3) Акты юридич., стр. 38.

(4) Ibid., стр. 44.

шенія суднаго дѣла не съѣжжати» (гл. X, ст. 157). «Безсемейство» и «безлюдство» Уложеніе принимаетъ въ уваженіе, какъ причины, по которымъ истцу или отвѣтчику было некого послать за себя въ судъ: «а будетъ кто объ немъ (истцѣ или отвѣтчикѣ, не явившемся въ срокъ на судъ, по болѣзни) учнетъ бить челомъ, что онъ конечно боленъ, а къ суду ему въ свое мѣсто прислать пеково, что онъ безсемейной и безлюдной человѣкъ, и того больнова послать осмотрить подьячево доброво. Да будетъ онъ по осмотру конечно боленъ, и къ суду ему быти немощно, и въ свое мѣсто послать ему некого, и его тѣмъ полюбовнымъ срокомъ безъ суда не винить, и дать ему сроку до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ обможется» (гл. X, ст. 108). Наконецъ Уложеніе въ извѣстныхъ случаяхъ, при челобитьѣ о управѣ въ обидныхъ дѣлахъ, обязываетъ отвѣчать за родственниковъ, именно за отсутствующихъ изъ Москвы, по городамъ, на воеводствахъ, исключая отдаленныя воеводства (Астрахань, Сибирь, Терекъ) и посылки на государеву службу, по дѣламъ ратнымъ, посольскимъ и другимъ спѣшнымъ; по такимъ посылкамъ дѣла отсрочивались, а за живущихъ на воеводствахъ въ другихъ городахъ: «отвѣчати за нихъ велѣть братьямъ и дѣтемъ и племянникомъ, или людемъ ихъ, которые послѣ ихъ будутъ на Москвѣ, или друзьямъ ихъ, кому они въ томъ вѣрятъ, а службою тѣмъ воеводамъ въ такихъ дѣлахъ не отговариваться» (гл. X, ст. 149).

II. Кромѣ судебнаго представительства, обязанности искать и отвѣчать за родственниковъ, мы видимъ у германцевъ и славянъ судебную защиту родственниковъ; у первыхъ изъ этого начала развился особый институтъ соприсяжниковъ, которые назывались sacramentales, consacramentales, juratores, conjuratores, aidi, aydones (Eide), geidon (geeiden), hameidi (ham=villa, слѣдовательно hameidi=vicini juratores) ([5]), они назывались также и testes, хотя собственно свидѣтели, какъ увидимъ, отличались отъ соприсяжниковъ, тѣ и другіе имѣли различное назначеніе. Наконецъ техническое, общепринятое названіе Eideshelfer, совершенно соотвѣтствуетъ ихъ значенію, какъ помогающихъ въ присягѣ. Эта помощь состояла въ томъ, что Eideshelfer присягали вмѣстѣ съ истцомъ или

([5]) Deutsche Rechtsgeschichte v. Zoepfl, стр. 934, прим. 48.

отвѣтчикомъ, удостовѣряя этимъ справедливость присяги, даваемой послѣдними, достовѣрность ея, возможность ей вѣрить; усиливали значеніе обвиненія или оправданія, когда то и другое выражалось присягою; помогали въ обвинительной и очистительной присягѣ. «Sacramentales iurent, quod appellatus iuravit verum iuravit»—говоритъ Ліутпрандъ (формула къ 13 ст., VI кн. законовъ Ліутпранда) или Саксонское Зерцало (кн. III, арт. 88, § 3): «dar na sal sveren sin getüch (Zeuge), dat sin eid si reine unde unmeine» (ohne falsch, по объясненію Гомейера, издателя Саксонскаго Зерцала). Только этимъ удостовѣреніемъ справедливости присяги ограничивались соприсяжные, они не удостовѣряли никакихъ фактовъ, подобно свидѣтелямъ (testes), которые показывали о томъ, что видѣли и слышали. Салическій законъ (Герольдія, LII, 1) говоритъ о свидѣтеляхъ «ut de eo quod viderunt testimonium praebeant», или законъ баварцевъ (тит. XII, гл. II, ст. 1) «habeat ibi testes duos vel tres, qui audiant et videant qualiter ille respondeat, ut possint ante iudicem testes esse», поэтому свидѣтели назывались «die gewizzen» (wissende), т. е. знающіе (6).

Соприсяжными обыкновенно бывали родственники дающаго присягу, соприсяжничество было родовою обязанностью, подобно древнему обычаю помогать въ осуществленіи и отраженіи мести, а впослѣдствіи въ выкупахъ. На такую связь указываетъ законъ Этельреда, въ переводѣ Шмида: «so reinige er sich mit seinen Magen, welche die Fehde mit ihm tragen mögen oder für ihn büssen (7)». Помощь родственниковъ самому мстителю, а въ періодъ древнѣйшій и подлежавшему мести, участіе въ полученіи выкупа и помощь въ уплатѣ его и наконецъ помощь истцу или отвѣтчику въ присягѣ—все это выходило изъ одного и того же начала родственной солидарности, ко всему этому побуждало сознаніе о необходимости помогать родственникамъ, поддерживать честь и славу родственнаго союза. Соприсяжные были законнымъ проявленіемъ родственной помощи, но кромѣ этого, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, она порождала и самоуправство на судѣ, запрещаемое закономъ. Помогать родственни-

---

(6) Constitutio pacis generalis Рудольфа въ 1281 г., cap. 6. Pertz II, стр. 427.

(7) Schmid, стр. 134.

камъ въ присягѣ составляло обязанность по закону, отъ нея можно было отказаться только вмѣстѣ съ совершеннымъ, торжественно, символически, на судѣ происходившемъ выдѣленіемъ изъ родственнаго союза, тогда выдѣляющимся произносился отказъ помогать въ присягѣ: «quod se et de iuramento, et de haereditate, et de tota ratione illorum tollat» (L. Salica Herold. LXIII). Подобно обязанности участвовать въ выкупахъ и соприсяжничество опредѣлялось по бургундскимъ законамъ близостью родства, такъ что при этомъ ближайшіе отстраняли дальнѣйшихъ родственниковъ, эта обязанность возлагалась и на женщинъ: tit. VIII, 1 «si ingenuus per suspicionem vocatur in culpam, tam barbarus quam Romanus, sacramenta praebeat, et cum uxore et filiis et propinquis sibi duodecim iuret: si vero uxorem et filios non habuerit, et patrem et matrem habuerit, cum patre aut matre numerum impleat designatum. Quod si nec patrem nec matrem habuerit, cum duodecim proximis impleat sacramentum».

Если одинъ изъ соприсяжныхъ умиралъ, на его мѣсто назначался другой изъ ближайшихъ родственниковъ. Эдиктъ Ротара ст. 367 «et si aliquis de sacramentalibus mortuus fuerit, potestatem habeat ille, qui pulsat, in loco mortui similem alium nominare de proximis legitimis, aut de naturalibus, aut de gamalibus, id est confabulatis». «Gamales въ противоположность naturales, говоритъ Рогге, безспорно тѣ, которыхъ принимали подъ семейную защиту или въ рядъ наслѣдниковъ по судебному договору ([8]). Если выбранный въ соприсяжные не хотѣлъ присягать, долженъ объявить причину этого, а если объявить этого не могъ, долженъ былъ присягнуть, что у него не было стачки съ тѣмъ, которому дается присяга, что не присягаетъ только по тому, что боится за свою душу; тогда дающій присягу отыскиваетъ другого соприсяжнаго, вмѣсто отказавшагося, а послѣдній вознаграждаетъ того, которому отказался помогать присягою, за убытки отъ этого отказа. Законъ Ліутпранда, кн. VI, ст. 13 «ut manifestare debeat ipse sacramentalis, qui se subtrahere voluerit, certam veritatem, pro qua caussa iurare minime praesumat. Et si manifestare non potuerit, sacramentum praebeat, quod nullum colludium habeat cum homine illo, qui sacramentum audire debuit; nisi quod pro anima sua timendo, non praesumat sa-

---

([8]) Gerichtswesen der Germanen, стр. 180, прим. 240.

cramentalis esse; et ipse postea qui iurare debet, habeat spatium per XII noctes ad perquirendos ipsos sacramentales qui prope sunt.... quaerat alium sacramentalem, quem in loco ipsius ponat.... et si iurare ausus non fuerit, aut manifestare non potuerit, quidquid ipse, cui sacramentum interdixerit, damnum passus fuerit, de propriis rebus suis restituat ei». При господствовавшей обязанности родственнаго соприсяжничества, единичная присяга, безъ помощниковъ, допускалась только послѣ предварительной присяги, что въ судебномъ округѣ нѣтъ родственниковъ, которые могли и должны быть соприсяжными, объ этомъ Цёпфль приводитъ мѣсто изъ городоваго права Бамберга: «wer (wäre) er aber als wol nit gefreunt zwischen den vier welden (Wällen der Stadt) daz er der sechser zu im nit gehaben mocht, die im zu demselben rechten (т. е. eid) helfen wollen, dez scholt er einen voreit sweren, und scholt dy andern denn mit sein eins hant tun» ([9]).

Опредѣливши институтъ соприсяжныхъ, какъ родовую обязанность, укажемъ на самый порядокъ назначенія ихъ при очистительной присягѣ, при которой они бывали особенно часто. Соприсяжными обыкновенно бывали родные отвѣтчика, но извѣстное число изъ нихъ назначалъ самъ истецъ, такимъ образомъ одни были electi, advocati, избранные самимъ отвѣтчикомъ, а другіе nominati, по назначенію истца. Законъ Ротара ст. 364: «ita ut sex illi nominentur ab illo qui pulsat, ut septimus sit, qui pulsatur, et quinque quales voluerit liberos eligat, ut tamen sint XII.... sibi sextus iuret ad arma sacrata, tres ei nominet qui pulsat et duos liberos eligat, qui pulsatur, quales voluerit et sextus sit ipse».

Что истецъ назначалъ соприсяжныхъ изъ родственниковъ отвѣтчика объ этомъ ясно говоритъ тотъ же законъ Ротара (ст. 365): «et ille qui pulsat, et wadiam suscepit, proximiores sacramentales, qui nascendo sunt, debeat nominare tantum. Excepto illo, qui gravem inimititiam cum ipso, qui pulsatur, commissam habet, id est, si ei plagam fecerit, aut in morte eius consenserit, aut res suas alii thingaverit, ipse non potest esse sacramentalis, quamvis proximus sit, eo quod inimicus et extraneus esse invenitur». Кромѣ этого свидѣтельства объ исключеніи изъ соприсяжныхъ родственниковъ отвѣтчика, ему враждебныхъ, законъ алемановъ (tit. VI, 2) указываетъ на право

([9]) Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 963 прим. 59.

отвода отвѣтчикомъ соприсяжныхъ, назначенныхъ для него истцомъ: «tunc debet homo qui caussam requirit, tres electos denominare et ex denominatis tribus licentiam habet excusator reiicere duos; tertium vero non licet reiicere, sed ipsum secum in sacramento habere debet». Подобное право назначать истцомъ соприсяжныхъ и отводить ихъ отвѣтчикомъ встрѣчается и у сѣверныхъ народовъ; напр. объ этомъ говоритъ ютландскій законъ, который называетъ nominati —«Kionsnäffe», отъ «Kion»=родъ и «Näffe»=назначенные: «kionsneffen, dat syn 12 Manne, in der drüdden Linie der negesten Fründe, unde in deme sülven Syssele geseten. Disse 12 Mann schall de Kleger uthnömen (nominare): doch dat he nicht nöme, de sines Wedderpartes apenbare Unfründe syn. Dre mach Beklagede hievan, ane Eydt, vorwerpen. Dar schölen in de Stede dre andere wedder genömet werden. So mach Beklageder noch andre dre vorwerpen, mit 12 Mann Eyden, dat se eme so vyendt syn, dat he se in sinem Eyde nicht mit sik hebben kann» ([10]). Дальманъ, указывая на этотъ ютландскій законъ говоритъ, что истцу принадлежало право назначать соприсяжныхъ изъ родственниковъ отвѣтчика, не далѣе третьей степени родства и которые жили въ одномъ округѣ (Syssel). «Извѣстно, говоритъ онъ, какъ родственники жестоко враждовали, поэтому отвѣтчикъ могъ исключать трехъ изъ назначенныхъ истцомъ, не представляя на это объясненій, и потомъ еще троихъ, подтверждая присягою съ другими двѣнадцатью, что исключенные имъ его враги» ([11]).

Въ законахъ алемановъ «electi» называются «advocati» tit. LIII «cum duodecim sacramentalibus iuret, cum quinque nominatis et septem advocatis». Эти законы тѣхъ и другихъ вмѣстѣ называютъ «medii electi», напр. тит. 77 «quadraginta solidis solvat, aut cum duodecim medios electos iuret».

Вмѣсто этихъ соприсяжныхъ, избираемыхъ истцомъ и отвѣтчикомъ вмѣстѣ (medii electi), иногда предоставлялось одному отвѣтчику назначать ихъ, но тогда число ихъ увеличивалось, напр. 40 такихъ равняются 24 medii electi, по закону алемановъ (capitula addita ad legem alamannorum, XXII) «si primus Alamannus fuerit, ducentos quadraginta solidos componat, aut cum viginti quatuor medios electos, aut

---

([10]) Gerichtswesen der Germanen, стр. 172, прим. 218.

([11]) Geschichte v. Dännemark, III, 41.

cum quadraginta quales invenire, poterit iuret». Еще больше увеличивалось число соприсяжныхъ, выбираемыхъ только отвѣтчикомъ, если они замѣняли назначаемыхъ только истцомъ (nominati). Законъ алемановъ, ст. 76 «cum viginti quatuor totos electos aut cum octuaginta quales invenire potuerit iuret». Рогге объ упоминаемыхъ здѣсь toti electi говоритъ, что они назначались обвинителемъ, слѣдовательно были все равно, что «nominati».

Опредѣленіемъ такого порядка назначенія соприсяжныхъ государство хотѣло предупредить возможность злоупотребленія со стороны ихъ, отклонить ихъ стачку съ родственникомъ, это указываетъ уже на отступленіе отъ настоящаго значенія этого института, основывавшагося на древней родственной солидарности; государство стало выше отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ и принимало мѣры къ охраненію господства права и справедливости, оно съ одной стороны предвидѣло возможность вражды между родственниками, поэтому давало право отводить родственниковъ, заподозрѣнныхъ въ такой враждебности, потомъ угрожало соприсяжнымъ наказаніемъ, если по суду Божьему ихъ присяга оказывалась недостовѣрною, объ этомъ свидѣтельствуетъ законъ бургундцевъ (тит. 80, ст. 2): «iubemus ergo, ut de testibus, qui pro quacunque parte se tulerint, si ad conflictum causae descenderint, et divino iudicio falsus ibidem relator pugnans occubuerit, CCC solidos mulctae nomine omnes testes partis ipsius, a qua parte testis superatus est, cogantur exsolvere».

О наказаніи за ложную присягу самого присягавшаго и соприсяжныхъ его говоритъ также Салическій Законъ (Герольдія, LI, 3): «si alicui fuerit imputatum, quod se periurasset, et hoc qui imputaverit adfirmare poterit, tres de ipsis coniuratoribus periuri, unusquisque ad illorum DC denarios, qui faciunt sol. XV culpabilis iudicetur. Alii vero qui super tres fuerint, singuli quinis solidis, id est, CC den. culpabiles iudicentur, ipse vero cui imputatum fuerit, excepta caussa vel capitale et delatura, CC den. qui faciunt sol XV culpabilis iudicetur».

Соприсяжничество имѣло у германцевъ широкое приложеніе, оно служило не только къ очищенію отвѣтчика въ дѣлахъ уголовныхъ, при обвиненіи въ убійствѣ или другомъ какомъ нибудь преступленіи, но бывало и при другихъ видахъ очистительной присяги, напр. при присягѣ, которая давалась

для возстановленія чьей нибудь чести, напр., когда женихъ, послѣ законносовершеннаго обрученія, отказывался отъ невѣсты и бралъ другую, тогда онъ долженъ былъ присягнуть съ двѣнадцатью, что оставилъ ее не по враждѣ съ ея родителями, не вслѣдствіе какого нибудь ея порока, но только по любви къ другой. Законъ баварцевъ тит. VII, ст. 15 «si quis liber postquam sponsaverit alicuius filiam liberam legitime, sicut lex est, et eam dimiserit, et contra legem aliam duxerit, cum viginti quatuor solidis componat parentibus, et cum duodecim sacramentalibus iuret de suo genere nominatis, ut non per invidiam parentum eius nec per ullum crimen eam dimisisset, sed propter amorem alterius alteram duxerit». Подобное постановленіе встрѣчаемъ и въ законахъ алемановъ (тит. 53). Законъ Ротара (ст. 198) предписываетъ, что если кто нибудь оклевещетъ какую нибудь женщину блудницею или колдуньею и будучи призванъ за это къ суду, объявитъ, что назвалъ ее такъ въ бѣшенствѣ, ярости, отъ страстнаго влеченія къ ней (per furorem), долженъ подтвердить это присягою съ 12 соприсяжными «si quis puellam, aut mulierem liberam, quae in alterius mundio est, fornicariam, aut strigam, clamaverit, et pulsatus poenitens manifestaverit, se per furorem dixisse; tunc praebeat sacramentum cum duodecim sacramentalibus suis, quod per furorem ipsum nefandum crimen dixisset, et non de certa caussa cognovisset». Цёпфль указываетъ на одну древнюю датскую пѣсню «Аскелъ и Вальборгъ», въ которой соприсяжные присягаютъ вмѣстѣ съ Аскеломъ, что онъ не цѣловалъ своей невѣсты ([12]).

Не для оправданія только становились около обвиняемаго соприсяжные, они подтверждали не очистительную только присягу, а также помогали и обвинителю, усиливали обвинительную присягу; о такой присягѣ вмѣстѣ съ очистительною говорится въ капитуляріяхъ Хильдеберта, изданныхъ въ 550 г., въ дополненіе Салическаго Закона: cap. 6 «et qui mallatur si ibidem venerit, tunc qui eum admallavit, si causa minor fuerit, unde minus quam 35 solidos compositione habeat, debet sibi sextus videredum iurare; et ille postea qui rogatus fuerit, si se ex hoc idoneo esse cognoscet, contra eum cum 12 ad sacramentum absolvere se debet ([13])».

([12]) Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 934, прим. 49.

([13]) Pertz II, 7.

Кромѣ уголовныхъ дѣлъ помощники въ присягѣ бывали и по гражданскимъ дѣламъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ же капитуляріи Хильдеберта, именно капитулярій 4, который озаглавленъ «in quantas causas electi debeant iurare»—«de dote et de res qui in hoste perdita sunt et de homine qui in servitio revocatur ([14])».

Присяга съ соприсяжными, какъ свидѣтельствуетъ рипуарскій законъ (LX, 1), замѣняла свидѣтелей по дѣламъ о пріобрѣтеніи поземельной собственности «si autem testes non potuerit congregare, ut ei testimonium praebeant, tunc rem suam cum sex sive cum septem cum sacramenti interpositione sibi studeat evindicare».

Наконецъ соприсяжные играли важную роль при доказательствѣ кѣмъ нибудь своей свободы, объ этомъ свидѣтельствуютъ народные германскіе законы, дополненіе къ нимъ императора Людовика Благочестиваго и Саксонское Зерцало. Законъ фризовъ (тит. XI, 1) «si liber homo spontanea voluntate, vel forte necessitate coactus, nobili seu libero, seu etiam lito in personam et servitium liti se subdiderit, et postea se hoc fecisse negare voluerit, dicat ille, qui eum pro lito habere visus est: aut ego te nunc coniuratoribus meis sex, vel septem, vel decem, vel duodecim, vel etiam viginti, sacramento meo mihi litum faciam, aut tu cum tuis coniuratoribus de mea potestate te debes excusare». Лонгобардскіе законы Людовика Благочестиваго: LIX «homo de statu suo pulsatus, si is, qui eum pulsat at vincendum illum procinctos habuerit, adhibeat sibi VIII legitimos iuratores ex ea parte, unde pulsatur, sive illa paterna, sive materna sit, et quatuor aliunde non minus legitimos, et iurando vindicet libertatem suam». Въ введеніи мы представили объясненіе, что подъ «procincti» должно разумѣть родственниковъ. Саксонское Зерцало кн. III, арт. 32, § 4 «spricт ine en ander herre an, jegen (gegen) den mut he ine behalden selve (selber) sevede (siebende) siner mage oder warhafter lüde. § 5 Mach aver jene selve sevede sin vri (Freiheit) behalten die sine mage sin, dre von vader unde dre von muder, he behalt sin vri unde verleget ir aller tüch».

Помощью соприсяжныхъ пользовались и для доказательства родства съ кѣмъ нибудь, по дѣламъ о наслѣдствѣ. Законъ Ротара ст. 153 «sic tamen ut ille qui succedere vult

([14]) Ibid., стр. 6.

nominatim uniuscuiusque nomina parentum suorum antecessorum dicat. Et si intentio fuerit contra curtem Regis, tunc ille, qui quaerit, praebeat sacramentum cum legitimis sacramentalibus suis duodecim, et dicat per ordinem, quod parentela nostra sic fuit».

III. Соприсяжныхъ изъ родственниковъ встрѣчаемъ и у славянъ, напр. Рейцъ указываетъ на нихъ въ Каттаро, по статуту котораго, изданному въ 1459 г., опредѣлено, что, если кто нибудь будетъ обвиненъ безъ ясныхъ доказательствъ въ томъ, что испортилъ виноградникъ или плодовитое дерево другаго, долженъ привести въ оправданіе шесть сродниковъ, если дѣло идетъ о виноградникѣ, и двухъ, если о другихъ деревьяхъ. Обвиненный въ уличномъ воровствѣ и имѣющій дурную славу долженъ сослаться на 12 лучшихъ родственниковъ. При обвиненіи въ изнасилованіи можно очиститься шестью родственниками, также и при обвиненіи въ покушеніи на это четырьмя родственниками ([15]). Соприсяжные, удостовѣряющіе достовѣрность присяги, упоминаются и въ древнемъ чешскомъ и сербскомъ правѣ. Řád práwa zemského (ст. 63) опредѣляетъ послѣ присяги истца присягать отвѣтчику, который долженъ при этомъ имѣть съ собою шесть свидѣтелей, владѣющихъ свободнымъ недвижимымъ имуществомъ, они должны присягнуть, что присяга не ложна, но справедлива ([16])». Очистники, удостовѣряющіе достовѣрность присяги упоминаются и Андреемъ съ Дубы, онъ указываетъ на двухъ очистниковъ за трехъ свидѣтелей истца, по спорамъ о поземельномъ владѣніи: «a potom, говоритъ онъ, tře (swědci) ti maji přisahati, a dwa jich přisahu očistiti, jako dole stoji psáno» (ст. 30). «I hned po těch swědków přisahách mají wystúpiti dwa očistniky, a tak maji přisieci bez zmatku řkúc: «ta přisaha, jižto Pawel z Sak přisahal, jest prawa a čista, tak mi bóh pomáhaj i wšickni swěti» (ст. 33). Андрей съ Дубы упоминаетъ и присягу отвѣтчика, говорившаго на судѣ: «ted swé očisty mám, hotow jsem práwa dosti učiniti» (ст. 35), очистникъ отвѣтчика говорилъ: «na tom přisahám, že ta přisaha, jizto Ian z Krp prisahal proti Pawlowi z Luže, jest prawa a čista; tak mi bóh pomáhaj i wšickni swěti» (ст. 36) ([17]).

([15]) Сборн. историч. и статист. свѣдѣній о Россіи Д. В. стр. 33.
([16]) Archiv Česky II, стр. 110.
([17]) Ibid, стр. 496 и 497.

Древнее чешское право, установляя необходимость соприсяжныхъ, не говоритъ, чтобы они выбирались изъ родственниковъ, но здѣсь не видно и отстраненія очистниковъ изъ родственниковъ, какъ это было по законнику Душана, который отстраняетъ изъ поротниковъ (соприсяжныхъ) наравнѣ съ непріятелями и родичей: «отъ нынія да єстъ порота и за много и за мало. За велико дѣло да су 24 поротца а за полъны длъгъ 12 поротъцъ, а за мала дѣло 6 поротъцъ, и да нѣстъ у нихъ родима на пизматора (врага, непріятеля). И тизи поротци да не су волни умирити никога, развѣ да оправе или да окриве. И у поротѣ камо се ветьи клъну и кога ветьи оправе, тазѣ да су вѣровани ([18])». Это было уже позднѣйшее установленіе, когда государство отстраненіемъ родственниковъ изъ числа соприсяжныхъ хотѣло предупредить возможность пристрастной присяги по родству и соединенной съ нимъ дружбѣ. Подобно этому запрещалось выбирать свидѣтелей изъ родственниковъ, о чемъ мы будемъ говорить въ заключеніи этой главы, а теперь укажемъ на попытку профессора Кіевскаго университета Демченко найти въ древнемъ русскомъ правѣ, именно въ Русской Правдѣ, учрежденіе, подобное Eideshelfer древнихъ германцевъ и чешскимъ очистникамъ.

Въ своемъ изслѣдованіи «о показаніи свидѣтелей по русскому праву до Петра Великаго» г. Демченко находитъ въ Русской Правдѣ, кромѣ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ фактическія обстоятельства дѣла, еще особенныхъ свидѣтелей, которыхъ уравниваетъ съ соприсяжными отвѣтчика. Это тѣ свидѣтели, которые упоминаются въ 15 и 17 статьяхъ Карамзинскаго списка Русской Правды: «аще на кого будеть поклепная вира, то оже будеть послоуховъ 7, то же выведеть вироу, то ти имоуть вѣроу: паки ли варягъ или инъ кто, то два (ст. 15)». «Искавъ же ли послуха и не налѣзеть, а истца начнетъ головою клепати, томоу дати исправа желѣзо (ст. 17)». Г. Демченко, въ противоположность другимъ изслѣдователямъ древняго русскаго права, которые признаютъ упоминаемыхъ здѣсь свидѣтелей за удостовѣряющихъ достовѣрность обвине-

([18]) Сравненіе законовъ Душана съ древнѣйш. постановл. чеховъ, статья Палацкаго въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., годъ 1, № 2, стр. 20.

нія, со сторовы истца ([19]), справедливо принимаетъ этихъ свидѣтелей за очистниковъ отъ обвиненія, слѣдовательно за присягающихъ въ пользу отвѣтчика. Это слѣдуетъ изъ самаго смысла упоминаемыхъ статей, изъ которыхъ первая установляетъ 7 свидѣтелей, какъ общее правило, а двухъ въ видѣ привилегіи для иностранцевъ, варяговъ, колбяговъ. «Конечно, это преимущество, говоритъ г. Демченко могло принадлежать имъ, какъ въ качествѣ истцовъ, такъ и въ качествѣ отвѣтчиковъ; но въ настоящемъ случаѣ они именно имѣютъ значеніе отвѣтчиковъ, какъ это ясно показываетъ соотвѣтствіе словъ второй половины статьи «паки ли варягъ или кто инъ», словамъ первой ея половины—«аще будеть на кого поклепная вира», въ которыхъ несомнѣнно говорится объ отвѣтчикѣ. Если такъ, то нельзя допустить, чтобы въ этой статьѣ свидѣтели требовались со стороны истца, потому что въ такомъ случаѣ исключеніе, дѣлаемое для иностранцевъ, обратилось бы противъ нихъ и изъ преимущества сдѣлалось бы отягощеніемъ для нихъ. Тоже самое подтверждаетъ и вторая статья, опредѣляющая послѣдствія непредставленія свидѣтелей. Эти послѣдствія она именно относитъ къ отвѣтчику, какъ видно изъ словъ ея: «а истца начнеть головою клепати, и тому дати правда желѣзо»—«тому» указываетъ на предшествующее существительное «истца», подъ которымъ разумѣется отвѣтчикъ, какъ ясно показываетъ поставленіе этого существительнаго въ винительномъ падежѣ въ зависимости отъ «головою клепати». Наконецъ самое значеніе поклепной виры, о которой говоритъ первая статья, указываетъ на свидѣтелей со стороны отвѣтчика, потому что при поклепномъ искѣ не бывало свидѣтелей со стороны истца, поклепомъ Русская Правда называетъ такой искъ, который не могъ быть удостовѣренъ свидѣтелями: «а хто порветь бороду, а выметь знаменіе, а будоуть людие, то 12 гривенъ продажа; а иже безъ людеи, то въ поклебѣ нѣтъ продажи» (Карамз. спис. ст. 78). Принимая свидѣтелей, упоминаемыхъ первыми двумя статьями, за помогающихъ отвѣтчику, должно принять, что и послѣдствія представленія и непредставленія ихъ относятся къ нему же,

---

([19]) Рейцъ «Опытъ исторіи россійск. государств. и гражд. зак.», стр. 231, прим. 6; Куницынъ «Историч. изображеніе древн. судопроизв. въ Россіи», стр. 112; Калачевъ «Изслѣдованіе о Русской Правдѣ», стр. 127; Пахманъ «О судебн. доказат.» стр. 58, 135 и др.

именно, по первой статьѣ этимъ послѣдствіемъ было опровер-женіе иска «то же выведеть вироу», а послѣдующая (16 ст.) въ связи съ предъидущею установляетъ пошлины, которыя сбирались тогда, когда обвиненіе въ убійствѣ будетъ отвергнуто: «аже свержеть виру, то гривна куна сметная отроку; а кто исклепалъ, тому дати дроугая гривна ([20])». Относительно тѣхъ лицъ, изъ которыхъ выбирались такіе очистники, г. Демченко замѣчаетъ, что въ противоположность обыкновеннымъ свидѣтелямъ «они могли быть и лица болѣе или менѣе близкія къ отвѣтчику, такъ какъ такія лица естественно имѣли ближайшее право и обязанность стоять за него и подкрѣплять его въ судѣ, это же подтверждаетъ и сходство свидѣтелей очистниковъ съ помощниками (Eideshelfer, juratores) у германскихъ народовъ, у которыхъ подкрѣплять другъ друга на судѣ въ качествѣ помощниковъ составляло обязанность родственниковъ ([21])». По поводу предоставленія варягамъ и колбягамъ пользоваться меньшимъ количествомъ свидѣтелей, сравнительно съ туземцами, г. Пахманомъ было замѣчено, что такое преимущество имъ давалось на томъ основаніи, что они встрѣчали затрудненія въ представленіи свидѣтелей, потому что были чужды родственныхъ связей съ туземцами, между тѣмъ какъ «родственная кровная связь была, говоритъ Пахманъ, въ древнѣйшемъ быту нашихъ предковъ, однимъ изъ важнѣйшихъ условій для того, чтобы членъ общества находилъ себѣ постоянную защиту и покровительство ([22])». Особенною привилегіею иностранцевъ было также и то, что въ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ туземцы должны были представлять свидѣтелей, они ограничивались присягою; это Пахманъ и Рейцъ объясняютъ также указанною причиною, что у нихъ не было семейственныхъ связей, какъ выражается Рейцъ ([23]). Обращаясь къ свидѣтелямъ—очистникамъ по Русской Правдѣ, укажемъ на замѣчаніе г. Демченко, что послѣ Русской Правды встрѣчаются только одни свидѣтели факта, а объ очистникахъ болѣе не упоминается ([24]).

([20]) «О показаніяхъ свидѣтелей», стр. 9–17.

([21]) Ibid., стр. 28.

([22]) О судебн. доказательствахъ, стр. 131.

([23]) Пахмана Ibid. Рейца «Опытъ ист. россійск. госуд. и гражд. законовъ», стр. 72.

([24]) «О показаніяхъ свидѣтелей», стр. 54, 55.

Подобно древнимъ германцамъ и у славянъ встрѣчаемъ участіе родственниковъ при доказательствѣ свободнаго, дворянскаго происхожденія и спорахъ о родствѣ. Вислицкій Статутъ (арт. 32) говоритъ: «ачь хто менить ся шляхтичомъ, тогды имѣетъ шесть уроженыхъ, старыхъ, а добрыхъ шляхтичовъ поставить на свѣдечьство, два своего роду, а другыи два изъ другого колѣна а третьихъ два изъ третьего колѣна ([25])». Первый Литовскій Статутъ (разд. III, арт. 11) «естли бы хто кому рекъ иж бы не был шляхтичъ, тогды тотъ хто выводится мает поставити зъ отца и матки два шляхтича, а тые мають присягнути», тоже въ тѣхъ же раздѣлахъ, во второмъ (арт. 16) и третьемъ статутѣ (арт. 19). Второй Литовскій Статутъ (разд. XI, арт. 14): «тотъ хто ся шляхтичомъ менитъ быти, маетъ ѣхати до оное земли або повѣту, отколь родомъ есть, и тамъ же маеть, забравши братью и стрыевъ або кревныхъ своихъ, передъ врядомъ тамошнимъ маеть высвѣдчитися, ижъ естъ шляхтичъ»—тоже въ третьемъ статутѣ (разд. XI, арт. 50). Нѣчто подобное представляетъ одно русское мѣстническое дѣло 1627 года. Когда нѣкто Семенъ Колтовской сказалъ, что всѣ Волконскіе пошли отъ выблядка, отъ Ивашка, отъ толстой головы, и просилъ спросить ихъ, отъ кого они пошли и которыхъ князей, князь Григорій Волконскій отвѣчалъ, что они князья Оболенскіе, на это Колтовской возражалъ, что роду Волконскихъ нѣтъ въ родословной государевой книгѣ, Волконскій сослался не на родословецъ, а на одного изъ сородичей, на князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенскаго, что они князи Волконскіе, Оболенскіе жъ ([26]).

Третій Литовскій Статутъ (разд. IV, арт. 72) указываетъ на порядокъ доказательства родства съ извѣстнымъ лицемъ, въ случаѣ спора о наслѣдствѣ «гдѣ бы ся то трафило, ижъ бы хто тяжучися с кимъ о именье а отъпорная то есть позванная сторона не признавала бы стороны жалобное быти сыномъ, або девкою того отца або матки тое албо якимъ кольвекъ потомъкомъ близкимъ тое особы по которой жалобникъ чого искати будеть, тогды врядъ въ таковой рѣчи маеть зъ обу дву сторонъ листовъ и инъшихъ доводовъ досточне выслухати а которое стороны доводъ будеть лепший,

---

([25]) Акты, относящ. къ исторіи Западной Россіи I, стр. 7.

([26]) Дворц. разряды I, стр. 911, 912.

слушнейший и яснейший, ту сторону самотретию, з шляхтою ему равною, будь с повинъными кревними его, або в недостатку кревъныхъ з людми обчими, только вѣры годными до присеги припустити маеть».

IV. Кромѣ этого соприсяжничества родственниковъ другъ за друга, у славянъ родственная защита на судѣ выражалась и въ другихъ видахъ, напр. въ присягѣ не вмѣстѣ съ родственникомъ, а за него, по представительству. Въ первомъ Литовск. Стат. (разд. VII, арт. 12) встрѣчается присяга одного брата за себя и за братьевъ, если всѣ они были истцами за смерть родственника: «тежъ коли бы колко братьи або которых иныхъ парсонъ за близкость прирожоную кого другого о головщину до суда позвали, и доводу бы слушного не мели; тогды толко один с тыхъ жалобников, которого они сами к тому выставят, будеть повинен о тую головщину забитую обвиненую подлуг права поприсягнути самотрету у шляхетстве собе равным». Новгородская Судная Грамота опредѣляетъ присягать сыну за мать, мужу за жену: «а кому будеть какое дѣло до старѣйшей жены или до житьей, кои вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя и за матерь однова: а не поцѣлуетъ креста сынъ за матерь, ино цѣловать крестъ матери однова у собя въ дому»; изъ этихъ словъ грамоты видно, что представительство сына за мать было не обязательнымъ, предоставлялось на волю сына. «А цѣловать боярину и житьему и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женню» (27). Гг. Энгельманъ (28) и Дмитріевъ (29) указываютъ на присягу старшаго брата, если онъ, по смерти отца, будетъ нераздѣльно съ младшимъ братомъ владѣть отцовскимъ наслѣдствомъ, и если противъ нихъ послѣдуетъ взысканіе отцовскаго долга «а которой вятшій братъ съ меншимъ братомъ жиоучи въ одномъ хлѣбѣ, а скажутъ долгу отцово, а на отца записи не будетъ, ино вяшьчему брату правда дать, да заплатитъ опчимъ животомъ, да остаткомъ дѣлится». Мы думаемъ, что по смыслу этихъ словъ здѣсь говорится не о томъ, что старшій братъ присягалъ, а что ему присягаютъ, п. ч. это было единствен-

(27) Акты Арх. Экспед. I, стр. 70.
(28) Гражд. законы псковск. судн. грамоты, стр. 21.
(29) Исторія судебн. инстанцій, стр. 260.

нымъ доказательствомъ истца, если »на отца записи не будетъ»; потомъ это слѣдуетъ изъ буквальнаго смысла словъ «ино вяшьчему брату правда дать». Согласно съ нами переводитъ это мѣсто г. Устряловъ (³⁰), по мнѣнію же Энгельмана старшій братъ присягалъ здѣсь въ томъ, что долгъ этотъ дѣйствительно былъ сдѣланъ его отцомъ, а не имъ самимъ.

Родственная защита выражалась еше въ судебномъ поручительствѣ. Подобно обязанности искать и отвѣчать за родственниковъ, судебное поручительство было обыкновенною обязанностью родственниковъ, на это указываютъ слова одного отвѣтчика, который говорилъ «у меня на Вологдѣ сродниковъ никово нѣтъ, и въ томъ поклепномъ долгу и выручить было меня не кому» (³¹). Третій Литовскій Статутъ (разд. VIII, арт. 7) между разными причинами, по которымъ отецъ и мать могли отстранять отъ наслѣдства сыновей и дочерей указываетъ «естли бы ся трафило где у права отца або матки ручыть не хотели ку постановенью».

Наконецъ родственники наблюдали за соблюденіемъ процессуальныхъ формъ, объ этомъ говоритъ московскій судебникъ 1551 г., ст. 70 «а кого (по комъ поруки не будетъ) намѣстничи или волостелины люди, не явя приказщикомъ, да дворскому, да старостѣ и цѣловалникомъ, къ собѣ сведутъ да у собя его скуютъ, и кто тѣмъ людемъ родъ и племя придутъ на намѣстничихъ или на волостелиныхъ людей къ приказщикомъ да дворскому, и къ старостѣ и къ цѣловалникомъ о томъ бити челомъ и являти». Третій Литовскій Статутъ (разд. IV, арт. 53) въ предупрежденіе безпорядковъ позволяетъ входить въ судебную избу истцу или отвѣтчику въ сопровожденіи не болѣе 7 человѣкъ, прокуратора и 6 пріятелей шляхтичей «а ижъ стороне позволено шестма шляхътичами прыходити до суду, с тое причины где бы се стороне ближенье отъ вряду деело або чого в контроверсыи и въ декрете не доложыли абы укривжоной пры сознанью возного сведецьствомъ тыхъ шести шляхтичовъ и присегою своею справы своее доводилъ».

(³⁰) Изслѣдованіе псковск. судн. грам. стр. 137.

(³¹) Списокъ съ приказн. дѣлъ XVII вѣка во Временникѣ, кн. XX, стр. 74.

V. Родственная защита въ періодъ, нами разбираемый, т. е., по опредѣленіямъ положительнаго законодательства, представляется постепенно ограничиваемою: самоуправство по дѣламъ объ убійствѣ запрещено, обязательная помощь въ выкупахъ родственника уничтожена; тоже замѣчаемъ и въ отношеніи къ родственной защитѣ на судѣ: законодательство предотвращаетъ возможность злоупотребленія этою помощью, поэтому установляетъ особый порядокъ выбора Eideshelfer, болѣе обезпечивающій противную сторону, а Душанъ запрещаетъ родственникамъ быть поротниками, съ этою же цѣлью отстраняются и свидѣтельскія показанія родственниковъ.

По статуту Трау нисходящіе и боковые родственники до третьей степени не допускаются въ свидѣтели, тоже было и по статуту Курцулы, но здѣсь свидѣтели изъ родственниковъ допускаются для показаній противъ родственника (32). По винодольскому закону (ст. 67) родственники могли быть свидѣтелями только тогда, когда они жили раздѣльно, т. е. уравнивались постороннимъ: «и єште отац сину, син отцу и хтй могу бити сведоци, а брат сестри и сестра брату, яко стоє всак по себи, и раздилєни єсу мею собом» (33).

Самое названіе псковск. судн. грам. свидѣтелей сторонними людьми указываетъ на неприкосновенность ихъ къ дѣлу и отсутствіе извѣстныхъ отношеній къ тяжущимся (34). Русская кормчая отстраняетъ свидѣтелей—родственниковъ: «роди дѣти на ся что взглаголють, да не имутъ имъ вѣры, ни господинѣ рабѣ, ни господыни на господа» (35). Отстраненіе свидѣтелей родственниковъ встрѣчается и въ правыхъ грамотахъ, напр. въ одной изъ нихъ 1534 г. отвѣтчикъ говорилъ судьѣ «а послуховъ ми, господине, Тимоѳей Клобуковъ (одинъ изъ истцевъ) велѣлъ писати за очи свою родную братью, ипо, господине, мнѣ на нихъ какъ слатися, а имъ по мнѣ не молвити» (36). Въ другой правой грамотѣ 1547 г.

(32) Сборн. истор. и статист. свѣдѣній о Россіи Д. В. статья Рейца о Далмаціи, стр. 178, 179.

(33) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., годъ 1, № 4, стр. 23.

(34) «О свидѣтельскихъ показаніяхъ» Демченко, стр. 58; «Гражданск. законы Псковск. Судн. грам.» Энгельмана, стр. 130.

(35) «О судебн. доказательствахъ» Пахмана, стр. 56.

(36) Акты относящ. до юрид. быта древн. Россіи, стр. 177.

истецъ сказалъ: »на Ивана есми, государь, на Беззубцова тобѣ царю государю до суда билъ челомъ, что онъ до насъ не добръ... а князь Иванъ Звенигородцкой имъ (отвѣтчикамъ) братъ; а князь Ондрѣй Дашковъ имъ зять: родная ихъ сестра за нимъ», вслѣдствіе такого отзыва истца эти свидѣтели были отведены ([37]). Но въ правой грамотѣ 1483—1505 г. встрѣчаемъ ссылку отвѣтчиковъ на своего отца, который не былъ отведенъ ни судьею, ни истцомъ: «и судьи спросили Салтыка да Висла: кому то вѣдомо, что тѣ пустоши вашіе волости»? Они отвѣчали: «вѣдомо, господине, отцю нашему Степану Трушневу, да Чюлку, да Дюдьтку Минину. И судьи спросили Степана да Чюлку да Дюдьтка» ([38]). Можно предполагать, что отъ воли тяжущихся зависѣло или обратить вниманіе суда на подозрительность свидѣтелей противника, напр. по родству ихъ между собою, или не обратить на это вниманія. Уложеніе (X, 177) запрещаетъ ссылаться на жену противника: «а будетъ на судѣ отвѣтчикъ пошлется на исцову жену, или истецъ пошлется на отвѣтчикову жену, и по такимъ ссылкамъ женъ не допрашивать». Отсюда образовалась пословица: «жена на мужа не докащица». Но показаніе отца или матери при ссылкѣ на нихъ противной стороны считается полнымъ доказательствомъ, только въ этомъ случаѣ и при общей ссылкѣ дѣло кончалось показаніемъ одного свидѣтеля, обыкновенно ихъ требовалось не менѣе двухъ. Уложеніе (X, 176): «а будеть на судѣ отвѣтчикъ пошлется на истцова отца, или на матерь или истецъ пошлется на отвѣтчикова отца, или матерь, и по тѣмъ ссылкамъ отца или матерь допрашивать, а никому отца и матери на судѣ не отводить, и дѣло вершить отцовою и материною сказкою».

Послѣ Уложенія въ одной изъ новоуказныхъ статей 1669 г. мы встрѣчаемъ запрещеніе при обыскахъ допрашивать дѣтей о родителяхъ ([39]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что прежнее значеніе и сила родственной защиты давно поколебались, само государство стало вмѣсто рода, предоставляя отъ себя охрану и защиту каждому и отстраняя вмѣшательство родственниковъ въ это.

([37]) Ibid., стр. 199, 213.

([38]) Акты юридическіе, стр. 4, 5.

([39]) Полн. Собр. Законовъ т. I, стр. 782.

VI. Оканчивая этимъ разборъ разныхъ видовъ законной защиты родственниками другъ друга у германцевъ и славянъ и предлагая въ слѣдующей главѣ разборъ незаконной родственной помощи, самоуправства, мы укажемъ на законную возможность выхода изъ родственнаго союза и отказа отъ всякой солидарности съ нимъ, отъ обязанностей и правъ, связанныхъ съ бытіемъ въ этомъ союзѣ. Выдѣленіе себя изъ родственнаго союза совершалось у салическихъ франковъ торжественно, на судѣ, съ соблюденіемъ особаго символа: отдѣляющійся ломалъ надъ головою 4 ольховыя вѣтки и говорилъ, что отказывается отъ всякой связи съ прежними родственниками, напр. отъ обязанности присягать за нихъ, отъ права наслѣдовать имъ и пр. Салическій законъ по изданію Герольдія тит. 63: «si quis de parentilla tollere se voluerit, in Mallum aut in Tunchinium admallare debet, et ibidem quatuor fustes alvinos super caput suum frangere debet in quatuor partes, et illos in Mallo iacere debet, et ibi dicere: quod se et de iuramento, et de haereditate, et de tota ratione illorum tollat: et sic postea, si aliquis de suis parentibus aut moriatur, aut occidetur, nulla ad illum compositio haereditatis perveniat. Simili modo, si ille moriatur, ad suos parentes non pertineat caussa, nec haereditas eius, sed amodo cum duodecim iuratoribus se exinde educat». Одна эта статья уже несомнѣнно доказываетъ, что прежняя крѣпость родовыхъ союзовъ поколебалась, потому что иначе невозможно бы было предполагать такого выхода изъ родственнаго союза, когда онъ былъ крѣпокъ и представлялъ необходимую для каждаго защиту; теперь для этого не нужно держаться за родственниковъ, о земскомъ мирѣ и общей защитѣ блюдетъ и община и государство.

IV.

САМОУПРАВСТВО, ПОДДЕРЖИВАЕМОЕ РОДСТВОМЪ.

I. До сихъ поръ мы видѣли родственную помощь по закону или по обычному праву, видѣли законное проявленіе союза родственной защиты, но этотъ союзъ поддерживалъ также и средневѣковое самоуправство. Если мы хотимъ представить характеристику средневѣковаго юридическаго быта, какъ онъ проявлялся въ дѣйствительности, не ограничиваясь только идеальною стороною его, выражавшеюся въ законахъ, мы не должны опускать изъ виду возможности частаго несоблюденія этихъ законовъ, потому что въ то время иногда трудно было рѣшить, что составляло норму быта—законъ или самоуправство; должны указать на причины возможности этого самоуправства, на то, чѣмъ оно поддерживалось. Кромѣ самыхъ нравовъ, родственная солидарность была важною поддержкою этого самоуправства. Хотя въ то время былъ утвержденъ и освященъ общій порядокъ, которому каждый долженъ былъ подчиняться, признавалась необходимость его, но дикое чувство свободы побуждало желать быть независимымъ отъ него и не признавать никакой повелѣвающей силы. Особенно въ древнѣйшую эпоху господствовало это чувство свободы. Тацитъ не могъ не замѣтить этого и поэтому сказалъ, что надъ древними германцами не было повелѣвающей силы ни народнаго собранія, ни представителя его—короля или князя. Германцы, говоритъ онъ, не приходили на народныя собранія, какъ будто по приказанію, король или князь выслушивался съ тѣмъ уваженіемъ, которое могло внушаться болѣе силою убѣжденія, чѣмъ силою власти; если его мнѣніе не нравилось собранію, то послѣднее выражало свое неудовольствіе шумомъ; впрочемъ жрецы наблюдали за тишиною народныхъ собраній: гл. II «illud ex libertate vitium, quod non simul nec ut iussu conveniunt, sed et alter et tertius dies

cunctatione coentium absumitur. ut turbae placuit, considunt armati. silentium per sacerdotes, quibus tum et cöercendi jus est, imperatur. mox rex vel princeps prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis quam jubendi potestate. si displicuit sententia, fremitu aspernantur; sin placuit, frameas concutiunt: honoratissimum assensus genus est armis laudare».

Мы уже говорили, что гордость составляла главную черту древнихъ германцевъ, она часто побуждала къ неуваженію правъ другихъ и къ тому, чтобы малѣйшее оскорбленіе считать за самое тяжелое, искать за это удовлетворенія въ усмиреніи противника, въ заявленіи ему своей силы: все это порождало частое нарушеніе права и мира. При тѣсномъ союзѣ между собою родственниковъ, при глубоко вкоренившемся сознаніи, что долгъ чести требуетъ не оставлять близкаго себѣ въ нуждѣ и опасности, каждое дѣйствительное или даже только предполагаемое нарушеніе права должно было вести къ цѣлому ряду кровавыхъ насилій, изъ которыхъ одно порождало другое. Большая часть сѣверныхъ сагъ разсказываетъ объ убійствахъ, которыя зачинались отъ подобныхъ причинъ.

Даже тамъ было мѣсто для грубой силы, гдѣ отправлялось правосудіе, гдѣ оно должно было проявляться во всей силѣ и святости; во время судебнаго засѣданія оскорбительное слово или какое нибудь непріятное дѣйствіе возбуждало гнѣвъ. Мы говорили напр., что запрещалось на судѣ громко предлагать выкупъ, такъ, что это всѣмъ было слышно. Партіи приходили часто въ народное собраніе съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поддержать свое право оружіемъ, защищаться силою отъ обвиненія и его вредныхъ послѣдствій, особенно если не доставало законныхъ средствъ защиты. Каждый, который поднималъ на судѣ важное дѣло противъ сильнаго противника, долженъ былъ ожидать въ немъ готовность къ борьбѣ. Особенное освященіе мира на судѣ не защищало отъ насилія; обязанность каждаго, присутствовавшаго на судѣ, сохранять этотъ миръ, была безсильна, когда партіи вступали другъ съ другомъ въ борьбу, подобно военнымъ отрядамъ, или даже иногда непричастные къ дѣлу и обязанные произнести приговоръ присоединялись къ одной изъ тяжущихся сторонъ и помогали ей въ борьбѣ съ противниками. Старались предупредить подобныя стычки на судѣ, поэтому запре-

щалось, наприм., приходить на судъ большими толпами. Grágás (¹) запрещаетъ приходить на судъ окруженнымъ болѣе 10 человѣкъ: «si quis causam agens, pluribus quam decem viris comitatus judicium adierit, mulctetur». Запрещено являться на судъ съ оружіемъ, такъ Лотаръ въ 823 году постановилъ: cap. 5 «volumus ut cum collecta vel scutis in placito comitis nullus praesumat venire at si psaesumpserit, bannum componat (²).

Особенно исполненіе судебныхъ приговоровъ подавало поводъ къ кровавой борьбѣ. Свидѣтельство этому Вильда приводитъ изъ сочиненія объ исландскомъ процессѣ Арнезина, которое мы уже цитировали. Арнезинъ, основываясь на сѣверныхъ сагахъ, говоритъ: «какъ только истцу удавалось, послѣ большихъ стараній, даже съ мечемъ въ рукѣ, достигнуть того, что его противнику публично, въ народномъ собраніи, объявлялось лишеніе мира, обѣ партіи рѣшали, что наступило время собрать своихъ родныхъ, друзей и всѣхъ, кого можно: съ одной стороны, чтобы оказать помощь при исполненіи судебнаго приговора и принудить виноватаго къ повиновенію; съ другой,—чтобы защищаться противъ этого и препятствовать истцу овладѣть имуществомъ его противника. Обѣ стороны, вооруживши людей, какъ будто въ походъ, соглашались и на то, если кто нибудь изъ уважаемыхъ людей содѣйствовалъ къ примиренію ихъ; но если этого не было, то вмѣсто исполненія судебнаго приговора, должно было ждать кровавой стычки, которая потомъ порождала другую, когда побѣжденный не могъ снести своей потери безъ отмщенія, а побѣдитель старался всегда еще болѣе смирить или совершенно стѣснить своего противника. Такимъ образомъ весь законный порядокъ былъ совершенно безсиленъ (³). Что подобныя сцены были и у англосаксонцевъ, на это указываетъ уже приводимый законъ Эльфреда о порядкѣ осуществленія мести, предписывающій держать противника извѣстное время въ засадѣ, прежде приложенія къ нему силы, если онъ не смирится; при этомъ говорится, что если не будетъ доставать у мстителя собственныхъ силъ,—ему долженъ помогать аль-

(¹) Часть I, стр. 37, tit 37.
(²) Pertz I, 234.
(³) Wilda 187, 188.

дерманъ, а если этотъ отказывается, то самъ король. Сила, которая противополагалась исполненію судебныхъ приговоровъ, по свидѣтельству закона Этельстана, состояла въ богатствѣ и родствѣ: «si aliquis homo sit adeo dives vel tantae parentellae, quod castigari non possit (4)».

II. Когда послѣ Карла Великаго падало уваженіе къ его слабымъ наслѣдникамъ, когда переставали надѣяться на правосудіе,—въ это же время возрастало мугущество вельможъ, тогда особенно часто и въ бóльшихъ размѣрахъ стала проявляться не только вражда вслѣдствіе родовой мести, но кулачное право и самоуправство всякаго рода, постепенно развилось и право частной войны (Fehderecht, la guerre privée), сдѣлавшееся возможнымъ для всякаго свободнаго. Не должно, говоритъ Эйхгорнъ, смѣшивать право предводительствованія войскомъ (Heerbann), принадлежавшее вмѣстѣ съ другими правами обладавшимъ территоріальною властью (Landeshoheit) съ правомъ частной войны (jus armorum, das Recht zu Fehden); послѣднее право принадлежало каждому свободному, въ силу этого права ему также служили другіе (Dienst-und Lehnmannschaft), хотя у него не было территоріальной власти (5).

Дюбуа представляетъ различіе между Франціею и Германіею въ томъ, что въ первой право частной войны принадлежало только сюзеренамъ, а въ Германіи, говоритъ онъ, не только граждане и городскіе патриціи, но и люди самаго темнаго происхожденія хотѣли пользоваться правомъ частной войны. Такъ въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ слѣдующій примѣръ: одинъ поваръ послалъ поваренка объявить войну (Fehde) графу Салмсу (v. Salms), на томъ основаніи, что когда онъ хотѣлъ заколоть для графа барана, послѣдній ранилъ его въ ногу, а графъ не хотѣлъ вознаградить его за это; встрѣчаемъ также въ 1471 году подобное объявленіе войны башмачниковъ Лейпцига студентамъ тамошняго университета (6).

Особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ возрасли эти неурядицы, послѣ Рудольфа Габсбургскаго. Ни одинъ изъ государей послѣ него не былъ въ состояніи удержать паденіе соціальнаго порядка. Постоянныя войны, причиною которыхъ была

(4) Schmid, 82.

(5) Deutsche Staats und Rechtsgeschichte II, § 304, стр 449.

(6) Hist. du droit criminel II, 335, 336.

все болѣе и болѣе усиливавшаяся власть территоріальныхъ владѣльцевъ, принятіе чужаго права и нераспознаваемость права, происшедшая отъ столкновенія чужаго права съ отечественнымъ—все это привело къ такому замѣшательству, что не безъ основанія XIV и XV столѣтія называются временемъ кулачнаго права. Къ этому должно прибавить совершенное паденіе церковной дисциплины—отсюда общій призывъ «реформаціи для главы и членовъ церкви». Впрочемъ, говоря о самоуправствѣ и даже узаконенномъ правѣ частной войны, не должно забывать, что право сильнаго, кулачное право, безграничное и безусловное, никогда не могло существовать, какъ законъ. При могущественной администраціи первыхъ карловинговъ, мало по малу стало общимъ мнѣніемъ, что за обиду можно искать удовлетворенія только путемъ обвиненія на судѣ; но порядокъ вещей измѣнился при паденіи могущественной администраціи Карла Великаго и при слабости центральной власти, безсильной противодѣйствовать безпорядкамъ. Этотъ недостатокъ въ правительственной организаціи, это безсиліе особенно замѣчается въ Германіи; но все таки нельзя предполагать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, чтобы когда нибудь, даже тамъ, было признано закономъ право сильнаго. Справедливо только то, что право частной войны въ это время сдѣлалось необходимымъ средствомъ, ultima ratio, къ которому должно было прибѣгать, когда никакой судъ не хотѣлъ или не могъ дать правосудія; только тогда дозволялся этотъ самосудъ, какъ напримѣръ объ этомъ ясно говоритъ Constitutio pacis, 1235 года, Фридриха II: «ad hoc magistratus et jura sunt prodita, ne quis sui doloris vindex sit; quia ubi juris cessat auctoritas, excedit licentia seviendi. Statuimus igitur, ut nullus, in quacunque re dampnum ei vel gravamen fuerit illatum, se ipsum vindicet, nisi prius querelam suam coram suo judice propositam secundum jus usque ad diffinitivam sententiam prosequatur. Si quis vero coram judice sicut predictum est in causa processerit, si jus non fuerit consecutus, et necessitate cogente, oportet eum diffidare inimicum suum, quod vulgo dicitur widersage» (7). Подобное постановленіе повторено на франкфуртскомъ сеймѣ въ 1442 году, гдѣ также опредѣлено, что только тогда частная война считается законною, если прежде, до начала ея об-

(7) Pertz II, 314.

ращались къ суду, но не получили отъ него удовлетворенія ([8]).

Этотъ самосудъ допускался закономъ только при сохраненіи извѣстныхъ условій; считалось наприм. необходимымъ объявить противнику войну заранѣе, и не начинать ея нѣсколько дней послѣ объявленія, чтобы дать такимъ образомъ противнику средства приготовиться къ этой борьбѣ. Объявить войну называлось diffidare, diffiduciare. Таково напримѣръ постановленіе Фридриха I въ 1187 году о земскомъ мирѣ, ст. 10: «statuimus etiam ut quicunque alii damnum facere aut laedere ipsum intendat, tribus ad minus ante diebus per certum nuntium suum diffiduciet eum ([9])». Подобныя постановленія продолжались и въ XIII столѣтіи ([10]); тоже узаконяется и въ золотой буллѣ Карла IV въ 1356 году; она требуетъ, чтобы о войнѣ было заявлено за три дня лично самому противнику, или публично тамъ, гдѣ считалось мѣстожительство противника; такое заявленіе должно быть доказано тремя свидѣтелями, за несоблюденіе этого законнаго требованія виновный подвергался безславію и законному наказанію, какъ предатель: гл. 17 «sancimus... nec licere praetextu diffidationis cujuslibet quempiam invadi per incendia, spolia et rapinas, nisi diffidatio per tres dies naturales ipsi diffidando personaliter, vel in loco, quo habitare consvevit, publice fuerit intimata, possitque de intimatione hujusmodi per testes idoneos fieri plena fides. Quisquis secus quempiam diffidare et invadere modo praemisso praesumpserit, infamiam eo ipso incurrat, ac si nulla diffidatio facta esset; quem etiam, tanquam proditorem, per quoscumque judices poenis legalibus statuimus castigari ([11])».

Вальтеръ говоритъ, что формулы подобнаго объявленія войны встрѣчаются въ сборникахъ формулъ до XVI столѣтія ([12]). Подобное объявленіе вражды за три дня соблюдалось и у славянъ въ періодъ господства мести. Основываясь на книгѣ Цтибора изъ Товачова, г. Иванишевъ говоритъ, что обы-

---

([8]) Реформац. Фридр. III, 1442 г. § 1, Эйхгорнъ III, стр. 111.

([9]) Эйхг. II, § 379, стр. 714.

([10]) Deutsche Rechtsgeschichte, v. Walter, I, § 277, стр. 331.

([11]) Deutsche Rechtsgeschichte v. Zoepfl, стр. 526.

([12]) Deutsche Rechtsgeschichte I, прим. 9, стр. 331.

чай требовалъ, чтобы мститель увѣдомилъ убійцу о намѣреніи начать совершеніе мести и для этого отправилъ бы посла въ жилище преступника. Съ того дня, въ который отправлено объявленіе и до заката солнца на третій день, мститель не смѣлъ начать вражды (13). Безъ сомнѣнія такое различіе между справедливою и несправедливою враждою было уже успѣхомъ законности. Впрочемъ, замѣчаетъ Цёпфль, это было мало плодотворно на практикѣ, потому что и несправедливо нападающій могъ соблюдать эту форму объявленія войны; во многихъ случаяхъ могло все таки оставаться въ сомнѣніи съ какой стороны было правонарушеніе и несправедливость (14). Таковы законныя условія и ограниченія права частной войны.

III. Обращаясь къ главному для насъ вопросу, къ тому, какъ выражалось участіе и помощь родственниковъ при частной войнѣ, замѣтимъ, что если эта помощь считалась, какъ извѣстно, необходимою въ отношеніи министеріаловъ и вассаловъ къ ихъ господину (15), если для этой цѣли были возможны соединенія между собою постороннихъ, даже цѣлыхъ городовъ (16), тѣмъ болѣе необходимою должна представляться при этомъ родственная помощь. Объ ней, на ряду съ другими соединеніями, упоминаютъ древніе германскіе законы при запрещеніи почему нибудь подобныхъ соединеній, наприм. постановленіе о земскомъ мирѣ Фридриха I: «conventicula quoque omnesque conjurationes in civitatibus et extra, etiam occasione parentelae, et inter civitatem et civitatem, et inter personam et personam sive inter civitatem et personam, modis omnibus fieri prohibemus, et in praeteritum factas cassamus». Эйхгорнъ предполагаетъ, что здѣсь идетъ дѣло не о запрещеніи всѣхъ соединеній, а только о заключенныхъ безъ утвержденія территоріальныхъ владѣтелей (17). Золотая булла, повторяя подобное запрещеніе, говоритъ также о соединеніи «praetextu parentelae (18)». Дюбуа упоминаетъ объ одномъ оригинальномъ случаѣ родственной помощи. Владѣтель Пра-

(13) «О платѣ за убійство» стр. 36, 37.
(14) Deutsche Rechtsgeschichte. стр. 526.
(15) Эйхгорнъ II, § 304.
(16) Idid. II, §§ 247, 346; III §§ 396, 401.
(17) Idid. II, стр. 600, прим. g.
(18) Zoepfl 505, прим. 26.

унгейма объявилъ войну Франкфурту, потому что одна изъ дамъ этого города обѣщала contredanse его родственнику и танцовала съ другимъ, а городъ не хотѣлъ дать ему никакого вознагражденія за такую обиду, нанесенную одному изъ членовъ его семейства ([19]). Изъ этого случая видно, какія ничтожныя причины бывали иногда поводомъ къ объявленію войны. Особенно средневѣковое французское законодательство богато опредѣленіями объ отношеніи родственниковъ при осуществленіи права частной войны, а такъ какъ это право у французовъ вытекаетъ изъ одного источника съ германцами и носитъ одинаковый характеръ, то мы, пользуясь изслѣдованіями Дюбуа и Шеффнера, считаемъ необходимымъ представить эти отношенія.

Начинающій войну становился во главѣ (quiévetaine, quief de guerre) тѣхъ, которые должны были ему помогать, къ нимъ принадлежали и родственники его (lignage). Эта родовая помощь, будучи строгою обязанностью, напоминаетъ прежнію родовую месть; отъ этой обязанности можно было освободиться только подъ условіемъ вмѣстѣ съ этимъ отказаться отъ всѣхъ выгодъ, которыя соединялись съ родствомъ, отъ права наслѣдства и отъ участія въ полученіи денежныхъ пеней. Могло случиться, что родственники того, кому объявлялась война, не знали объ этомъ объявленіи, а между тѣмъ родственники противной стороны уже нападали на нихъ прежде, нежели они могли приготовиться къ оборонѣ. Чтобы уничтожить такое неудобство, Людовникъ Святой опредѣлилъ, что родственники не вступаютъ въ войну 40 дней послѣ ея объявленія, если они не присутствовали при этомъ объявленіи, или при той ссорѣ, которая была причиною войны. Это постановленіе Людовика называется «quarantaine le roy». Если кто начиналъ нападеніе, не соблюдая этого срока, считался измѣнникомъ и подвергался наказанію. Если незаконно нападающій до срока убивалъ кого нибудь, то его самого вѣшали, а его имѣніе конфисковалось; если онъ только нанесъ раны или причинилъ имущественный ущербъ, его подвергали временному заключенію и уплатѣ денежнаго вознагражденія.

По свидѣтельству Бомануара родные братья отъ одного отца и матери не могли вести между собою войны, потому

([19]) Hist. du droit crim. II, 355.

что у нихъ не было отдѣльныхъ другъ отъ друга родственниковъ, они были общіе. Но между братьями разныхъ отцовъ и одной матери, между единоутробными война была возможна, потому что у каждаго изъ единоутробныхъ было свое родство по отцамъ. Отдаленные родственники принимали или не принимали участіе въ борьбѣ двухъ quiévetaines, смотря по желанію.

Родственники имѣли право всегда отказаться отъ войны, даже если они уже принимали въ ней участіе. Тогда они призывали на судъ сеньёра главу противной стороны и присягали никогда болѣе, никакимъ образомъ не вмѣшиваться въ начавшуюся борьбу.

Нѣкоторые родственники, по особенному своему положенію, освобождались отъ обязанности принимать участіе въ войнѣ: духовныя лица, женщины и малолѣтніе. Миръ, заключенный главою партіи, считался обязательнымъ для всѣхъ его родственниковъ ([20]).

IV. Жизненность самосуда и частныхъ войнъ въ средніе вѣка лучше всего выражается въ характерѣ и безсиліи тѣхъ мѣръ, которыя принимались для ограниченія ихъ. Сюда принадлежатъ мѣры церковныя и свѣтскія, установленіе Божьяго мира и земскаго мира. Новѣйшее и лучшее изслѣдованіе о Божьемъ мирѣ принадлежитъ французскому ученому Семишону (La paix et la trêve de Dieu, 1857 г.). Онъ говоритъ, «что только церковь одна сознавала въ X вѣкѣ общественныя бѣдствія и хотѣла облегчить ихъ; не имѣя возможности обратиться къ королямъ, она сначала искала опоры въ самой себѣ, и дѣйствовала путемъ проповѣдей и соборовъ, а потомъ прибѣгла къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, призвала самый народъ къ вооруженной ассоціаціи, для наблюденія за исполненіемъ законовъ, и сама поддерживала общественную тишину и спокойствіе. Предоставляя будущему установить миръ (pax), она взялась устроить немедленное перемиріе во имя Бога, получившее названіе Treuga Dei, отъ древнесаксонскаго trewa (treu, вѣрный). Въ средніе вѣка различали pax и treuga: «treuga securitas praestita rebus et personis, discordia nondum finita. Pax vero est finis discordiae, vel plena discordiarum sedatio», слѣдовательно treuga собственно перемиріе. Церкви,

([20]) Histoire du droit criminel, par Dubois, II, 344, 345. Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs v. Schaeffner II, 196, 197.

монастыри, кладбища, духовенство, дѣти, странники, женщины, земледѣльцы и ихъ орудія пользовались, по соборнымъ постановленіямъ, вѣчнымъ миромъ (pax); a treuga было нѣчто другое: церковь не могла безусловно запретить частную войну феодаловъ, потому что она была для нихъ необходимостью и правомъ, но церковь по крайней мѣрѣ старалась ограничить эти войны, такъ напримѣръ въ первомъ постановленіи о treuga Dei, сдѣланномъ на синодѣ епархіи Эльна, около Тюлюжа, въ области Русильонъ, въ 1027 году, опредѣлено, чтобы для оказанія подобающей чести воскресенью, никто не смѣлъ на всемъ пространствѣ графства Русильонъ нападать на своего непріятеля, начиная отъ 9 часа (т. е. 3 часовъ по полудни) субботы до перваго часа (т. е. 6 часовъ утра) понедѣльника; чтобы никто не нападалъ на монаха, безоружнаго клерика, на человѣка, идущаго въ церковь или возвращающагося оттуда, на сопровождающаго женщинъ; чтобы никто не нападалъ на церкви и дома, въ разстояніи 30 шаговъ отъ церкви; нарушителямъ этого угрожали проклятіемъ. Ивонъ, епископъ шартрскій, жившій въ концѣ XI столѣтія объясняетъ значеніе этого мира: «Божій миръ установлялся не общимъ закономъ, но отдѣльнымъ договоромъ, для каждаго города, утверждаемымъ епископомъ и церковію; приговоры о нарушеніи мира бывали различны, смотря по условіямъ и опредѣленіямъ, которыя установляла церковь, съ согласія своихъ прихожанъ». Такимъ образомъ самъ народъ, прихожане, подъ покровительствомъ церкви, соглашаются на законъ и клянутся сами исполнять его и принуждать къ этому другихъ. Скоро Божій миръ, установляемый прежде по отдѣльнымъ областямъ провинціальными епископами, подтвержденъ соборами всей западной церкви, напр. на Клермонтскомъ соборѣ 1096 года». Божій миръ впослѣдствіи былъ подтвержденъ и императорскою властію, напр. «Heinrici IV imperatoris constitutio pacis Dei in synodo Moguntina anno 1085 promulgata ([21])» или Heinrici regis Treuga 1230 года; здѣсь объявляется вѣчный миръ для извѣстныхъ мѣстъ и лицъ, запрещается также нарушеніе мира въ извѣстные дни, именно отъ четверга до воскресенья включительно: ст. 1 «Clerici, mulieres, moniales, agricole, mercatores, itineratores, piscatores, Iudei, omni die et omni tempore, firmam pacem habebunt in

---

([21]) Pertz II, 55.

personis et in rebus. Ст. 2: «ecclesiae, cimiteria, aratra, molandina, ville infra sepes suas, eandem pacem habebunt. Strate omnes tum in terra tum in aqua eandem pacem habebunt quam ab antiquitas habuerunt; ст. 3: «quicunque habet manifestum inimicum, et in feria secunda, feria tertia, feria quarta, extra predictas res et loca in persona et non in rebus ledere potest; ita quod eum non capiat. Feria quinta, feria sexta, sabbato, die dominico, omnis homo firmam pacem habebit in personis et in rebus ([23])». Подобное постановленіе повторяетъ и Саксонское Зерцало, кн. 2 арт. 60: «alle dage unde alle tiet salen vrede hebben papen unde geistlike lüde, unde wif unde megede, unde joden, an irme gude unde an irme live, kerken unde kerchove, unde jewelk dorp binnen siner gruve unde sime tune, plüge unde molen, unde des koninges strate in watere unde in velde, die solen steden vrede hebben, unde allet dat dar binnen kumt. Hilge dage unde gebundene dage din sin allen lüden to vrede dagen gesat, dar to in jewelker weken vier dage: die dunresdach unde die vridach, unde die sunavent unde die sundach».

Рядомъ съ установленіемъ Божьяго мира церковною властью и подтвержденіемъ его свѣтскою, мы видимъ также стараніе послѣдней объ утвержденіи земскаго мира; такимъ образомъ устанавливался pax profana наряду съ pax Dei.

Эйхгорнъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе о значеніи земскаго мира. Не должно, говоритъ онъ, смѣшивать общій земскій миръ съ установляемымъ по договору. Первый никогда не былъ договорнымъ, а всегда считался имѣющимъ силу по самому закону; его можно было нарушить разбоемъ и другими насильственными дѣйствіями, наприм. частною войною, которая не была законнымъ образомъ объявлена или начиналась противъ того, для котораго она была запрещена по закону. Постановленія, относившіяся къ общему земскому миру, угрожали наказаніемъ нарушившимъ земскій миръ, повторяли при этомъ старыя, давно закономъ установленныя запрещенія помогать нарушившимъ миръ, укрывать ихъ; противъ нихъ призывалась дѣятельность исполнительной власти. Поэтому очень несправедливо, говоритъ Эйхгорнъ, обвинять тогдашнее государственное устройство за узаконеніе кулачнаго права, если подъ нимъ разумѣть возможность всякой произвольной дѣятельности безъ отвѣтственности за нее по

([23]) Pertz II, 267.

закону. Зло было не въ законахъ, а въ слабости исполнительной власти. Первый источникъ зла былъ въ насиліи могущественныхъ (Reichsstände) противъ менѣе сильныхъ. Первые обыкновенно отказывали послѣднимъ въ правосудіи, императорскій судъ (der kaiserliche Hof) по такимъ дѣламъ произносилъ приговоры, руководствуясь болѣе произволомъ, чѣмъ закономъ, часто онъ былъ безсиленъ что нибудь сдѣлать для угнетеннаго, поэтому насильственныя дѣйствія дозволяются въ смыслѣ репрессалій. Совершенно другое значеніе имѣетъ земскій миръ, утверждаемый по договору; онъ имѣлъ цѣлью поддержать общій миръ. Онъ призывалъ къ обязанности противодѣйствовать всякому насилію, исключалъ даже возможность законной частной войны, обязывая обращаться къ суду ([23]). Подобно Эйхгорну, Цёпфль ([24]) говоритъ, что германскіе императоры установляли земскій миръ въ формѣ договорнаго, подтверждаемаго присягою союза, для поддержанія мира, при этомъ призывали не только къ оставленію дѣйствій, нарушающихъ земскій миръ, но и къ положительной обязанности общими силами противодѣйствовать нарушителямъ мира, такъ наприм. присягали Генриху IV въ 1081 году: «hos vero homines, qui hoc juramento facere noluerint, aut factum violaverint, Heinricum regem, aut suum certum nuntium aut episcopum, aut comitem, qui me ad hoc invitaverit, per rectum fidem adjuvabo devestare, secundum praeceptum regis aut sui certi nuntii.» ([25]). Земскій миръ обыкновенно установлялся только на извѣстное время, или для извѣстной провинціи, рѣже для всей имперіи ([26]), императорская власть была еще безсильна обязать вѣчнымъ и повсемѣстнымъ соблюденіемъ мира. Такъ въ указанной присягѣ Генриху IV присягавшій въ заключеніе говорилъ: «haec omnia per decem annos observabo». Но большей частью земскій миръ утверждался на болѣе короткое время, наприм. на 4 года ([27]). Подобное пріостановленіе самоуправства на время мы встрѣчаемъ и у славянъ, наприм. мы говорили объ увѣщаніи черногорскаго владыки Петра I прекратить всѣ ссоры и не

([23]) Эйхгорнъ III. 118, 119.

([24]) Deutsche Rechtsgeschichte, стр. 525.

([25]) Pertz, II, 53.

([26]) Цёпфль, стр. 525, Вальтеръ I, стр. 390.

([27]) Цёпфль, стр. 525, прим. 15.

мстить другъ другу до Юрьева дня ([28]).—При такомъ значеніи земскаго мира, установленіе Максимиліаномъ 1, на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ въ 1495 году, вѣчнаго земскаго мира представляется событіемъ чрезвычайно важнымъ. Императору наконецъ удалось убѣдить имперскіе чины отказаться отъ дальнѣйшаго употребленія оружія въ рѣшеніи своихъ споровъ; не легко досталось это Максимиліану, ему пришлось для этого сидѣть на сеймѣ два дня, съ утра до вечера, отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера. Различіе между позволенною и непозволенною враждою было уничтожено и всякое дальнѣйшее проявленіе кулачнаго права было объявлено нарушеніемъ мира.

Вотъ что говоритъ постановленіе о вѣчномъ земскомъ мирѣ: «und darauf haben wir alle offen Vehde und Verwarung durch das gantz Reych aufgehebt und abgetan, heben die auch hiemit auf und tun die ab von Römischer küniklicher Macht Vollkumenheit, in und mit Krafft diess Brieffs. Die Friedebrecher sollen mit der That von Recht, zusampt andern Penen in unser und des hl. Reichs Acht gevallen sein... also dass jr Leib und Gut allermennigklich erlaubt, uud niemands daran freueln oder verhandeln sol oder mag ([29])».

Но кулачное право все таки не кончилось вмѣстѣ съ утвержденіемъ вѣчнаго земскаго мира, который существовалъ только на бумагѣ; долго не могли привыкнуть къ мысли, что право частной войны уничтожено. Важнѣйшій случай частной войны, послѣ утвержденія вѣчнаго мира, представляетъ герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, который, за убійство одного своего слуги, напалъ на городъ Реутлингенъ ([30]). Вѣчный земскій миръ былъ подтвержденъ въ 1521 г. въ Вормсѣ, въ 1522 г. въ Нюрнбергѣ, въ 1548 г. въ Аугсбургѣ ([31]). Частныя войны могли кончиться только постепенно, благодаря особенно развитію въ XVI столѣтіи территоріальной власти важнѣйшихъ князей, которые усмирили рыцарское дворянство. Долгое безсиліе постановленій о земскомъ мирѣ выразилось въ извѣстной нѣмецкой пословицѣ, что «не должно вѣрить земскому миру» (dass man dem Landfrieden nicht trauen dürfe).

([28]) Путеш. въ Черногорію Попова, 134, 135.

([29]) Цёпфль 526, прим. 22.

([30]) Ibid. стр. 529, прим. 25.

([31]) Ibid. стр. 527.

V. Тоже самоуправство, что у германцевъ, видно и у славянъ; также какъ у первыхъ, оно и у вторыхъ главнымъ образомъ поддерживалось надеждою на родственную помощь. Это самоуправство начиналось съ момента вызова къ суду: надѣющійся на свою силу и помощь другихъ отклонялся отъ суда, сопротивлялся призывающимъ на судъ. Древніе чешскіе памятники говорятъ объ «отбоѣ» коморнику, который призывалъ на судъ. Въ декретѣ Брячислава I, 1039 года, читаемъ: «qui homicidiis infamantur, comes eos conveniat, et si sint rebelles, in carcerem redigat». Такое сопротивленіе называется отбоемъ въ грамотѣ Святогеоргіевскаго монастыря 1227 года: «poena quae debetur facientibus otboj (31)». Андрей съ Дубы говоритъ «o otbojníciech»: «pakliby ranil neb zabil komorníka, neb úředníka, ihned mu k němu i bez pohonu k hrdlu i k zboži ieho zazeno byti (32).

О взысканіи штрафа за неявку къ суду по тремъ вызовамъ говоритъ второй Литовскій Статутъ (разд. IV, арт. 12).

Объ укрывательствѣ отъ суда и сопротивленіи позову говорятъ и древніе русскіе памятники, напримѣръ Псковская судная грамота: «или паки тоижъ позваный позывницею, не емля оброку, да не станетъ на судъ предъ господою, ино господѣ дать на него грамота, на виноватаго, на 5 день позовникомъ. А кто возметъ грамоту на своего исца, и оного ограмочному поимавъ по грамотѣ, не мучить, не бить, поставить предъ господою. А ограмочному противъ своего исца ни битись, ни колотися; а толко иметъ сѣчися или колотися, да учинитъ головшину, ино быти ему самому въ головшинѣ (33)». Новогородская судная грамота говоритъ о сопротивленіи позовнику цѣлымъ селомъ: «а примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять, ино дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная племеннику его или другу (34)». О мѣрахъ къ постановленію на судъ укрывающагося отъ него отвѣтчика говоритъ и Уложеніе; для этого брали у него крестьянъ и людей и отдавали ихъ на поруки, что они поставятъ въ судъ боярина, а если не было за нихъ поруки,

(31) «О жупныхъ судахъ» статья Иречка въ арх. Калачева за 1859 г., кн. VI, стр. 48.

(32) Wýklad na práwo zemské české ст. 109. Archiv Česky II, стр. 513.

(33) Гражданскіе законы Псковской судн. грам. Энгельмана, 123, 124.

(34) Акты Арх. Экспедиц. I, стр. 72.

сажали ихъ въ тюрьму; противъ ослушника приходилось даже брать приставу стрѣльцевъ, пушкарей и зачинщиковъ, «сколько человѣкъ пригоже, чтобы приставу было съ кѣмъ такова ослушника изымати» (гл. X, ст. 138-141).

Проявленіе самоуправства тяжущихся, поддерживаемыхъ ихъ родственниками и другими близкими, бывало и на судѣ, поэтому древне-славянскіе законодательные памятники запрещаютъ приходить на судъ толпами, съ родными, напр. Вислицкій Статутъ ст. 19: «частокроть пригожается, ижъ нѣкоторыи за своимъ племенемъ, а любо за слугами приходятъ моцъю на судъ и силою права отводятъ; про то приказуемъ мы, абы того далѣй не было». Второй Литовскій Статутъ (разд. IV, арт. 38): «абы нихто... пріятель за пріятелемъ, не смѣлъ въ зброяхъ, кафтанахъ и съ такими бронями, то естъ съ древомъ зо щепомъ зъ ручницою зъ лукомъ и съ кушою и зъ иными всякими, до суду замкового земского приходити и при собѣ мѣти». Третій Статутъ (разд. IV, арт. 52) повторяетъ запрещеніе приходить на судъ съ пріятелями и слугами: «ижъ нѣкоторые станы люди можные звыкли приеждчати до судовъ и врядовъ нашыхъ з великими почты слугъ и приятелъ своихъ, за чимъ тежъ многіе розницы, розрухи и своволеньства межи людьми деютьсе, а убожъшымъ людемъ и о господы, а о покой передъ таковыми трудно бываеть». Этотъ Статутъ (ibid., арт. 53) дозволяетъ входить на судъ «только наболей самъ осмъ, то естъ самъ с прокураторомъ а зъ шестьма приятелъ шляхътичами».

Такія же запрещенія встрѣчаются и въ древнихъ русскихъ памятникахъ, наприм. въ псковской судной грамотѣ: «а на судъ помочью не ходити, лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома, а пособниковъ бы не было ни съ одной стороны... а кто опрочней иметъ помогать, или силою въ судебню полѣзетъ, или подверника ударитъ, ино всадити его въ дыбу ([35])». Г. Кавелинъ, по поводу этой статьи, въ своемъ разборѣ сочиненія г. Михайлова «Исторія гражданскаго судопроизводства до Уложенія», замѣчаетъ, что здѣсь рѣчь вовсе не о повѣренныхъ, которыхъ тяжущійся посылалъ вмѣсто себя на судъ, какъ думаетъ г. Михайловъ, а о тѣхъ лицахъ, которыя приходили на судъ вмѣстѣ съ тяжущимися, чтобы помогать,

---

([35]) Гражд. законы Псков. судн. грам. Энгельмана, стр. 116.

пособлять ему доказывать справедливость своего дѣла. «Этотъ обычай, говоритъ г. Кавелинъ, и до сихъ поръ сохранился во многихъ мѣстахъ, въ деревняхъ, гдѣ не рѣдко къ владѣльцу приходитъ съ тяжущимися нѣсколько другихъ крестьянъ; они не замѣшаны въ дѣлѣ и оно не касается до нихъ; они приходятъ такъ, по дружбѣ, или по *родству* съ истцомъ или отвѣтчикомъ, или просто, безъ всякой основательной причины: принимаютъ участіе въ судѣ, поправляютъ тяжебщика, даже говорятъ за него, хотя бы иной и самъ могъ, не хуже ихъ объяснить, въ чемъ дѣло (36)». Новгородская судная грамота запрещаетъ наводку отъ конца, или отъ улицы, или отъ ста, или отъ ряду, т. е. запрещаетъ ходить къ суду на пособіе (37).

Всѣ эти предупредительныя мѣры имѣли въ виду предотвратить безпорядокъ и самоуправство на судѣ, что доходило иногда до огромныхъ размѣровъ. Г. Дмитріевъ, опредѣляя порядокъ судебнаго поединка по Судебнику, соглашается съ Татищевымъ, что стряпчихъ, упоминаемыхъ при этомъ поединкѣ, можно считать секундантами. «Судебникъ, говоритъ г. Дмитріевъ, самъ дѣлаетъ указаніе на характеръ стряпчихъ, запрещая имъ и поручникамъ держать у себя доспѣхъ, дубины и ослопы. Въ этихъ словахъ видѣнъ прежній характеръ судебнаго поединка, когда онъ былъ настоящимъ боемъ и происходилъ, вѣроятно, не между одними тяжущимися. Законъ старался сгладить съ суда Божія этотъ древній характеръ междоусобнаго боя. Съ этою цѣлью передъ поединкомъ спрашивали у польщиковъ: «кто за ними стряпчіе и поручники»? и за исключеніемъ этихъ лицъ никого болѣе не допускали быть при поединкѣ. Опричныхъ людей велѣно, по Судебнику, отсылать съ поля, а которые не пойдутъ добровольно, тѣхъ сажать въ тюрьму (38)».

О страшныхъ проявленіяхъ самоуправства на судѣ говоритъ ǩad práwa zemského, упоминая объ ударахъ противника по щекѣ (ст. 43), о нанесеніи ему кровавыхъ ранъ (ст. 46), и даже объ убійствѣ его передъ королемъ и полнымъ судомъ (ст. 41) (39).

---

(36) Сочиненія Кавелина III, 162.

(37) Акты Археогр. Экспед. I, стр. 72.

(38) Исторія судебныхъ инстанцій стр. 248.

(39) Archiv Český II, стр. 97-99.

Литовскіе статуты ([40]) говорятъ о томъ, «хто бы кого пхнулъ, або вдарилъ передъ правомъ», или »коли бы хто судью, або сторону на праве зсоромотилъ ([41])». Уложеніе царя Алексѣя Михайловича также упоминаетъ о брани, побояхъ, кровавыхъ ранахъ и убійствахъ на судѣ между тяжущимися (гл. X, ст. 105) и о возможности самому судьѣ потерпѣть все это отъ тяжущихся (гл. X, ст. 106).

Наконецъ самоуправство проявлялось и у славянъ, какъ у германцевъ, при исполненіи судебнаго приговора. Иречекъ, основываясь на постановленіи Řada prawa zemského, говоритъ, «что кому присужденъ выигрышъ тяжбы, кому предоставлено право воспользоваться неявкой въ судъ (práwo stané) обвиненнаго, тотъ вызывалъ противника для того, чтобы сговориться о суммѣ, въ которую онъ оцѣнилъ обиду, нанесенную ему. Это называлось umluwa, сговоръ. Если бы виновный не согласился, то истецъ вводится во владѣніе его дѣдинами чрезъ урядниковъ, что называлось vzvod, inductio super haereditatem». Если бъ виновный не уступалъ и послѣ «vzvoda», то истецъ оставался въ дѣдинѣ и бралъ въ продолженіе извѣстнаго времени доходы, приносимые ею. Это называлось panování, dominatio. Еслибы успѣха не было и отъ «панованія», то наступало окончательное присужденіе и врученіе истцу всего имѣнія въ законное наслѣдственное владѣніе, что и называлось odhadáni (присужденіе) или vdedeni (вводъ въ дѣдину) ([42])». О сопротивленіи исполненію судебнаго приговора говоритъ и 3-й Литовскій Статутъ (разд. IV, арт. 96); если кто нибудь не заплатитъ противнику опредѣленнаго судомъ, къ нему отправляется возный, для ввода его противника во владѣніе его имуществомъ до уплаты долга (порядокъ сходный съ чешскимъ правомъ), «а где бы хто возному увязанья не поступилъ и боронилъ самъ, або черезъ врядника, тивуна, слугъ, бояръ и подъданыхъ своихъ, и чрезъ кого кольвекъ иного».

———

([40]) 1-й, разд. VI, арт. 21; 2-й—IV, 39, 3-й—IV, 62.

([41]) 1-й—VI, 22.

([42]) О жупн. судахъ, Архивъ Калачева 1859 г., VI кн., стр. 60 и 61.

V.

МѢСТНИЧЕСТВО.

Въ заключеніе изслѣдованія о союзѣ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ мы разберемъ проявленіе ея въ древней Россіи въ спорахъ по мѣстничеству «отечественному», какъ называли его царь и патріархъ на соборѣ 1682 г., при уничтоженіи его ([1]); остановимся при этомъ и на опредѣленіи самой сущности мѣстничества, укажемъ на характеристику мѣстническихъ споровъ, на послѣдствія борьбы родоваго начала, лежавшаго въ основаніи мѣстничества съ государственнымъ началомъ—потерку, захуданіе и повышеніе родовъ. Желая представить силу и вліяніе мѣстничества на государственный распорядокъ, мы вычислимъ всѣ возможные случаи мѣстничества, всѣ возможные поводы къ спорамъ о мѣстническомъ старшинствѣ, за тѣмъ укажемъ на постепенныя правительственныя мѣры къ ограниченію мѣстничества и наконецъ на самое уничтоженіе его.

Важнѣйшими источниками для нашего изслѣдованія о мѣстничествѣ были три первые тома Дворцовыхъ Рязрядовъ (четвертый томъ не представляетъ мѣстническихъ случаевъ) и два тома Разрядныхъ Книгъ, изданные II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; Разрядная, напечатанная Валуевымъ въ Синбирскомъ Сборникѣ, имъ изданномъ, ее мы называемъ Валуевскою и Разрядная, напечатанная въ XIII и XIV томахъ Древней Россійской Вивліоѳики Новикова, называемая нами Новиковская; потомъ мѣстническія дѣла, напечатанныя во второмъ и пятомъ томѣ Русск. Историч. Сборника, издав. Моск. Общ. Ист. и Древно-

([1]) Полн. Собр. Зак. т. I., стр. 373 и 375.

стей Россійскихъ. Главнѣйшими пособіями было изслѣдованіе Валуева о мѣстничествѣ, коментарій на изданную имъ Разрядную, напечатанный тоже въ Синбирскомъ Сборникѣ; статья о мѣстничествѣ г. Соловьева, представляющая систематическое изложеніе коментарія Валуева съ нѣкоторыми дополненіями и статьи г. Погодина о мѣстничествѣ въ Историческ. Сборн. (т. 3). Дворцовыми Разрядами и Разрядными Книгами, изданными II отд. Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи никто еще не пользовался для изслѣдованія о мѣстничествѣ, только г. Зернинъ на основаніи Дворцовыхъ Разрядовъ составилъ статью: «Обзоръ споровъ за мѣста по царствованіямъ съ 1613 по 1675 годъ (2)», но онъ ограничивается представленіемъ только хронологическаго изложенія случаевъ мѣстничества въ этотъ періодъ времени.

I. Среди самаго рода, между родственниками было положено начало мѣстничеству: родственники, собираясь вмѣстѣ, занимали мѣста по старшинству, такъ напр. бываетъ до сихъ поръ, при собраніи родственниковъ въ домъ жениха, передъ отъѣздомъ послѣдняго въ домъ невѣсты, для рукобитья съ ея родителями. Передъ своимъ отъѣздомъ женихъ кланяется въ ноги родителямъ, крестному отцу, крестной матери и другимъ старшимъ родственникамъ, которые всѣ благословляютъ его, завернувъ руку въ рукавъ,—за тѣмъ всѣ садятся за столъ. Первое мѣсто занимаетъ священникъ, подлѣ него женихъ, рядомъ съ женихомъ тысяцкій, потомъ слѣдуютъ братья жениха, по другую сторону священника садятся родители жениха, его сестры, зятья и прочіе гости—по старшинству. Авторъ статьи о свадебныхъ обрядахъ въ г. Чердыни, г. Предтеченскій, по поводу этого обряда говоритъ, что «порядокъ въ занятіи мѣстъ и своего рода мѣстничество, во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, до сихъ поръ у русскаго человѣка наблюдается весьма строго (3)».

Если собирались вмѣстѣ, напр. на пиръ, представители разныхъ родовъ, то и здѣсь они занимали мѣста по родовому старшинству, «по отчеству», такъ напр. въ пѣсни о Горѣ Злосчастіи на пиру представляются мѣста бо́льшія, среднія и меньшія, пришедшаго гостя сажаютъ «по отчеству», а когда замѣчаютъ, что онъ тоскуетъ, спрашиваютъ его: «или мѣсто

(2) Арх. историко-юридич. свѣд. Калачева, т. 3.

(3) Пермскій Сборникъ, т. I, стр. 12.

тебѣ не по отчинѣ твоей». Тоже было у другихъ славянъ, пѣсня «Людиша и Люборъ», въ Краледворской Рукописи, говоритъ, что залабскій князь собралъ къ себѣ на празднество всѣхъ пановъ, которые

Za predlúhé stoly sedú
prokny rozenjé dle swého.

Изъ частнаго быта мѣстничество перенесено въ общественный и государственный бытъ: на снемѣ у Любуши лехи и владыки занимаютъ мѣста на томъ же основаніи:

«Kda sie sniechu leši i vladyky
V Vysegradě....
Prokni stupi rozenia dlie svého».

Понятно, что другаго основанія къ размѣщенію, кромѣ происхожденія и старшинства родовъ не могло быть, потому что, какъ мы говорили во введеніи, общественное положеніе опредѣлялось тогда этимъ же началомъ, мы сказали, что основаніемъ градаціи a majori ad minus между кметами, лехами и владыками, приходившими на снемъ, заключалось не во внѣшнемъ ихъ положеніи относительно князя, но въ тѣхъ родахъ, представителями которыхъ они были: чѣмъ знатнѣе, т. е. древнѣе родъ, тѣмъ и значительнѣе, выше его представитель.

Въ древней Россіи право считаться по старшинству родовъ, которымъ опредѣлялось общественное и государственное положеніе, столкнулось съ правомъ князей набирать себѣ слугъ въ дружину и раздавать имъ мѣста и порученія; но русскіе князья, сами занятые между собою родовыми счетами, должны были допустить ихъ между своими дружинниками, наблюдали существовавшія между ними отношенія старшинства и меньшинства и не нарушали произвольно этихъ отношеній. Особенно это было необходимо, когда дружинники были къ своимъ князьямъ въ свободныхъ, договорныхъ отношеніяхъ, когда они пользовались правомъ отъѣзда, тогда недовольные своимъ положеніемъ у князя всегда могли оставить его. Когда московскій князь Юрій далъ первое мѣсто между боярами пріѣхавшему изъ Кіева боярину Родіону Несторовичу, бояринъ Акинѳъ отъѣхалъ изъ Москвы въ Тверь, поднялъ тверичей противъ московскаго князя Ивана, брата Юрія, и осадилъ его въ Переяславлѣ, но Родіонъ зашелъ тверичамъ въ тылъ, разбилъ ихъ и собственноручно убилъ Акинѳа, воткнулъ его голову на копье и представляя ее Ивану Да-

ниловичу, сказалъ: «се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава! ([4])».

Когда свободные княжескіе слуги обратились въ холопей, когда право отъѣзда было уничтожено, мѣстничество все таки продолжалось и князья соблюдали его по прежнему. Служилые чины это право мѣстничаться выговаривали себѣ, хотя косвенно при избраніи царей Бориса и Михаила, такъ напр. они говорили вновь избранному на царство Борису: «также намъ, всему сигклиту, боярамъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести о себѣ никако не хотѣти и не искати.... межъ собою того смотрѣти накрѣпко, чтобы къ Государю въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлѣхъ кручины не приносити никоторыми дѣлы ([5])». Тоже, слово въ слово, они повторили и при избраніи Михаила ([6]). Такимъ образомъ служилые люди обѣщали не кручинить государя въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ, не искать себѣ чести не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, но все это также значило, что они оставляютъ за собою право искать себѣ чести по отечеству и по своему достоинству.

При священномъ вѣнчаніи царей на царство представители церкви напоминали вѣнчаемому объ обязанности его жаловать и беречь своихъ бояръ и вельможъ «по ихъ отечеству», эта обязанность упоминается на ряду съ другими, первыми обязанностями царя къ Богу, церкви и ко всѣмъ подданнымъ, такъ напр. митрополитъ говорилъ Ѳеодору Ивановичу: «имѣй страхъ Божій къ сердцѣ и сохрани вѣру христіанскую греческаго закона; къ нашему смиренію и ко всѣмъ своимъ богомольцамъ, о святомъ Дусѣ царское свое духовное повиновеніе; братію же свою по плоти люби и почитай; бояръ же своихъ и вельможъ жалуй и бреги, по ихъ отечеству; ко всѣмъ же княземъ и княжатамъ, и дѣтемъ боярскимъ и ко всему христолюбивому воинству буди приступенъ и милостивъ и привѣтѣнъ, по царскому своему сану и

([4]) «О мѣстничествѣ» Соловьева въ Московск. Сборникѣ на 1847 годъ, стр. 276.

([5]) Акты Арх. Экспед. II, стр. 39 и 40.

([6]) Собр. государств. грам. и догов. I, стр. 634.

чину, всѣхъ же православныхъ христіанъ блюди и жалуй, и попеченіе имѣй о нихъ отъ всего сердца, за обидимыхъ же стой царски и мужески, не попускай и не давай обидѣти не по суду и не по правдѣ (7)». Тоже, слово въ слово, патріархъ Іовъ говорилъ Борису во время его коронованія (8), слѣдовательно это было общепринятое, необходимое содержаніе подобнаго поученія. Основываясь на этомъ, можно сказать, что мѣстничество получило церковное освященіе.

Оно было и положительнымъ закономъ: первый дополнительный указъ къ Судебнику 1550 г., ограничивая случаи мѣстничества, въ заключеніе говоритъ: «а воеводъ государь прибираетъ разсужая ихъ отечество; и кто того дородился, можетъ ратной обычай содержати (9)».

II. Основываясь на всемъ этомъ, цари наблюдали за сохраненіемъ отношеній, естественно сложившихся между служилыми людьми. Царь Михаилъ Ѳед. приказалъ сказать одному челобитчику, что его назначили, «вѣдая его отечество (10)». Царь Ив. Вас. писалъ въ 1573 г. къ боярамъ, по поводу одного мѣстническаго дѣла, что онъ посылалъ роспись къ нимъ, чтобы они разсудили, какъ воеводамъ быть, и жалуется, что на челобитчика не угодишь: «а нынче есмя къ вамъ роспись послалъ же, а по Иванѣ не угадать, какъ ся ему хочетъ, чтобъ промежъ воеводъ въ нашемъ дѣлѣ розни не было (11)». По поводу одного мѣстническаго дѣла при царѣ Алексѣѣ сказано: «а ихъ воеводъ бояре выбрали по ихъ государскому указу кому съ кѣмъ быти мочно (12)». Имѣя въ виду все это, нельзя не согласиться съ Валуевымъ, который говоритъ, что «государство во всемъ распредѣленіи и назначеніи внѣшнихъ органовъ своей дѣятельности лишь переводило въ свое сознаніе данныя, уже напередъ существующія въ жизни, какъ они развились подъ исключительнымъ преобладаніемъ семейнаго и родоваго начала (13)». Особенно Ва-

(7) Ibid. II, стр. 80.

(8) Дополн. къ Акт. Историч. I, стр. 244, 245.

(9) Акты Историч. I, стр. 251.

(10) Дворц. Разр. I, 470.

(11) Валуевск. Разр. стр. 43.

(12) Разр. Кн. II, стр. 12.

(13) Синбирск. Сборникъ стр. рк.

луевъ распространяется о распредѣленіи мѣстъ въ войскѣ, онъ говоритъ, что «мѣста въ войскѣ не подлежали распредѣленію исполнительной власти; но каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицемъ или лицами, по извѣстнымъ, обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служилыхъ лицъ государства. Верховная власть, особливо же въ началѣ единодержавія московскаго, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то; войско же само собой собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ кому гдѣ и какъ быть и пр. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ: отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ ополченія на 3 или на 5 полковъ, воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстно и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному, внутреннему, обычному закону и отношеніямъ жизни ([14])». Правительству принадлежалъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска, самъ царь иногда предоставлялъ самимъ воеводамъ разсудить, гдѣ кому и съ кѣмъ быть пригоже. Доказательства этому Валуевъ приводитъ изъ одной Разрядной, хранящейся въ Московск. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ, гдѣ, напр. подъ 1493 г. сказано: «а не похочетъ быти кн. Дмитрей з братомъ своимъ, со кн. Семеномъ вмѣстѣ, и кн. Дмитрею быти своимъ полкомъ подлѣ большой полкъ, гдѣ пригоже, а кн. Семену и брату его, кн. Ивану Перемышльскому, быти подлѣ передовой полкъ, на правѣ, или на лѣвѣ, гдѣ похотятъ. А Одоевскимъ княземъ и Бѣлевскимъ и Мезецкому, гдѣ будетъ пригоже, а княземъ быти въ полку, и имъ туто быти, или гдѣ похотятъ ([15])».

И такъ была норма отношеній между служилыми чинами, съ которою должно было соображаться при служебныхъ назначеніяхъ, но жизнь съ ея случайностями часто нарушала строгость этихъ отношеній, такое нарушеніе бывало возможно и по ошибкѣ, по нераспознаваемости этихъ отношеній и по

([14]) Ibid., стр. п҃а и ч҃.

([15]) Ibid. ч҃ и ч҃а.

злопамѣренности назначавшихъ на службу. Царь Иванъ Васильевичъ жаловался на неправильное назначеніе вслѣдствіе злоупотребленія власти, писалъ боярамъ: «и то смутилъ Овчина, написалъ въ томъ разрядѣ въ правой рукѣ третихъ князь Семенъ Гундоровъ; князю Семену Гундорову мощно ли быть больши князя Михаила Курбскаго ([16])». Цари предписывали боярамъ не стыкать одного съ другимъ при назначеніяхъ на службу, напр. царь Ив. Вас. писалъ «чтобы Андрея Салтыкова съ Никитою Плещѣевымъ въ иныхъ государевыхъ дѣлѣхъ не стыкати, чтобъ межъ ихъ ссоры не было ([17])». Но эти стычки все таки постоянно бывали и давали поводъ къ мѣстническимъ спорамъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

III. Мѣстническіе споры происходили отъ столкновенія одного лица съ другимъ, при служебномъ назначеніи, несогласномъ съ естественными отношеніями между ними старшинства и меньшинства, такіе споры бывали возможны во первыхъ между родственниками, когда младшій изъ нихъ получалъ назначеніе по службѣ выше старшаго. «И не точію родъ», говоритъ патріархъ на соборѣ, при уничтоженіи мѣстничества, «егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались ([18])». Потомъ мѣстничество бывало между однородцами, происходившими отъ одного родоначальника, но уже не бывшими въ родствѣ, если одного изъ нихъ назначали выше другаго, несогласно съ отношеніями между ними, по общей для нихъ родовой лѣствицѣ; но однородичи, иногда не обращая вниманія на эти отношенія, относились другъ къ другу, какъ чужеродцы, т. е. считались, судились только по разрядамъ, но все таки съ помощью своихъ родственниковъ; челобитчикъ представлялъ изъ разрядовъ примѣры служебныхъ назначеній своихъ младшихъ родственниковъ на мѣста, которыя по общепринятымъ понятіямъ считались выше тѣхъ мѣстъ, которыя занималъ равный или старшій родственникъ противника, отсюда, по мѣстническимъ понятіямъ слѣдовалъ прямой выводъ, что челобитчикъ выше противника.

([16]) Валуевск. Разр., стр. 43.

([17]) Новиков. Разр. Вивліоѳика XIV, 386.

([18]) Полн. Собр. Законовъ I, стр. 375.

Споры съ чужестранцами, часто пріѣзжавшими на службу къ русскимъ князьямъ, встрѣчались рѣдко, потому что иноземцы не были ни въ какихъ отношеніяхъ къ туземцамъ; назначеніе первыхъ даже на самыя высшія мѣста не приводило въ столкновеніе изстаринныхъ отношеній между туземцами, не могло быть прямымъ доказательствомъ паденія одного рода передъ другимъ, что собственно и бывало причиною мѣстническихъ споровъ; вспомнимъ при этомъ указанное нами объясненіе призванія князей изъ-за моря, напр. Длугоша, который говоритъ, что призвали чужихъ, потому что не хотѣли повиноваться своимъ, поставили въ главѣ себя тѣхъ, которые были чужды родовымъ отношеніямъ съ туземцами. Въ мѣстничествѣ сложилось убѣжденіе, что возможно быть съ кѣмъ нибудь «по иноземству», какъ напр. «Иванъ Петр. Шереметевъ билъ челомъ государю, что кн. Петръ Урусовъ и кн. Юрья Еншинъ крымскіе роды въ московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, кто кого болши или менши, то въ его государевѣ волѣ, хочетъ онъ государь иноземцевъ учинити у себя государя честна и велика, онъ государь учинитъ, а по ся мѣста съ князь Юрьемъ никто въ его версту не бывалъ. И государь, выслушавъ челобитья ихъ, указалъ думному дьяку Ивану Шереметеву сказать, что ему съ князь Юрьемъ быть мочно по иноземству (19)«.

Замѣтимъ при этомъ, что роды, приходившіе въ Москву изъ одного и того же удѣльнаго княжества, продолжали между собою счеты, согласно отношеніямъ, бывшимъ между ними въ ихъ родовомъ княжествѣ, такъ въ 1583 г. Измайловъ билъ челомъ на князя Елецкаго, «что прежъ того Елецкіе князи служили великимъ княземъ рязанскимъ и бывали съ прадѣдомъ его и дѣдомъ и съ иными рязанскими бояры, и бояре приговорили челобитье его въ Розрядѣ записать, а какъ служба минется, счетъ дати (20)».

Обращаясь къ разбору самаго характера мѣстническихъ споровъ, замѣтимъ, что между родичами они, вѣроятно, бывали рѣдко, потому что при назначеніи на службу родственниковъ нельзя было невольно сдѣлать ошибку, по нераспознаваемости отношеній старшинства и меньшинства между ними. Разбирательство такихъ споровъ отдавалось на судъ

(19) Дворц. Разр. I, 112, 113.

(20) Новик. Разр. Вивліоѳ. XIV, стр. 472.

старшихъ родственниковъ, «старымъ родителямъ», т. напр. «кн. Григорей Ромодановскій билъ челомъ государю на племянника своего, на князь Юрья Ромодановскаго, что ему съ нимъ быть невмѣстно, потому что де мнѣ онъ князь Юрья въ роду въ равенствѣ. А князь Юрья Ромодановской билъ челомъ государю на дядю своего, на князь Григорья Ромодановскаго: хотя де онъ князь Григорей мнѣ по родству дядя, а мочно де ему со мною быть, потому что у отца своего осмой сынъ, а я у отца своего первой сынъ, а дѣдъ де мой князь Ив. Петр., отцу его, кн. Григ. Петр., болшой братъ. И государь указалъ кн. Григорью Ромодановскому смотрѣть въ кривой столъ по прежнему, а то ему изволилъ государь сказать: опослѣ де велю васъ счесть старымъ родителямъ вашимъ ([21])». Изъ этого примѣра видно, что дядя могъ быть въ родѣ своемъ равенъ племяннику, даже ниже его, мы укажемъ на причины этого.

Въ мѣстническихъ спорахъ названіе братъ, племянникъ, дядя, имѣли особенное значеніе: братьями назывались всѣ находящіеся въ одной степени отъ общаго родоначальника, племянниками тѣ, которые были степенью ниже, а дядья были степенью выше племянниковъ, какъ бы далеко ни разошлись между собою линіи и хотя бы между ними не могло быть никакого счета родства, даже по Кормчей. Но одинаковая степень не обусловливала равенства мѣстъ между братьями, въ родовой лѣствицѣ каждый былъ больше и меньше другаго извѣстнымъ числомъ мѣстъ, бывали впрочемъ, какъ увидимъ и равные по лѣствицѣ, а также бывшіе ниже степенью могли быть больше мѣстами тѣхъ, которые стояли выше ихъ степенью, т. е. племянники могли быть больше мѣстами дядей.

Каждый родной братъ былъ больше однимъ мѣстомъ слѣдующаго за нимъ брата: «бояринъ Ив. Ѳедор. Сабуровъ больши брата своево родново бояр. Дан. Ѳед., а Дан. Ѳедор. больши брата своево роднова бояр. Василья Ѳед., а Вас. Ѳедор. больши брата своево роднова бояр. Семена Пешка Ѳедоровича Сабурова» ([22]). Двоюродные братья могли быть больше одинъ другаго многими мѣстами: «Ѳедоръ Пильемъ Ивановичъ Са-

---

([21]) Дворц. Разр. III, 302.

([22]) Мѣстнич. дѣло 1602 г. Историч. Сборникъ, II стр. 215.

буровъ больши брата своего двоюродново Замятни Констентиновича Сабурова одиннадцатьми мѣсты» ([23]).

Прямые восходящіе (родной отецъ, дѣдъ) всегда выше своихъ нисходящихъ, по мѣстническимъ понятіямъ сынъ меньше отца тремя мѣстами: «а кн. Петръ Горенской у отца своего первой сынъ и всякой сынъ отъ отца своего четвертое мѣсто» ([24]), «а бояринъ князь Ондрей Сицкой меньши отца своего 7 мѣсты, потому что онъ у отца своего 5-й» ([25]).

Не всѣ дядья, по мѣстническимъ понятіямъ, были больше своихъ племянниковъ, третій дядя равнялся старшему племяннику, царь Ив. Вас. говорилъ: «а по нашему уложенью, перваго брата сынъ четвертому давно въ версту» ([26]). С. М. Соловьевъ справедливо указываетъ причину такого правила въ самомъ физическомъ старшинствѣ между членами семьи, потому что почти всегда въ многочисленной семьѣ только три старшіе брата сохраняли нѣкоторое равенство возраста между собою, а младшіе иногда бывали дѣтьми, когда старшіе уже возмужали, поэтому по смерти отца несовершеннолѣтніе, младшіе братья поступали въ опеку къ старшему брату, который заступалъ для нихъ мѣсто отца, а поэтому четвертый братъ становился братомъ своего старшаго племянника; случалось даже, что у старшаго брата уже былъ сынъ, а младшій, какой нибудь восьмой, девятый сынъ его отца, еще не родился, отъ того старшій племянникъ приходился физически старшимъ своему младшему дядѣ ([27]). При мѣстническомъ правилѣ, что третій дядя равняется мѣстомъ старшему племяннику, понятны подобныя выраженія: «а дядя, государь, мой кн. Андрей Иван. Стригинъ въ роду нашемъ таковъ, что я холопъ твой Митька ([28])», или «а дядя, государь, мой кн. Сем. Дмитр. Палецкой въ родѣ нашемъ меньше меня холопа твоего Митьки тремя мѣсты ([29])».

([23]) Ibid., стр. 218.

([24]) Мѣстнич. дѣло 1609 г. Историч. Сборн., II, стр. 365.

([25]) Мѣстн. дѣло 1625 г., Ibid., стр. 384.

([26]) Валуевск. Разр., стр. 43.

([27]) «О Мѣстничествѣ» въ Моск. Сборн., стр. 303–305.

([28]) Мѣстнич. дѣло 1609. г. Истор. Сборн. II, стр. 277.

([29]) Ibid., стр. 275.

Отъ такого особеннаго счета между племянниками и дядьями дѣдъ челобитчика, конечно, не родной, могъ быть ниже роднаго отца челобитчика: «а дѣдъ, государь, мой кн. Дмит. Ѳед. Палецкой въ роду нашемъ меньши отца моего князя Михайла Ѳедор. Пожарскаго тремя мѣсты (30)», это было возможно, если кн. Пожарскій былъ старшій племянникъ, а кн. Дм. Палецкой его шестой дядя. Дѣдъ могъ быть даже меньше внука, напр. Никита Вельяминовъ билъ челомъ государю въ отечествѣ на Степана Вельяминова, «а сказалъ, что де Степанъ ему Никитѣ дѣдъ, а въ роду у нихъ худъ, а можно де Степану быть въ товарищахъ съ нимъ, съ Никитою (31)». Наконецъ отъ такого счета двоюродные братья могли быть равны, когда родные всегда были одинъ больше другаго: «а князь Петръ Нагой равенъ брату своему двоюродному глазъ въ глазъ (32)». Четвертый сынъ старшаго брата былъ равенъ первому сыну четвертаго брата, потому что четвертый сынъ АБ старшаго брата Б тремя мѣстами ниже своего старшаго брата ДБ, перваго сына старшаго брата Б, а первый сынъ ВГ четвертаго брата Г тоже меньше своего отца Г тремя мѣстами, при этомъ первый сынъ ДБ старшаго брата Б равенъ третьему дядѣ Г, слѣдовательно тотъ (АБ), который меньше перваго только тремя мѣстами равенъ тому (ВГ), который тоже только тремя мѣстами ниже втораго, т. е. четвертый сынъ АБ старшаго брата Б равняется первому сыну ВГ четвертаго брата Г; или если АБ тѣмъ меньше ДБ, чѣмъ ВГ меньше Г, а при этомъ ДБ=Г, то АБ=ВГ. Таковы были особенности счета по родословной лѣствицѣ.

Мы сказали, что однородцы—не родственники считались иногда по общей родословной, а иногда относились другъ къ другу, какъ чужіе, это бывало, смотря по тому, что было выгоднѣе для отыскивающаго свое право, указывать ли на своихъ далекихъ родичей или отказаться отъ нихъ, какъ чужихъ, и замкнуться въ болѣе узкомъ кругу ближайшихъ однородичей; послѣднее бывало выгоднѣе, если далекіе однородичи по разнымъ причинамъ, о которыхъ будемъ говорить, захудали,

(30) Ibid., стр. 284.
(31) Дворц. Разр. III. Дополненіе, стр. 237.
(32) Мѣстнич. дѣло 1602 г. Историч. Сборн., II, 215.

потерпѣли большую потерку и сравнительно съ другими однородцами, даже младшими по лѣствицѣ, уже давно, далеко отступали по разрядамъ, т. е. по служебнымъ назначеніямъ. Князья Вяземскіе въ 1631 г. считали себя однимъ родомъ съ Жижемскими, хотя общій родоначальникъ ихъ былъ, какъ видно изъ родословной книги ([33]), Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха, одинъ изъ князей Вяземскихъ при спорѣ въ 1631 съ Вельяминовымъ доказывалъ: «да въ 88 году, государь, на Велижѣ былъ воевода кн. Михайло Жижемской, а съ нимъ былъ на Велижѣ губной староста Ондрей Вельяминовъ, а Жижемскіе, государь, съ нами однѣ, а по степени меньши насъ, и по тому, государь, случаю больши я Мирона Вельяминова ([34])». Но чаще далеко разошедшіеся родственники переставали считаться по общей лѣствицѣ, объ этомъ вотъ что говорится въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ 1609 г.: «а то, государь, во княженецкихъ родѣхъ есть въ Одуевскихъ и въ Воротынскихъ, отъ большаго брата отъ кн. Мстислава пошли князи Звѣнигородскіе, а отъ меньшаго, государь, брата отъ кн. Семена пошли Воротынскіе да Одоевскіе; да во Ростовскихъ князѣхъ отъ большаго брата отъ кн. Өедора пошли Пріимковы князи, да Бахтеяровы, а отъ меньшаго брата отъ кн. Константина пошли Хохолковы, да Катыревы, да Буйносовы, и тѣ Звѣнигородскіе князи въ своемъ роду по родословцу велики, а лѣсвицею Воротынскихъ и Одуевскихъ князей не безчестятъ, и въ судѣхъ ими не тяжутся, а тяжутся отечествомъ своимъ ближними своими Звѣнигородскими жъ князи, да розряды, и Воротынскими и Одуевскими не считаются; да такъ же и въ Ростовскихъ князѣхъ Пріимковы и Бахтеяровы на судѣхъ въ отечествѣ Катыревыми и Буйносовыми родословцомъ и лѣсвицею съ иными роды не тяжутся жъ, а тяжутся своими ближними да разряды по случаямъ; да и въ иныхъ многихъ родѣхъ, то есть, что отъ большова брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣхъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣ велики живутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу лѣсвицею не тяжутся, а тяжутся по случаѣмъ

([33]) Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ (Бархатная Книга), ч. I, стр. 93–96, 106 и 110.

([34]) Историч. Сборникъ V, стр. 83.

розряды ([35])». Подобное Дворц. Разряды говорятъ о фамиліи Пожарскихъ и Ромодановскихъ ([36]). Даже однофамильцы распадаются на группы, изъ которыхъ одна считаетъ другую чужею и не хочетъ считаться съ нею по общей родословной: «а окольничей Θедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, съ братьею своею, билъ челомъ государю, что тѣмъ братъ его Василей Бутурлинъ безчеститъ, сказывается ему по рѳду великъ, и ему Василью мочно быть менши Θедора, потому что въ родствѣ они съ нами разошлись далече, а служили по Новугороду, и отечество свое истеряли, по многимъ случаямъ, во многихъ мѣстѣхъ, а дѣды его Θедоровы родные, и дядя, и отецъ, по государской милости, отечества своего нигдѣ не истеряли, а на тѣхъ свою братью Новогородцовъ дѣдовъ ихъ и отцовъ государю царю Ивану Васильевичю дѣды ихъ и отцы бивали челомъ, чтобъ государь милость показалъ, имъ Новгородскими потеркою ихъ и находкою считаться не велѣлъ ([37])».

IV. Между чужеродцами мѣстническіе споры бывали чаще однородцевъ, чужеродцы могли вести между собою прямые счеты только службою, разрядами, но каждый изъ нихъ при спорѣ приводилъ свое отношеніе къ своему единородцу, которымъ могъ возвысить себя передъ противникомъ, или отыскивалъ въ противникѣ отношеніе къ единородцамъ, которымъ бы могъ унизить его передъ собою, такимъ образомъ эта мѣстническая борьба, «утягиванье», происходила черезъ посредство родичей изъ обоихъ родовъ.

1. Челобитчикъ отыскивалъ въ родѣ отвѣтчика такого, который былъ больше отвѣтчика, по лѣствицѣ, но меньше его самаго, истца, по разряду: «и ему Ивану (Колтовскому) не токмо что Микиты Гагарина менши быть мочно, и дѣда князь Микитина по многимъ случаемъ болши быть мочно ([38])».

2. Челобитчикъ противополагаетъ равнаго себѣ по лѣствицѣ большему въ этомъ отношеніи противника, но меньшему по разрядамъ равнаго себѣ по лѣствицѣ: «кн. Данило Иванов. Долгорукой билъ челомъ государю въ отечествѣ на

([35]) Историч. Сборникъ II, стр. 269.

([36]) Дворц. Разр I, 443, 444.

([37]) Ibid., стр. 541.

([38]) Разрядн. Книга I, стр. 354, подобное стр. 554 и Валуевск. Разр. стр. 67.

Θедора Ивановича Шереметева, что ему ниже боярина Θед. Иван. Шереметева сидѣть не вмѣстно по тому: былъ де менши князя Θедора Ноготкова дядя Θедоровъ, Θедоръ Васильевичъ Шереметевъ, а язъ де князю Θедору Ноготкову по родству ровенъ въ отечествѣ, а Θедоръ Шереметевъ менши дяди своего, Θедора Васильева сына, тремя мѣсты (39)».

3. Челобитчикъ противополагаетъ противнику меньшаго себѣ по лѣствицѣ, но большаго противника по разряду: «и окольничей Никита Годуновъ билъ челомъ государю на боярина Василья Петровича Морозова, что ему быть съ нимъ не вмѣстно, потому что, въ прошломъ въ 113 году при царѣ Борисѣ, въ сѣверскомъ походѣ былъ въ сторожевомъ полку первой окольничей Ив. Иван. Годуновъ, а въ лѣвой рукѣ первой онъ бояринъ Василей Петровичъ Морозовъ, и былъ въ ту пору окольничимъ, а Иванъ Ивановъ сынъ Годуновъ ему Никитѣ племянникъ и менши его Никиты въ роду своемъ многими мѣсты (40)».

4. Челобитчикъ противополагаетъ отвѣтчику меньшаго себѣ по лѣствицѣ, но большаго по разряду даже того, который больше отвѣтчика по лѣствицѣ: «и Василей Григорьевъ сынъ Ляпуновъ билъ челомъ бояромъ на Василья Чевкина, а говорилъ, что ему менши быть Василья Чевкина нельзя потому: пріѣзжалъ къ государю съ сеунчомъ отъ меншаго брата его, отъ Володимера Прокофьева сына Ляпунова, Θедоръ Чевкинъ, а Θедоръ Чевкинъ въ роду своемъ Василью Чевкину великъ (41)».

5. Челобитчикъ находилъ въ своемъ родѣ и родѣ противника двоихъ, изъ которыхъ къ первому такъ относился челобитчикъ въ своемъ родѣ, какъ ко второму отвѣтчикъ въ своемъ родѣ, но второй былъ ниже по разрядамъ перваго, напр. челобитчикъ указывалъ на своего дѣда и дѣда противника, изъ которыхъ послѣдній былъ ниже по разрядамъ перваго: «и кн. Θед. Елецкой билъ челомъ государю въ отечествѣ на князя Ивана Буйносова и подалъ челобитную съ случьями; а въ челобитной пишетъ, будто де кн. Ивановъ дѣдъ былъ менши его князя Θедорова дѣда (42)».

---

(39) Дворц. Разр. I, 604.

(40) Ibid., стр. 225, 226.

(41) Ibid. стр. 997, подобн., стр. 120.

(42) Ibid. II, стр. 251; под. III, 106; Разр. кн. I, 548.

Обыкновенно для доказательства своей высоты челобитчикъ выбиралъ самаго большаго въ родѣ противника, котораго надѣялся унизить въ отношеніи къ себѣ: «и князь Ѳедоръ Лыковъ сказалъ: для чего было дядѣ моему кн. Ѳедору мимо большово на меньшихъ бить челомъ. Билъ челомъ на большово, хто и ихъ больши, билъ на Ѳедора на Шереметева, ино толи на кн. Дмитрея не билъ челомъ, что мимо ихъ на Ѳедора Шереметева билъ челомъ ([43])».

Иногда били челомъ только потому, что на противника прежде били челомъ другіе, которыхъ челобитчикъ не считаетъ выше себя, на этомъ основаніи билъ челомъ Татевъ на Куракина, но при этомъ разрядный дьякъ замѣтилъ: «которые де бивали челомъ на Куракиныхъ не по своей мѣрѣ, и они въ тюрьмѣ сидѣли ([44])»; когда Засѣкинъ билъ челомъ на этомъ же основаніи на Татевыхъ, «бояре приговорили отказать, что онъ бьетъ челомъ не дѣломъ, указываетъ на чужое челобитье, а не своими случаи бьетъ челомъ ([45])».

Отвѣтчикъ защищался, подобно истцу.

1. Отвѣтчикъ указывалъ въ родѣ челобитчика на меньшаго себѣ по разряду, но большаго челобитчика по лѣствицѣ. Разрядный дьякъ сказалъ Ѳедору Плещееву: «Ѳедоръ! билъ ты челомъ государю на князь Ѳедора княжъ Иванова сына Лыкова, что тебѣ съ нимъ быть невмѣстно, а кн. Ѳедоръ Лыковъ билъ челомъ государю на прадѣда твоего о безчестьѣ и о оборони, и государь о томъ велѣлъ сидѣть бояромъ, и указалъ государь и бояре приговорили, велѣли тебѣ сказать, что и дѣду твоему менши князь Ѳедора Лыкова быть мочно ([46])».

2. Отвѣтчикъ указывалъ на равнаго челобитчику по лѣствицѣ, но меньшаго себѣ по разрядамъ: «искалъ своево отечества кн. Ив. Андр. Ноготковъ на князѣ Андреѣ Петров. Куракинѣ. А на судѣ кн. Андрей Куракинъ послѣ отвѣту билъ челомъ бояремъ да дьяку: пожалуйте, господине, спросите у князя Ивана, каковъ кн. Иванъ въ родствѣ своемъ съ княземъ Ив. Конст. Курлятевымъ, кто изъ нихъ болши къ чюжему роду. И кн. Иванъ Ноготковъ сказалъ: и азъ,

---

([43]) Историч. Сборн. II, 232.

([44]) Дворц. Разр. I, 885.

([45]) Ibid. 886, 897; под. III 111, 119, 154, 178; Дополн. 331, Разр. Кн. I, 85.

([46]) Дв. Разр. I, 250, под. 656.

господине, кн. Иванъ князю Ивану Курлятеву ровенъ глазъ въ глазъ. И кн. Андрей Куракинъ сказалъ: со мною, господине, многажды бывалъ въ меньшихъ, въ томъ, господине, шлюсь изъ виноватыхъ, на государевы разряды (47)».

3. Отвѣтчикъ указывалъ на меньшаго себѣ по лѣствицѣ, но большаго челобитчика по разряду; на этомъ основаніи было рѣшено въ 1582 г. одно дѣло кн. Василья Голицына съ кн. Андреемъ Шуйскимъ: «и ко князю Василью писано отъ государя, что онъ дуруетъ, и какъ онъ считанъ со князь Ив. Петр. Шуйскимъ, и онъ учиненъ меньши кн. Ивана, а до князя Андрея ему какое дѣло? (48)».

4. Отвѣтчикъ указывалъ на меньшаго себѣ по лѣствицѣ, но большаго по разряду, даже большаго челобитчика по лѣствицѣ: «а окольничей Михайло Бутурлинъ билъ челомъ государю на тебя князь Тимоѳея, что ты челобитьемъ своимъ его безчестишь, а мочно де твоему князь Тимоѳееву прадѣду быть съ племянникомъ его Михайловымъ, съ Васильемъ Бутурлинымъ (49)».

Таковъ порядокъ утягиванья и отвѣтовъ по мѣстническимъ дѣламъ, такъ при этомъ родичи опирались другъ на друга, эта помощь была косвенная, страдательная, но кромѣ этого родственники дѣятельно помогали другъ другу въ мѣстническихъ спорахъ, являясь истцами и отвѣтчиками другъ за друга.

V. Часто искали и отвѣчали вмѣсто прямыхъ противниковъ ихъ родичи, потому что повышеніе и пониженіе каждаго родича передъ другими родами было общимъ дѣломъ для всѣхъ его родичей, потому что вмѣстѣ съ нимъ и они всѣ повышались или понижались, поэтому били челомъ братья другъ за друга, старшіе за младшихъ и младшіе за старшихъ, сынъ за отца и отецъ за сыновей, дядя за племянниковъ и племянники за дядей.

Кн. Матвѣй Прозоровскій билъ челомъ въ отечествѣ на Куракина, вмѣсто брата своего Семена, и просилъ дать брату своему судъ на Куракина (50). Василій Бутурлинъ билъ че-

(47) Валуевск. Разр., стр. 86.

(48) Новиковская Разр. Вивліоѳ. XIII т., стр. 321, 322.

(49) Дворц. Разр. III, стр. 97, подобн. Разр. кн. I, 724.

(50) Дворц. Разр. I, 173.

ломъ на Буйносова вмѣсто брата своего большаго ([51]), за младшихъ братьевъ билъ челомъ старшій: «а въ князь Семеново мѣсто билъ челомъ государю большой его братъ родной, кн. Иванъ: на государеву службу братъ мой готовъ; а быти ему менши князь Ивана Ромодановскаго невмѣстно ([52])».

Ѳедоръ Горихвостовъ билъ челомъ на Ладыженскаго въ отечествѣ, вмѣсто отца: «и отцу де моему менши Ладыженскаго быть невмѣстно ([53])».

Кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій говорилъ государю: «велѣлъ ты, государь, князю Хованскому смотрѣть въ большой столъ, а сыну моему, кн. Петру, въ кривой столъ и на Хованскаго бьютъ челомъ Ромодановскіе и тѣмъ бы бытьемъ съ Хованскими сына моего отечеству нашему порухи не было ([54])».

Андрей Дурной билъ челомъ въ отечествѣ на Леонтьева. Государь рѣшилъ, что ему меньше Леонтьева быть можно, «и послѣ того билъ челомъ государю многажды за Андрея дядя его Петръ Дурной-Слѣпой, что они Леонтьевыхъ вездѣ честнѣе бывали ([55])».

Племянникъ искалъ за дядю: «билъ челомъ государю Богданъ Степановъ сынъ Сабуровъ, чтобъ государь милость показалъ, велѣлъ судъ вершити дяди его Семена Ѳедоровича Сабурова съ Буйносовыми ([56])».

Особенная необходимость бить челомъ за родственниковъ встрѣчалась при отсутствіи изъ Москвы оскорбляемаго родственника. «Пушкины били челомъ государю на Волынскихъ въ отечествѣ, что велѣно Ивану Салтыкову быти въ Тобольскѣ да съ нимъ въ товарищѣхъ Ивану Волынскому, а братъ де ихъ родной Петръ Пушкинъ въ тобольскомъ пригородкѣ, на Тюмени ([57])».

Послѣ поданной челобитной призывался челобитчикомъ его старшій родственникъ, болѣе опытный и лучше его умѣющій «считаться». «И кн. Ондрей (Голицынъ) бояромъ ска-

---

([51]) Ibid. III 19.

([52]) Валуевск. Разр., 123.

([53]) Дворц. Разр. II, 206, 207; под. т. III, Дополн., 133.

([54]) Дворц. Разр. II, 543, под. III., 749, Доп. 267. Валуевск. Разр. 105.

([55]) Дв. Разр 185, под. II, 374, III, 157.

([56]) Валуевск. Разр. 146.

([57]) Дв. Разр. I, 929.

залъ: билъ челомъ онъ государю, чтобъ государь пожаловалъ далъ срокъ до дяди его до князя Василья, а безъ дяди ему памятей положить нельзя, что онъ молодъ, считатися безъ дяди не умѣетъ ([58])».

Иногда били челомъ нѣсколько родственниковъ вмѣстѣ, напр. братья, такъ мы приводили челобитную Пушкиныхъ, а также билъ челомъ государю Никита Андреевъ сынъ Вельяминовъ съ братьями.... и брату ихъ Ивану менши князь Ѳедора Борятинскаго быть невмѣстно ([59])», или тотъ же Вельяминовъ билъ челомъ съ братьями за того же брата Ивана и за дядю ([60]). Съ Семеномъ Васильевичемъ Колтовскимъ билъ челомъ на Волынскихъ Дмитрій Ѳедоровичъ Колтовской ([61]). «Искалъ своего отечества Василій Никитинъ сынъ Пушкинъ, да съ нимъ былъ на судѣ Борисъ Ивановъ сынъ Пушкинъ ([62])». Все это напоминаетъ общій порядокъ отыскиванія своего права на судѣ, куда приходили помогать тяжущимся ихъ родственники, какъ мы видѣли въ предыдущихъ главахъ.

Встрѣчаемъ челобитныя цѣлой фамиліи, напр. Безобразовы (Брянскіе городовые дворяне), братья съ племянниками, не хотятъ служитъ со вторымъ воеводою и бьютъ на него челомъ, «потому что ихъ Семенъ ничѣмъ не лучше ([63])».

Подобно тому какъ, при мѣстническихъ спорахъ, родственники искали другъ за друга, они также и отвѣчали, считалось даже несогласнымъ съ достоинствомъ старшихъ родичей отвѣчать самимъ, когда у нихъ были меньшіе, поэтому за отца отвѣчалъ сынъ: «и отвѣчалъ за Якова сынъ его Панкратій Сабуровъ» ([64]); за дѣда внукъ: «отвѣчалъ за дѣда своего, за князь Дмитрія, кн. Василей Ростовской» ([65]); за дядю племянникъ ([66]); за старшаго брата младшій: «а отвѣчалъ за князь Михаила Шугрея, братъ его

([58]) Мѣстнич. дѣло 1582 г. Истор. Сборн., II, стр. 36.

([59]) Дв. Р. III, Доп. 190.

([60]) Ibid. 264.

([61]) Дв. Р. I, 867.

([62]) Ibid. 950, подобн. III. Дополн. 358.

([63]) Ibid. I, 674.

([64]) Валуевск. Разр. 86, Разр. кн. I, 556.

([65]) Валуевск. Разр. 99, под. 100, 104, 105.

([66]) Дв. Разр. II, 28, 29.

меншой» ([67]). Отвѣчать за старшихъ даже приказывалось, напр. «бояре велѣли отвѣчать Василію Тюѳякину за дѣда» ([68]) Обязанность отвѣчать за старшихъ обусловливалась иногда и физическою необходимостью, когда этихъ старшихъ, на которыхъ была направлена челобитная, не было въ живыхъ, а для мѣстническихъ споровъ живой или умершій членъ рода имѣлъ одинаковое значеніе, прямаго противника можно утягивать тѣми и другими. По родовымъ мѣстническимъ понятіямъ можно и безчестить умершихъ родственниковъ: «билъ челомъ вамъ Государемъ я, холопъ вашъ, на князь Данила Долгорукаго въ отечествѣ о оборони, чтобъ родители наши по смерти, а мы, холопы ваши, живы, вашею государскою милостію, отъ князь Данила безчестны и позорны не были» ([69]).

Подобно искамъ сообща и отвѣчали вмѣстѣ, къ прямому отвѣтчику примыкали его родственники, такъ напр. когда кн. Пожарскій билъ челомъ на Бориса Михайл. Салтыкова, отвѣчали Бор. и Мих. Михайловичи Салтыковы, и доказывали, что челобитчику можно быть меньше ихъ ([70]). «Отвѣчалъ и искалъ безчестья своего въ отечествѣ на Васильевѣ прадѣдѣ Пушкина Андрей Плещеевъ, и съ нимъ былъ на судѣ Дмитрей Ивановъ сынъ Репей-Плещеевъ» ([71]). Когда Никита Васильевичъ Годуновъ билъ челомъ на Морозова, на Годунова ударили челомъ Морозовъ и двое Салтыковыхъ, утверждая, что «николи Годуновымъ съ Морозовыми и Салтыковыми не сошлось» ([72]). Когда Чепчюговъ билъ челомъ на Ромодановскаго, къ послѣднему присоединился кн. Дм. Мих. Пожарской, онъ говорилъ, что Чепчюговъ весь родъ ихъ обезчестилъ ([73]). Фамиліи Морозовыхъ съ Салтыковыми, а Ромодановскихъ съ Пожарскими, какъ извѣстно изъ родословныхъ книгъ состояли въ родствѣ. Присоединяющіеся

([67]) Валуевск. Разр. 105.

([68]) Разрядная въ Моск. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ, см. ст. о мѣстнич. Валуева въ Синб. Сборн. стр. ҏа҃.

([69]) Дв. Разр. I. 607.

([70]) Ibid. 121.

([71]) Ibid. 950.

([72]) Ibid. 226.

([73]) Ibid. 210, 211.

къ прямому отвѣтчику его родственники иногда имѣли въ виду доказать, что челобитчикъ можетъ быть ниже даже меньшаго изъ родичей, присоединявшихся къ отвѣтчику; такъ въ первомъ указанномъ примѣрѣ общаго отвѣта, Мих. Мих. Салтыковъ, меньшій сравнительно съ прямымъ отвѣтчикомъ Борисомъ Мих. Салтыковымъ, говорилъ: «мочно Никитѣ Годунову многими мѣсты менши быти меня, Михаилы Салтыкова» (74).

Наконецъ должно замѣтить, что иногда къ отвѣтчику примыкали, «помогаючи ему», и чужеродцы, если считали себя оскорбленными челобитьемъ на прямаго отвѣтчика, потому что признавали себя ниже его, но не ниже челобитчика: «били челомъ Государю Василій Ивановъ сынъ Бутурлинъ, да Матвѣй Ивановъ сынъ Плещеевъ-Колоткинъ, да князь Иванъ княжь Ѳедоровъ сынъ Троекуровъ на Ивана Шереметева о томъ, бьетъ де челомъ на князь Юрья Еншина Иванъ Шереметевъ; а сказываетъ, что будто въ его версту со князь Юрьемъ никто не бывалъ; а мы де холопи твои, прежъ сего со князь Юрьемъ бывали; а Ивана Шереметева мы холопи твои отечествомъ ничѣмъ не хуже, и тѣмъ де Иванъ Шереметевъ насъ, холопей твоихъ безчеститъ; а ему де Ивану не токмо со князь Юрьемъ, и съ нами холопи твоими, быть мочно» (75). Подобно этому, какъ мы указывали, иногда наоборотъ на отвѣтчика били челомъ еще другіе, основываясь на первой челобитной, потому что считали себя не ниже перваго челобитчика и поэтому находили уже невмѣстнымъ быть съ отвѣтчикомъ.

Вслѣдствіе такой солидарности отношеній между различными родами, иногда эти отношенія такъ запутывались, что утягивая прямаго противника, вмѣстѣ съ этимъ приходилось имѣть дѣло очень со многими, что не всегда было легко и не всегда желалось, особенно, когда дѣло могло доходить и до тѣхъ бояръ, которые судили мѣстническіе споры, поэтому мы встрѣчаемъ иногда такія выраженія челобитчиковъ, что «случаевъ у нихъ много, да передъ бояры положить ихъ не мочно, потому что и до многихъ бояръ въ случаяхъ дойдетъ» (76). «Случаевъ де не дамъ по

(74) Ibid. 121.

(75) Ibid. 111, 112; под. 478, 479, 929, 930, III, 154.

(76) Ibid. I, 158.

тому, для многіе ссоры съ своею братьею; и Государь бы пожаловалъ, велѣлъ судъ дать, а приказалъ бы одному боярину судить» ([77]).

Начиная мѣстническое дѣло, искали защиты не только противъ прямаго противника, но и другихъ родовъ: «а отъ него бъ кн. Дмитрія Пожарскаго нынѣ мнѣ холопу твоему тѣмъ его судомъ и тою его грамотою позорну не быть, и впредь бы, Государь, отъ иныхъ родовъ отечеству моему тѣмъ судомъ порухи не было» ([78]).

Имѣя въ виду все это, можно сказать вмѣстѣ съ М. П. Погодинымъ, что «мѣстничество, доведенное до крайности, хотя и естественнымъ порядкомъ, показало, подобно рыцарству, свою смѣшную сторону, нелѣпость, предметъ для Сервантесова романа, когда предъ вступленіемъ въ походъ надо было считаться двухсотлѣтними службами тысячеличныхъ родовъ» ([79]).

VI. Искъ «въ отечествѣ» должно различать отъ иска о «безчестьи и оборони», первымъ имѣлось въ виду возстановить нарушенное право, отстранить неправильное притязаніе другаго лица стать выше челобитчика; а искъ «въ безчестьи и оборони» былъ отвѣтомъ на неправильный искъ «въ отечествѣ», потому что въ послѣднемъ выражалось притязаніе унизить соперника, стать выше его. Вотъ какъ опредѣляетъ «искъ въ безчестьи» въ 1588 г. кн. Дмитрій Хворостининъ, онъ говоритъ: «потому бью челомъ на князь Михаила (Кашина) о безчестьи, что тѣмъ меня кн. Михайло обезчестилъ, что не хочетъ со мною въ меншихъ быть» ([80]).

Счетъ въ отечествѣ всегда происходилъ между тѣми, которымъ «доставало» другъ до друга, а искъ въ безчестьи былъ всегда обращаемъ на прямаго противника, какъ виновника въ фактѣ челобитья, такъ напр. кн. Семенъ Пріимковъ Ростовской ищетъ вмѣсто своего дяди безчестья на челобитчикѣ противъ дяди, на кн. Романѣ Пожарскомъ, а «отечества своего кн. Семенъ искалъ на князѣ Романовѣ дѣдѣ Пожарскомъ» ([81]), или «Семенъ подалъ на судъ челобитную въ

([77]) Ibid. 410.

([78]) Мѣстнич. дѣло 1609 г. Историч. Сборн. II, 270.

([79]) Историч. Сборн. III, стр. 279.

([80]) Валуевск. Разр. 99.

([81]) Дв. Разр. II, 28, 29.

отечествѣ о безчестьи на кн. Василья, а другую челобитную подалъ въ отечествѣ на дѣда на князь Васильева, на кн. Бориса на Трусяку» ([82]). Въ искахъ о безчестьи также какъ и при искахъ въ отечествѣ за старшихъ, представителями ихъ были младшіе родичи: сынъ за отца ([83]), племянникъ за дядю ([84]), иногда искали безчестья нѣсколько родственниковъ вмѣстѣ, напр. Вас. Петр. Шереметевъ съ дѣтьми и племянниками искалъ безчестья на Плещеевыхъ ([85]), или «окольничей Ѳед. Васильев. Головинъ да племянникъ его окольничей же Семенъ Васильев. Головинъ били челомъ Государю на Ивана Карамышева въ безчестьѣ о оборони, что Иванъ Карамышевъ челобитьемъ своимъ ихъ обезчестилъ» ([86]).

Иски въ отечествѣ и въ безчестьи имѣли различныя послѣдствія, по первому давался судъ и возстановлялось право, что выражалось иногда въ символическомъ дѣйствіи, въ выдачѣ головою отвѣтчика, это представляется уже наказаніемъ; но справедливо о выдачѣ головою замѣчаетъ Валуевъ, что это было только самое крѣпкое, а потому символическое утвержденіе меньшинства одного лица предъ другимъ ([87]) Искъ же о безчестьи, если признавался справедливымъ, велъ за собою наказанье противнику (батоги, тюрьма, денежное взысканіе). «Царь и вел. кн. Романа Бутурлина пожаловалъ, велѣлъ Кузмина бити батоги за Романова безчестья въ Болховѣ передъ розрядною избою. А за отечество велѣлъ ево выдати головою Роману Бутурлину» ([88]).

Вслѣдствіе родственной солидарности выдавали головою вмѣсто отсутствующаго самаго прямаго противника, выигравшаго искъ, его родственнику: «и указалъ Государь тебя, за Прозоровскихъ безчестья, послать къ кн. Иванову брата Семеновича къ четвертому, къ кн. Петру меншому Прозоровскому, на дворъ головою» ([89]).

([82]) Валуевск. Разр. 97.
([83]) Дв. Разр. I, 327.
([84]) Ibid. 138, под. II, 28, 29. Разр. кн. I, 1157.
([85]) Дв. Разр. III, 303.
([86]) Разр. Кн. I, стр, 728.
([87]) Статья о мѣстнич. въ Синб. Сборн., стр. рнi.
([88]) Ibid.
([89]) Дворц. Разр. III, Доп. 160.

Если было нѣсколько челобитчиковъ—родственниковъ по какому нибудь дѣлу, и отвѣтчикъ подавалъ искъ въ безчестьи, то всѣ челобитчики вмѣстѣ подлежали взысканію, такъ напр. за безчестье Волконскихъ Никифора Воейкова приказано посадить въ тюрьму, а съ другихъ Воейковыхъ, потому что Никифоръ билъ челомъ съ братьею, взыскать денежный штрафъ («доправить безчестье») (90). За безчестье кн. Хилкова его противника Михаила Плещеева били батогами и посадили на 3 дня въ казенку, а старшаго брата Михаила, Андрея Плещеева, посадили въ тюрьму на 5 дней (91); при этомъ замѣтимъ, что Андрей не упоминается челобитчикомъ, вмѣстѣ съ братомъ, поэтому не наказывали ли здѣсь старшаго брата за то, что онъ не остановилъ отъ явно несправедливаго челобитья своего младшаго брата?

Наконецъ замѣтимъ, что въ силу тѣхъ же родственныхъ отношеній и количество денежнаго штрафа за безчестье опредѣлялось этими же отношеніями, напр. въ вознагражденіе безчестья опредѣлена половина оклада, получаемаго дѣдомъ обезчещеннаго (92).

VII. Родъ, всегда готовый на защиту своей чести, имѣлъ и особенныя средства для доказательства правъ на мѣста своихъ сородичей, для опредѣленія ихъ отношеній другъ къ другу и чужеродцамъ—частныя, фамильныя разрядныя книги, родословныя, списки служилыхъ лицъ и лѣтописи. О частныхъ разрядныхъ книгахъ и запискахъ о мѣстническихъ случаяхъ говорится на соборѣ 1682, при уничтоженіи мѣстничества: «и что еще есть въ Розрядѣ случаевъ и о мѣстахъ записки, а у кого такія жъ книги и записки, и тѣ присылали бы въ Розрядъ». «И имѣющіи въ домѣхъ своихъ книгъ и всякихъ писемъ, належащихъ къ прежде бывшимъ отечествъ ихъ случаямъ, въ Розрядъ по сему царскому повелѣнію не принесутъ и будутъ держать у себя дома, или гдѣ индѣ какимъ ни есть образомъ и тѣ бы опасались тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва (93)». Объ этихъ частныхъ разрядахъ въ предисловіи къ Дворцовымъ Разрядамъ, изданнымъ въ

(90) Полн. Собр. Закон. I, стр. 287.
(91) Дворц. Разр. III, 114.
(92) Дворц. Разр. III, Дополн., стр. 384.
(93) Полн. Собр. Закон. I, стр. 376.

1850 г., говорится слѣдующее: «многіе служилые люди составляли для себя изъ оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ выписки, по которымъ могли видѣть всю исторію службы своего рода. Сіи выписки служили имъ, и руководствомъ въ службѣ, и доказательствами ихъ правъ въ спорахъ по мѣстничеству; но по тому самому въ нихъ заключаются только сокращенія, часто весьма не полныя, настоящихъ книгъ разрядныхъ, и какъ составленныя съ цѣлію означить и возвысить службу одного какого либо рода, иногда не совсѣмъ вѣрныя. Изъ дѣлъ по мѣстничеству видно, что сіи принадлежавшія частнымъ людямъ книги не рѣдко, по древнему выраженію, «облыгали» оффиціальные разряды, представляя выписки лишь тѣхъ постановленій, которыя были выгодны для служебныхъ отношеній одного рода и пропуская все то, что было несогласно съ его требованіями на преимущество (94)». И. Д. Бѣляевъ въ статьѣ своей «О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей» указываетъ на 5 открытыхъ имъ фамильныхъ разрядныхъ книгъ, въ которыхъ обозначены и фамиліи или роды, составившіе ихъ (кн. Ромодановскаго, Пушкиныхъ, кн. Солнцева-Засѣкина, Собакиныхъ, Кикиныхъ) (95).

О частныхъ родословныхъ также упоминается на соборѣ 1682 г., на которомъ опредѣлено на память родамъ по уничтоженіи мѣстничества, составить въ Разрядѣ родословную книгу, «также и въ домѣхъ своихъ такія родословныя книги держать по прежнему (96)». Въ предисловіи къ изданнымъ во Временникѣ (кн. 10) родословнымъ книгамъ сказано о спискахъ ихъ, что они частные, составленные родословными фамиліями для мѣстническихъ счетовъ, что они не рѣдко разнятся между собою не только въ частностяхъ, но даже въ цѣлыхъ родахъ, такъ въ одномъ спискѣ нѣтъ извѣстныхъ родовъ, которые упоминаются въ другомъ спискѣ, и на оборотъ въ другомъ спискѣ не помѣщены роды, находящіеся въ первомъ спискѣ, этого не могло бы быть въ оффиціальныхъ спискахъ; въ этихъ родословныхъ находимъ краткую исторію старинныхъ боярскихъ и княжескихъ родовъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ ее представляли себѣ роды, что не такъ за-

---

(94) Дворц. Разр. т. I. Предисловіе, стр. XI.

(95) Временникъ кн. V, стр. 16.

(96) Полн. Собр. Зак. т. I, стр. 376.

мѣтно въ оффиціальной родословной книгѣ. Спорившіе по мѣстническимъ дѣламъ иногда показывали помимо оффиціальной родословной книги, государевыхъ родословцевъ, напр. когда нѣкто Полевъ сказалъ, что «Измайловыхъ родства въ государевыхъ родословцѣхъ и не сыскали», Артемій Измайловъ отвѣчалъ: «того онъ не вѣдаетъ, родство ихъ въ государевыхъ родословцѣхъ есть ли или нѣтъ, да только они Измайловы по своему отечеству и по разрядомъ больши Ивана Полева ([97])», слѣдовательно кромѣ государевыхъ родословцевъ были другія средства знать о родовыхъ отношеніяхъ разныхъ фамилій—частныя родословныя.

Изъ фамильныхъ родословныхъ и разрядовъ составлялись служебные перечни предковъ, а также и представителей другихъ фамилій, по годамъ и царствованіямъ; они составлялись также для мѣстническихъ цѣлей того и другого рода, и поэтому не всегда бывали похожи другъ на друга. Образецъ такого списка бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ съ 1578 г. до царствованія Ѳедора Алексѣевича напечатанъ въ Архивѣ Калачева (кн. 2, полов. 1).

О частныхъ фамильныхъ лѣтописяхъ Ив. Дм. Бѣляевъ въ статьѣ «О разныхъ видахъ русскихъ лѣтописей» говоритъ, что онѣ составлялись въ родахъ и фамиліяхъ служилыхъ людей съ цѣлію, чтобы имѣть въ виду государственную службу составителей или ихъ предковъ и родичей, а также службу и тѣхъ родовъ, съ которыми составители могли быть въ соприкосновеніи по службѣ. Эта цѣль уже опредѣляетъ самое значеніе и составъ фамильныхъ лѣтописей. Въ сихъ лѣтописяхъ по преимуществу записывались только тѣ событія и распоряженія правительства, въ которыхъ участвовала служба и которыя какимъ либо образомъ относились къ службѣ ([98])». Въ предисловіи къ лѣтописи Нормантскаго г. Бѣляевъ говоритъ, что этотъ лѣтописецъ, какъ принадлежащій къ разряду фамильныхъ лѣтописей, преимущественно заботится объ указаніяхъ на разряды полковъ, и на другія служебныя распоряженія для того, чтобъ быть справочною книгою въ мѣстническихъ счетахъ. А по сему въ немъ описаніе собственно событій большею частію кратко, и даже иногда темно и не-

---

([97]) Мѣстнич. дѣло 1600 г. Историч. Сборн. II, стр. 213.

([98]) Временникъ кн. V, стр. 10.

достаточно, разряды же и вообще служебныя распоряженія предпочтительно описаны съ большею отчетливостію ([99]).

VIII. Результатомъ мѣстнической борьбы была побѣда или пораженіе, потерка. Всякая потеря одного члена рода передъ чужимъ родомъ должна была въ соотвѣтствіи понижать и всѣхъ остальныхъ родичей, поэтому, какъ мы уже замѣчали, удержавшіеся на прежней степени или даже поднявшіеся, отдѣлялись отъ остальныхъ, хотя бы были младшею вѣтвію рода, и зачинали собою новый родъ, который прекращалъ съ потерявшими по разрядамъ, хотя бы и старшею вѣтвію своего рода, счеты по общей родословной лѣствицѣ, первые относились ко вторымъ, какъ чужіе, считались только по разрядамъ: «а что по родословцу Василей Клепикъ Бутурлинъ да Иванъ Бутурлинъ пошли отъ болшово брата, и Ѳедоръ Бутурлинъ пошолъ отъ меншова брата, и послѣ тово родители Василья и Ивана Бутурлина потеряли многими потерками ([100])». Послѣ сказаннаго понятно слѣдующее мѣсто изъ одного мѣстническаго дѣла 1609 г.: «кн. Михайло Гвоздевъ великъ по родству кн. Михайлу Темкину, что отецъ, а по разряду кн. Михайло Гвоздевъ меньши сталъ кн. Михайла Темкина, что сынъ, а лѣствицею межъ себя въ отечествѣ не считаются, а считаются розряды въ отечествѣ кому съ кѣмъ сошлось, да и чужими роды Гвоздевы князи ([101])».

Родичи, опасаясь потерпѣть отъ потерки одного изъ нихъ и видя несправедливость этой потерки, помогали своему сородичу отыскивать свое право, или защищали его, какъ отвѣтчика, объ этомъ мы уже говорили, а иногда они протестовали противъ сородича, что онъ сознательно, напр. по дружбѣ съ противникомъ, допустилъ такую потерку. Въ 1598 г. билъ челомъ государю кн. Ѳедоръ Ноготковъ, во всѣхъ Оболенскихъ князей мѣсто, что ихъ сородичъ, кн. Александръ Репнинъ, по дружбѣ (по свойству, какъ говоритъ объ этомъ случаѣ мѣстническое дѣло кн. Лыкова съ кн. Пожарскимъ въ 1609 г.) ([102]) съ кн. Ив. Ситцкимъ, былъ съ нимъ на службѣ меньше его и не билъ челомъ въ отечествѣ, «государь

([99]) Ibid, стр. III.

([100]) Разр, кн. I, стр 940.

([101]) Историч. Сборн. II, 362.

([102]) Ibid. 277.

бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ то челобитье записать, чтобъ всѣмъ ихъ роду Оболенскимъ княземъ въ отечествѣ порухи и укору не было отъ чужихъ родовъ тѣмъ кн. Александромъ Репнинымъ воровскимъ нечелобитьемъ». Государь велѣлъ записать въ розрядъ, «что кн. Александръ Репнинъ былъ на государевѣ службѣ въ его государевѣ походѣ, со княземъ Иваномъ Ситцкимъ по дружбѣ, и кн. Александръ Репнинъ кн. Ивану виноватъ одинъ, и роду его всѣмъ княземъ Оболенскимъ въ томъ порухи въ отечествѣ нѣтъ никому ([103])». Потерка считалась такимъ большимъ несчастіемъ, что несправедливо обвиненный на судѣ въ отечествѣ готовъ былъ все бросить и заключиться въ монастырь. Въ 1582 г. искалъ своего отечества Михайло Безнинъ на Василіи Зузинѣ и «берегучи Василья бояре передъ Михаиломъ оправили и Михайло Безнинъ отъ той боярской обвинки хотѣлъ постритца. И государь того дѣла смотрѣлъ и Михайла пожаловалъ, велѣлъ дать на Василья правую грамоту ([104])».

Валуевъ отъ потерки отличаетъ «захуданіе»; при первой родъ, удерживая себя въ общемъ служебномъ распорядкѣ, понижался или терялъ опредѣленно столькими-то мѣстами, а «захуданіе» происходило отъ продолжительнаго отсутствія рода въ государевыхъ разрядахъ, тогда всѣ отношенія его какъ бы утрачивались и забывались, ни кѣмъ не представляемыя въ дѣйствительности, а старыя отношенія прародителей дѣлались не возстановимы и не распознаваемы послѣ такого долгаго перерыва, такъ что такой родъ или вѣтвь рода, вступая снова въ разряды государевы, долженъ былъ снова начинать все построеніе своей чести. Этотъ родъ, если и «не терялъ» нигдѣ,—«худѣлъ» или «захудалъ» ([105]). «А Рыбины, государь, Пронскіе передъ своими родители захудали, а кн. Михайловъ (Рыбинъ-Пронской) дѣдъ, князь Иванъ, и прадѣдъ, кн. Василей, служили по Дорогобужу; а которые служили въ городѣхъ, и такіе на родителей нашихъ не бивали челомъ ([106])».

Родъ могъ и повышаться передъ другими родами, если разрядныя отношенія не только соотвѣтствовали прежнимъ

([103]) Валуевск. Разр. 137.
([104]) Ibid., 80.
([105]) Синбирск. Сборн. ҏлг.
([106]) Дворц. Разр. II, 74.

родовымъ отношеніямъ, но и подвигали ихъ нѣсколькими единицами впередъ разрядною высотою одного или нѣсколькихъ родичей, не въ прежнюю мѣру передъ другими родами, когда такимъ образомъ возвышаемый родъ становился выше того отношенія къ другимъ родамъ, которое наслѣдовано отъ предшествовавшихъ имъ родичей. Родъ могли поднять старшіе и младшіе родичи. При возвышеніи по разрядной лѣствицѣ младшихъ членовъ рода, Валуевъ ([107]) различаетъ два случая, когда при возвышеніи младшими себя, а слѣдовательно и всего рода, старшіе родичи не были на службѣ и въ разрядѣ по болѣзни, семейнымъ дѣламъ, по управленію вотчинами и т. п., или когда и старшіе при этомъ также служили. Въ первомъ случаѣ старшіе поднимались вмѣстѣ съ младшими, въ свою мѣру передъ ними. Когда тѣ и другіе были въ разрядахъ, то ихъ взаимныя отношенія разрядныя должны были въ строгости соотвѣтствовать ихъ родовымъ отношеніямъ, если же младшіе поднимались такъ, что становились выше тѣхъ, съ которыми бывали ихъ старшіе, то это являлось нарушеніемъ правъ старшихъ родичей; такимъ возвышеніемъ своихъ младшихъ передъ другими и передъ собою старшіе не могли пользоваться, не могли поднимать себя высотою младшихъ, потому что это значило бы пользоваться нарушеніемъ собственныхъ правъ одними родичами, для возвышенія передъ другими, чужеродцами. Тогда старшіе и младшіе переставали считаться между собою по родословной и относились другъ къ другу, какъ чужіе, отъ этого произошло правило, на которое мы уже указывали: «да и въ иныхъ многихъ родѣхъ то есть, что отъ большово брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣхъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣ велики живутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу лѣсвицею не тяжутся, а тяжутся по случаѣмъ розряды ([108])». Для собственной своей чести старшіе, но потерявшіе по разрядамъ, не считались по родословной съ младшими, но поднявшимися по разрядамъ, потому что иначе это было бы съ ихъ стороны сознаніемъ, что они не съумѣли устоять на своей высотѣ, относительно къ младшимъ, что не соблюли своей чести, а это считалось безчестіемъ и

([107]) Синбирск. Сборн рма-рмг.

([108]) Историч. Сборн. II, 269.

для прародителей ихъ: «Гвоздевы лѣствицею тою никакъ ни съ коими чужими роды въ отечествѣ не считаются, и родителей своихъ Ростовскихъ князей тѣмъ никакъ не худятъ, что они въ родствѣ своемъ по лѣствицѣ больши Катыревыхъ и Темкиныхъ ([109])».

IX. Подъ вліяніемъ мѣстничества образовались служебно-знатные роды, которые не всегда бывали самые знатные по происхожденію, не самые старшіе, но передъ ними должны были отойти на заднiй планъ и болѣе старшіе по своему происхожденію, если послѣдніе отстали отъ другихъ родовъ путемъ потерокъ и захуданія, а первымъ посчастливилось обогнать другихъ на разрядныхъ степеняхъ.

Одни роды постоянно бывали на самыхъ первыхъ разрядныхъ мѣстахъ, а другіе не доходили и до среднихъ. Въ 1622 г. было объявлено Гагаринымъ: «никто въ Гагариныхъ въ воеводахъ не бывали, вездѣ въ старостахъ въ губныхъ и въ городовыхъ прикащикахъ ([110])». Между тѣмъ члены другихъ родовъ постоянно являлись на высшихъ служебныхъ степеняхъ, такъ напр. Головинъ отказался принять даже чинъ окольничаго, потому что его родители бывали только въ боярахъ ([111]). Кн. Туренинъ говорилъ про Косаткиныхъ: «а кн. Богданъ Косаткинъ и отецъ его и родители его Косаткины князи городовые, нигдѣ въ разрядѣ не бывали и вездѣ отъ ихъ братьи въ головахъ и у иныхъ дѣлъ бывали ([112])».

Понятна вся разница между такими родами и невозможность между ними мѣстническихъ счетовъ, кѣмъ, напр., изъ Гагариныхъ можно было утянуть кого нибудь изъ Головиныхъ, когда первые бывали только въ губныхъ старостахъ и прикащикахъ, а послѣдніе и окольничество считали себѣ безчестьемъ. При такой разницѣ между родами родичи высоко стоявшаго по разрядамъ рода никогда не бывали съ родичами низко стоявшаго рода, поэтому стали возможными такія заявленія на мѣстническомъ судѣ: «что родители его ни съ кѣмъ съ Волконскими не бывали ([113])», «что николи

([109]) Ibid., 362.
([110]) Дворц. Разр. I, 501.
([111]) Ibid. III, 226—228.
([112]) Разр. Кн. I, 931.
([113]) Дворц. Разр. I, 316.

Годуновымъ съ Морозовыми и Салтыковыми не сошлось, мочно Никитѣ Годунову многими мѣсты менши быть меня Михайлы Салтыкова ([114])», «съ Татевымп съ меньшими Щербатые большіе бывали въ меньшихъ вездѣ ([115])». Встрѣчаемъ и судебные приговоры, подобные этимъ заявленіямъ: «вамъ Колтовскимъ съ Волконскими мочно быть всегда, потому что Волконскіе васъ вездѣ честнѣе бывали ([116])»; «а быть тебѣ (Хилкову) съ бояриномъ съ Иваномъ Петровичемъ (Шереметевымъ) мочно: всегда вы (Хилковы) менши Шереметевыхъ бывали ([117])»; «и лучшіе ваши Плещеевы вездѣ менши Шереметевыхъ бывали ([118])».

«Мѣстническій распорядокъ, разъ установившись, говоритъ Валуевъ, и передвигая въ своемъ круговращеніи одни и тѣже родовыя звѣнья (при сравнительной немногочисленности новыхъ вступающихъ звѣньевъ), необходимо долженъ былъ выработать отношенія своихъ членовъ до большей опредѣленности и окончательно привести къ извѣстнымъ разрядамъ между ними и къ тому раздѣленью родовъ, которое мы находимъ въ Котошихинѣ, на роды боярскіе, окольничіе и пр. ([119])». Котошихинъ указываетъ «на роды, которые бываютъ въ боярѣхъ, а въ окольничихъ не бываютъ: роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и въ боярѣхъ.... а бывъ въ спальникахъ, бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе; роды жъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ и окольничихъ изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ и изъ дворянъ; и тѣ роды болши тоѣ чести не доходятъ».

Вслѣдствіе всего этого одинъ родъ стоялъ въ отношеніи къ другому, какъ старшій, господинъ его: «да билъ ты (Нащокинъ) челомъ тѣмъ, будто съ вашими родители бывали Годуновы и Сабуровы; и билъ челомъ Государю Алексѣй Никитинъ сынъ Годуновъ съ братьею да Петръ Григорьевъ сынъ

([114]) Ibid. 226.

([115]) Историч. Сборн. II, 107.

([116]) Дв. Разр. I, 910.

([117]) Ibid. II, 180.

([118]) Ibid. III, 303.

([119]) Синб. Сборн. ҏ҃г.

Сабуровъ съ братьею на тебя о безчестьѣ, что тѣмъ ты ихъ обезчестилъ. И государь указалъ тебѣ Ѳедора за ихъ безчестья велѣлъ посадить въ тюрьму, да и впредь тебѣ тѣхъ господъ своихъ въ случаяхъ не подавать ([120])». Замѣтимъ при этомъ, что если меньшіе называли старшихъ братьями, это считалось бранью: Волынскіе «бранились», какъ сказано въ Разрядѣ, съ бояриномъ Рѣпнинымъ и называли его своимъ братомъ. Рѣпнинъ билъ челомъ государю о безчестьи и государь указалъ сказать Волынскимъ, что они называли Рѣпнина своимъ братомъ и тѣмъ его обезчестили, потому что имъ можно быть и меньше внука Рѣпнина ([121]).

Наконецъ существовало различіе между людьми родословными и неродословными, послѣднимъ не давали суда и счета съ первыми: «и бояре приговорили Волконскимъ сказать, что они на боярина Петра Петровича Головина въ отечествѣ били челомъ не дѣломъ, люди они неродословные, а по государеву указу, неродословнымъ людямъ съ родословными людми суда и счету въ отечествѣ не бывало....а за службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и денгами, а не отечествомъ ([122])». Поэтому понятно желаніе нѣкоторыхъ сомнительно родословныхъ примкнуть къ родословному роду, чтобы успѣть въ мѣстническомъ счетѣ, и стараніе ихъ противниковъ опровергнуть это. Такъ Лукьянъ Башмаковъ билъ челомъ на Загряскаго, «что они люди родословные, а Загряскіе де люди неродословные, а причитаются они Башмаковы къ Воронцовымъ—Вельяминовымъ одного рода. А Загряскіе били челомъ, что они Башмаковы Смольняня, земцы, и ихъ де тѣмъ безчестятъ ([123])».

X. Таково мѣстничество, какъ дѣло родовое, съ его родовыми счетами и послѣдствіями для цѣлыхъ родовъ. Для каждаго родича было опредѣленное мѣсто въ отношеніи къ сородичамъ, каждый родъ могъ опредѣлить свое отношеніе старшинства или меньшинства къ другимъ родамъ. Всѣ эти взаимныя родовыя отношенія находили приложеніе въ государственной службѣ, которая тоже представляла множество мѣстъ—одно старше другаго; искомою, желаемою нормою бы-

---

([120]) Дворц. Разр. II, 314, 315.
([121]) Ibid., 624.
([122]) Ibid. I, 223, 224. под. III, 340. 905
([123]) Дворц. Разр. II, 17.

ло соотвѣтствіе первыхъ мѣстъ со вторыми. На всѣхъ видахъ государственной службы были старшія и младшія мѣста, поэтому мѣстничество имѣло широкое приложеніе; мы укажемъ на всѣ эти мѣста разныхъ родовъ государственной службы— гражданской, посольской, военной, придворной; вычислимъ, на основаніи Дворц. Разрядовъ и Разрядныхъ книгъ, изд. II отд. Собств. Его Имп. Велич. Канц., а также по Валуевской и Новиковской, всѣ разнообразные случаи стычки, когда отношеніе родовое между двумя лицами не совпадало съ отношеніемъ мѣстъ государственной службы, на которыя они назначались вмѣстѣ, одинъ на старшее, другой на младшее мѣсто.

Эти мѣста были вопервыхъ въ царской думѣ, гдѣ, по свидѣтельству Котошихина, бояре, окольничіе и думные дворяне сидѣли по чинамъ, каждый чинъ отдѣльно, но члены одного чина садились по роду своему и по чести, «кто кого честнѣе породою, а не по службѣ, и не потому, кто кого старѣе въ чину, хотя кто и сегодня пожалованъ, наутріе по породѣ своей учнетъ сидѣти выше». Поэтому была возможность мѣстничать въ царской думѣ. 9 февраля 1652 г. думный разрядный дьякъ объявилъ боярину Григ. Гавр. и окольничему Степ. Гавр. Пушкинымъ: «Ноября въ 22 день сидѣлъ Государь съ бояры, и вы въ тое пору бранилися съ бояриномъ съ кн. Юрьемъ да съ окольничимъ со кн. Дмитреемъ Алексѣевичи Долгорукими и били челомъ вы Государю, что вамъ менше ихъ быть не мочно» ([124]).

Не рѣдко поводъ къ мѣстничеству представлялся, когда Царь, отправляясь изъ Москвы, оставлялъ тамъ вмѣсто себя нѣсколькихъ, тогда второй, третій билъ челомъ на перваго, втораго ([125]). Съ остающимися въ Москвѣ вмѣсто царя стыкались назначаемые въ объѣзжіе головы для огней, одинъ изъ послѣднихъ билъ челомъ на одного изъ первыхъ ([126]).

Мѣстничали сидѣвшіе въ приказахъ, въ одномъ и томъ же (второй членъ приказа съ первымъ) ([127]), или въ двухъ: первый членъ младшаго приказа билъ челомъ на перваго въ старшемъ

([124]) Ibid. III, 297, 298.

([125]) Ibid. I, 140, 697, 698; II, 644, 645; III, 48, Доп. 199, 291. Разр. Кн. I, 1161.

([126]) Дворц. Разр. III, 123.

([127]) Ibid. I, 450; III, 339, 340. Разр. Кн. I, 727.

приказѣ ([128]), второй членъ младшаго приказа на втораго въ старшемъ ([129]), наконецъ били челомъ назпачаемые вторыми въ какой нибудь приказъ на первыхъ въ другихъ приказахъ ([130]).

Въ приказахъ мѣстничали не только члены, но и дьяки между собою и даже съ членами: второй дьякъ Суднаго Владимірскаго приказа бьетъ челомъ на перваго ([131]); вновь пожалованный изъ дьяковъ помѣстнаго приказа въ думные дьяки, съ оставленіемъ при Помѣстномъ приказѣ, бьетъ челомъ на стараго думнаго дьяка ([132]); дьякъ Земскаго приказа—на втораго члена этого приказа ([133]).

Мѣстничали воеводы по городамъ, въ одномъ и томъ же городѣ младшій съ старшимъ, напр. посланный въ Торопецъ воеводою бьетъ челомъ на бывшаго тамъ намѣстникомъ, «и государь велѣлъ Елизарью (воеводѣ) дѣло ратное вѣдать, а князь Василью вѣдать свое дѣло намѣстническое» ([134]), т. е. они были сдѣланы независимыми одинъ отъ другаго. За назначеннаго вторымъ воеводою въ Тобольскъ бьютъ челомъ его родственники на перваго воеводу въ Тобольскѣ ([135]), третій воевода въ Астрахани бьетъ челомъ на втораго ([136]). Мѣстничали воеводы и разныхъ городовъ, потому что между городами былъ изстаринный счетъ старшинства; въ XVII ст. оставались слѣды прежнихъ пригородныхъ отношеній, такъ псковскій воевода былъ въ нѣкоторой зависимости отъ новгородскаго, поэтому въ 1659 г. псковскій воевода просилъ позволенія не писать къ новгородскому воеводѣ, а писать только къ Государю, потому что на новгородскаго воеводу ему есть чѣмъ бить челомъ ([137]). Назначенный въ младшій городъ билъ челомъ даже на втораго воеводу старшаго города, напр. воевода въ Гдовѣ—на втораго въ Псковѣ ([138]).

([128]) Дв. Разр. II, 179, 696; III, 99, 125.
([129]) Ibid. I, 385, III, 125.
([130]) Разр. Кн. I, 408, 409.
([131]) Дв. Разр. II, 16.
([132]) Дворц. Разр. III, 34.
([133]) Ibid. II, 480.
([134]) Валуевск. Разр. 91.
([135]) Дворц. Разр. I, 407, 408.
([136]) Дворц. Разр. II, 480.
([137]) Ibid. III, Дополн. 181.
([138]) Ibid., I, 142.

Къ мѣстничеству давали поводъ разныя порученія по гражданской службѣ, напр. назначеніе быть въ Москвѣ въ объѣздѣ отъ огней, здѣсь основаніемъ къ стычкѣ, къ спору было старшинство различныхъ частей города, напр. въ 1626 г. опредѣлено быть въ объѣздѣ для огней, въ Бѣломъ городѣ: «въ Чертольѣ по Никицкую улицу князь Птица-Долгорукой; отъ Никицкіе улицы по Неглинку Кирило Воронцовъ-Вельяминовъ. И Кирило билъ челомъ на кн. Долгорукаго о мѣстѣхъ, что ему менши его быти невмѣстно» (139). Въ мѣстническомъ дѣлѣ 1600 г. говорится: «а 92 г. велѣлъ Государь быть на Москвѣ въ объѣздѣ, въ большомъ городѣ Ивану Туренину, въ другомъ городѣ въ Китаѣ Богдану Полеву, да Костянтину Поливанову, въ третьемъ городѣ на Покровкѣ и на Кулишкахъ Самсону Дмитріеву да Ивану Милюкову Гусю, а Богданъ Полевъ больши былъ Самсона Дмитріева, а Самсонъ Дмитріевъ больши былъ Ивана Милюкова Гуся» (140). Изъ послѣднихъ словъ видно, что изъ назначаемыхъ въ одну и туже часть города двухъ вмѣстѣ, первый считался старше втораго. Замѣтимъ при томъ, что старшинство различныхъ частей города считалось не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, напр. въ Новѣгородѣ Софійская сторона считалась честнѣе Торговой, поэтому, когда въ 1585 г. велѣно въ Новѣгородѣ «городъ дѣлати по государеву указу, каковъ данъ изъ Пушкарскаго приказу», на Софійской сторонѣ бояриму Шереметеву, а на Торговой Бутурлину послѣдній билъ челомъ на перваго: «что велѣно дѣлать городъ на торговой сторонѣ ему Ивану, а на Софійской сторонѣ бояриму Шереметеву, а во всѣхъ росписяхъ Софѣйская сторона имянуется больше торговой стороны» (141). Даже въ Юрьевѣ, только что завоеванномъ, различали старшинство частей города: «и кн. Тимоѳей Долгорукой сказалъ, что Оможскіе ворота въ Юрьевѣ большіе, по Московской дорогѣ у большіе ропаты, а Рижскіе ворота меньшіе у Чехонскіе ропаты» (142).

Бывало мѣстничество при посылкѣ нѣсколькихъ на слѣдствіе, напр. изъ двухъ посланныхъ въ Воскресенскій монастырь по слѣдствію о бывшемъ патріархѣ Никонѣ, «для сыску по челобитью Ивана Сытина на бывшаго патріарха Ни-

(139) Дворц. Разр. I, 824. под. II, 154, 155.

(140) Историч. Сборн. II, 164, 165; под. 323.

(141) Новиковская Разр., Вивліоѳика, XIV, 472.

(142) Историч. Сборн. II, 70, 71. Мѣстнич. дѣло 1588 г.

кона», второй бьетъ челомъ на перваго ([143]); или челобитье изъ двухъ, бывшихъ у сыскныхъ дѣлъ въ Юрьевцѣ Повольскомъ, втораго на перваго ([144]).

Мѣстническіе споры пораждало и порученіе сказать кому нибудь боярство или окольничество; при этомъ били челомъ на того, кому велѣно сказать новый чинъ. Валуевская Разрядная представляетъ два подобныхъ случая при царѣ Борисѣ, по поводу сказыванья окольничества, но при обоихъ случаяхъ было опредѣлено, что здѣсь мѣстъ нѣтъ ([145]). Съ подобными случаями мы все-таки встрѣчаемся, напр. при царѣ Михаилѣ, по поводу сказыванья боярства ([146]); за тѣмъ опять было запрещено мѣстничаться по такимъ случаямъ, но и послѣ запрещенія оно продолжается, объ этомъ мы будемъ говорить ниже, представляя мѣры къ ограниченію мѣстничества. При порученіи сказать боярство, поводомъ къ спору было также и то, если въ бояре жаловались двое, тогда сказывавшій боярство второму пожалованному билъ челомъ на сказывавшаго боярство первому пожалованному ([147]).

Наконецъ бывала стычка и при порученіи сказать кому нибудь другое царское жалованье—сказать царское милостивое слово, спросить о здоровьи и раздать золотые ([148]).

Встрѣчаются разнообразные поводы къ мѣстничеству и по дѣламъ посольскимъ:

Званіе посла считается выше посланника, поэтому бывшій въ Персіи посланникомъ Леонтьевъ билъ челомъ на кн. Мих. Петр. Борятинскаго, отправлявшагося туда посломъ, и говорилъ, что «меньше кн. Михаилы ему невмѣстно быть» ([149]).

«Быть на размѣнѣ» почетнѣе званія посланника, поэтому посланникъ въ Крымъ бьетъ челомъ на назначеннаго быть «на размѣнѣ» ([150]).

([143]) Дворц. Разр. III; Доп. 371.

([144]) Разр. Кн. I, 1369.

([145]) Валуевск. Разр. стр. 151, 153.

([146]) Дворц. Разр. I, 96, 120.

([147]) Ibid. 120.

([148]) Ibid. I, 138, 176, 185, 274, 275, 329; II, 736; III. Доп. 123, 156, 159, 207, 248. Разр. Кн. I, 471, 558.

([149]) Дв. Разр. I, 311. Разр. Кн. I, 550, 551.

([150]) Дв. Разр. 834.

Порученіе объявлять пословъ считается ниже посольскаго званія, поэтому посланный напередъ пословъ въ Кизылбаши, для объявленія ихъ, бьетъ челомъ на втораго изъ нихъ ([151]).

Ниже пословъ тотъ, который посылается къ нимъ съ наказомъ, поэтому отправляющійся съ наказомъ бьетъ челомъ на третьяго посла ([152]).

Отправляющіеся въ дворянѣхъ съ послами бьютъ челомъ на самихъ пословъ ([153]).

Наконецъ бывало мѣстничество и при назначеніи нѣсколькихъ лицъ въ одно званіе, напр. при назначеніи двухъ пословъ къ королю Владиславу (Дв. Разр. II, 730), въ Швецію (ib. III, 87), въ войско Запорожское (ib. Доп. 112); при посылкѣ нѣсколькихъ на съѣздъ съ чужеземными послами (ib. I, 187, 314; III Доп. 128); при посылкѣ двоихъ межевать рубежъ съ датскимъ королемъ, во время ц. Бориса (Валуевск. Разр. 146), или при царѣ Михаилѣ съ литовскими уполномоченными (Дв. Р. I, 409); при назначеніи нѣсколькихъ быть въ отвѣтѣ у посла (ib. II, 750).

XI. Мѣстничество имѣло особенно широкое приложеніе въ военной службѣ; особенно часты бывали счеты между воеводами, при назначеніи ихъ по два, а иногда и по три въ одинъ изъ 5 полковъ, на которые раздѣлялось древнее русское войско; это порождало счеты во 1-хъ въ каждомъ полку между младшимъ и старшимъ воеводою того же полка, во 2-хъ между первыми воеводами разныхъ полковъ, другъ съ другомъ, въ 3-хъ между вторыми воеводами, въ 4-хъ вторыхъ воеводъ старшихъ полковъ съ первыми младшихъ.

Всѣ возможные при этомъ случаи мѣстничества, основываясь на Валуевской Разрядной, мы представляемъ въ слѣдующей росписи, въ скобкахъ означаемъ страницы Синбирск. Сборника, въ которомъ напечатана эта Разрядная, мы выбрали эту Разрядную, какъ древнѣйшую и дополняемъ ее только немногими случаями, которыхъ въ ней нѣтъ, изъ Новиковской Разрядной, послѣдняя начинается годомъ ранѣе, но за то и оканчивается ранѣе, 1586 годомъ, а Валуевская 1604 годомъ.

([151]) Ibid. III. Доп. 362.

([152]) Ibid. 223.

([153]) Ibid. II, 404; III, 345, 374, 375.

Счетъ вторыхъ воеводъ съ первыми въ одномъ и томъ же полку:

Въ большемъ (128).

Въ правой рукѣ (подобныхъ случаевъ Валуевск. Разр. не представляетъ, но, конечно, они бывали возможны).

Въ передовомъ (94, 113, 119, 121, 123, 145).

— сторожевомъ (32, 66, 123).

— лѣвой рукѣ (40).

Прежде, до 1562 г., старшинство полковъ считалось иначе, за большимъ слѣдовалъ передовой, потомъ правая рука, за тѣмъ лѣвая и сторожевой, но отъ этого времени разбираемая Разрядная не представляетъ мѣстническихъ случаевъ между воеводами этихъ полковъ.

Счетъ между первыми воеводами:

Праваго полка и большаго (23, 24, 129).

Передоваго и праваго (93, 107, 128)—и большаго (98, 105, 111, 124, 125, 129, 138).

Сторожеваго и передоваго (67, 96, 125, 133)—и праваго (58, 107, 125, 133, 139)—и большаго (81, 111, 138).

Лѣваго и сторожеваго (47, 92, 105, 128, 129, 131, 133)—и передоваго (51, 83, 139).

Счетъ между вторыми воеводами:

Праваго и большаго полка (48, 51, 78, 79, 94, 96, 97, 125, 127).

Передоваго и праваго (51, 83, 85, 94, 96, 107, 125)—и большаго (83, 94, 97, 105, 110, 111, 125, 142).

Сторожеваго и передоваго (51, 98)—и праваго (47, 51, 79)—и большаго (51, 58, 70, 90, 124, 132, 142).

Лѣваго и сторожеваго (48, 108, 124, 131)—и передоваго (58, 108)—и праваго (Новик. Вивл. XIV, 415).

Изъ предлагаемой росписи видно, что Валуевская Разр. не представляетъ ни одного случая мѣстничества первыхъ и вторыхъ воеводъ лѣваго полка съ первыми и вторыми праваго и большаго; но, вѣроятно, подобные случаи бывали, напр. Новиковск. Разр. представляетъ споръ между вторыми воеводами лѣваго и праваго полковъ. Только если эти случаи и бывали, то рѣдко, потому что трудно предположить по ошибкѣ назначеніе воеводами въ самый старшій и самый младшій полкъ такихъ лицъ, изъ которыхъ назначаемый въ младшій полкъ могъ бы считаться мѣстами съ назначаемымъ въ старшій, иначе это была бы грубая ошибка, злонамѣренная стычка.

Счетъ вторыхъ воеводъ съ первыми:

Втораго въ большемъ съ первымъ въ правомъ (0), въ передовомъ (67, 122), въ сторожевомъ (67, 78, 96, 122, 153), въ лѣвомъ (0).

Втораго въ правомъ полку съ первымъ въ большемъ (0), въ передовомъ (42, 51, 107), въ сторожевомъ (51), въ лѣвомъ (42, 51, 79, 97).

Втораго въ передовомъ съ первымъ въ большемъ (0), въ правомъ, Валуевск. Разр. подобнаго случая не представляетъ, но Новик. (Вивл. XIII, 265) указываетъ въ 1556 г. на споръ втораго воеводы праваго полка съ первымъ передоваго, а до 1562 г. правый полкъ считался третьимъ, а передовой вторымъ, слѣдовательно случай 1556 г. будетъ равняться позднѣйшему случаю стычки «втораго передоваго съ первымъ праваго,»— сторожеваго (97, 119),—лѣваго (39, 40, 94).

Относительно случаевъ не показанныхъ въ Валуевской Разр. и отмѣченныхъ у насъ (0) замѣтимъ, что нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, бывали, напр. мы можемъ предположить споръ втораго воеводы большаго полка съ первымъ въ правомъ, если упоминается споръ перваго съ старшимъ воеводою большаго полка; относительно споровъ вторыхъ воеводъ праваго и передоваго полка съ первымъ больша о, замѣтимъ, что еще болѣе трудно предполагать здѣсь невольную стычку, если она трудно предположима между первыми воеводами лѣваго и большаго полка, потому что даже второй воевода большаго полка, тѣмъ болѣе праваго и передоваго стоитъ ниже перваго въ лѣвомъ. Впрочемъ относительно старшинства между вторымъ большаго и первымъ лѣваго не у всѣхъ были одинаковыя понятія, такъ напр. второй воевода большаго полка кн. Хворостининъ говорилъ первому въ лѣвой рукѣ Сабурову: «а тебѣ жъ и нынѣче въ разрядѣ написанъ больше, потому что живетъ болшой полкъ и другой воевода великъ, больши первыхъ воеводъ передовова полку и сторожевова, не токмо лѣвыя руки», но на это Сабуровъ жаловался, какъ на брань: «меня князь Дмитрей лаялъ, а говорилъ лаючи» (Вал. Разр. 108). Кн. Хворостининъ расходился съ понятіемъ большинства объ отношеніяхъ между мѣстами, это доказывается представленными нами случаями мѣстничества втораго воеводы большаго полка съ первыми передоваго и сторожеваго; потомъ мы встрѣчаемъ въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ 1609 г. заявленіе, что первый воевода и лѣвой руки больше одним

мѣстомъ втораго воеводы большаго полка: «въ лѣвой рукѣ первой воевода въ большемъ полку другово воеводы больши мѣстомъ, а правой руки другово воеводы больши двѣма мѣсты, а передовова и сторожевова полку другихъ воеводъ больши тремя мѣсты, а лѣвыя руки другова воеводы больши четырьмя мѣсты» (Истор. Сборн. II, 299). Если бы большинство служилыхъ людей думало такъ, какъ кн. Хворостининъ, тогда бы мы встрѣчали челобитныя первыхъ воеводъ младшихъ полковъ на вторыхъ старшихъ полковъ, но этого мы не видимъ, слѣдовательно первый воевода самаго младшаго полка считался выше втораго воеводы самаго старшаго полка.

Наконецъ относительно обозначенія въ Валуевской Разрядной споровъ вторыхъ воеводъ съ первыми другихъ полковъ, замѣтимъ, что она не представляетъ споровъ вторыхъ воеводъ сторожеваго и лѣваго полковъ съ первыми воеводами другихъ полковъ, но подобные споры бывали, напр. въ Новик. Разр. два раза упоминаются челобитныя втораго воеводы сторожеваго полка на перваго воеводу лѣваго полка (Вивліоѳ. XIV, 391 и 417), потомъ Валуевъ въ своемъ изслѣдованіи о мѣстничествѣ представляетъ изъ Разрядной Московск. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ случай челобитья втораго воеводы сторожеваго полка на перваго въ лѣвомъ (Синбир. Сборн. ҙѧ). Но, если трудно предположить возможность стычекъ первыхъ или вторыхъ воеводъ лѣвой руки съ первыми или вторыми праваго и большаго полковъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать о вторыхъ воеводахъ младшихъ полковъ и первыхъ старшихъ, напр, о возможности стычки втораго воеводы лѣваго полка съ первымъ воеводою большаго. Какимъ образомъ могъ быть назначенъ самымъ старшимъ тотъ, который «въ версту» или «меньше» самаго младшаго, подобный способъ назначенія показывалъ бы уже совершенное несоблюденіе Разрядомъ мѣстническихъ отношеній.

Разбирая мѣстническіе счеты воеводъ пяти полковъ, мы должны еще прибавить, что иногда назначалось по три воеводы въ каждый полкъ, тогда счеты еще болѣе усложнялись, они начинались въ одномъ и томъ же полку, бывали также счеты и третьихъ съ третьими въ разныхъ полкахъ и третьихъ со вторыми и наконецъ съ первыми другихъ полковъ. Валуевск. Разр. представляетъ слѣдующіе случаи:

Третій большаго полка бьетъ челомъ на вт. въ томъ же полку (96).

Третій передоваго—на третьяго праваго (131, 133); третій сторожеваго—на третьяго праваго (131).

Третій большаго—на втораго праваго (130)—передоваго 66)—сторожеваго (66),—лѣваго (133). Третій передоваго—на втораго лѣваго (133).

Третій большаго—на перваго лѣваго (92), третій праваго тоже на перваго лѣваго (133).

Иногда, хотя рѣдко, назначали по четыре воеводы въ полкъ, это опять еще болѣе усложняло споры, такъ напр. четвертый воевода большаго полка билъ челомъ на третьяго прав. и передов. п. (133),

Впослѣдствіи вмѣсто 5, русское войско раздѣлялось только на 3 полка, между воеводами которыхъ продолжались подобные мѣстническіе споры, которые засвидѣтельствованы Разрядами ([154]). Возможность подобныхъ споровъ, какъ увидимъ, ограничивалась запрещеніемъ считаться второму воеводѣ большаго полка съ первыми передоваго и сторожеваго, а также воеводамъ передоваго и сторожеваго полка между собою, но и послѣ ясно выраженныхъ запрещеній такіе счеты продолжались.

Эти счеты усложнялись еще отъ того, что полковъ одного наименованія, напр. большой, передовой и т. д., бывало по два—украинные и береговые: «а какъ украинные воеводы придутъ въ сходъ съ береговыми воеводами и большему полку быти въ большемъ полку, а передовому полку быти въ передовомъ полку, а сторожевому въ сторожевомъ ([155])». Кн. Засѣкинъ въ 1585 г. писалъ къ государю, что велѣно ему быть въ большемъ полку (съ Рѣзани) во вторыхъ, «а на Тулѣ (тоже въ большемъ полку) въ другихъ велѣно быть кн. Тюфякину и ему меньше быть не мочно ([156])». Подобные споры продолжались и въ XVII ст., по разрядамъ украинному и рязанскому, первый считался старше втораго, поэтому иногда первый или второй воевода большаго, передоваго или сторожеваго полка рязанскаго разряда билъ челомъ на такого же воеводу украиннаго разряда ([157])

Въ XVII ст. размѣщали полки по городамъ безъ названій большой, передовой и т. д., но споры и счеты оставались по

([154]) Дв. Разр. I, 133, 172, 173, 211, 212, 266—269, 323, 324, 501—504. Разр. Кн. I, 36, 559, 895, 1276—1278, II, 10.

([155]) Новиков. Разр. Вивліоѳ. XIV, 431.

([156]) Ibid. 464, 469, 470, подобн. 482.

([157]) Дв. Разр. II, 195, 196, 268, 497, 499, 530—533.

прежнему, воевода въ одномъ городѣ билъ челомъ на воеводу въ другомъ (Разр. Кн. I, 120, II, 10, 756), второй воевода на втораго въ другомъ городѣ (Разр. Кн. I, 1052, 1056, II, 11), или на перваго (Разр. Кн. I, 1053, 1056). При раздѣленіи войска на полки по городамъ, поводомъ къ мѣстничеству бывалъ «сходъ» одного воеводы къ другому, въ его городъ, тогда считающій себя старшимъ, по мѣстническимъ разсчетамъ, отказывался идти къ тому, котораго считалъ меньше себя ([158]).

Продолжая разборъ счетовъ между воеводами, замѣтимъ, что они мѣстничались и при всякомъ назначеніи вмѣстѣ въ одинъ полкъ, отрядъ, безъ раздѣленія войска на 5 или на 3 полка; это одинаково видно въ XVI и XVII ст.; мѣстничали даже назначаемые въ особый полкъ изъ опричнины: «да изъ опричнины подъ Избореckъ же, по росписи: бояринъ и воевода Захарья Ивановичъ Очинъ Плещѣевъ да окольничей и воевода Вас. Ивановичъ Умной Колычовъ, да Никита Иванов. Очинъ Плещѣевъ да Игнатей Блудовъ. И Микита Очинъ билъ челомъ государю въ отечествѣ, о счетѣ на окольничева на Василья Умнова Колычова, и царь в. кн. Никиту Очина пожаловалъ, велѣлъ ему быти съ окольничимъ съ Васильемъ Умнымъ безъ мѣстъ, и грамоту невмѣстную пожаловалъ далъ ([159])». Въ XVII ст. также постоянно представляются случаи мѣстничества воеводъ, назначенныхъ вмѣстѣ, въ какой нибудь отдѣльный полкъ ([160]).

Встрѣчаемъ мѣстничество при назначеніи двоихъ быть «у наряду» (Валуевск. Разр. 51);—назначеннаго судьею у нѣмцевъ съ товарищемъ главнаго воеводы (Дв. Р. II, 272), на него же бьетъ челомъ и назначенный быть съ нѣмецкими запасами (ib. 276); бьетъ челомъ назначенный быть у нѣмецкаго суда и у нѣмецкихъ мѣсячныхъ, кормовыхъ денегъ на втораго воеводу нѣмецкихъ наемныхъ людей (Разр. Кн. II, 379).

Встрѣчаемъ мѣстничество при назначеніи вдвоемъ въ одинъ городъ осадными воеводами (Дв. Р. I, 249), или вылазными (ibid), при назначеніи двоихъ осадными воеводами,

---

([158]) Разрядн. Кн. I, 271, 272, 724, 894, 931, 1276, II, 11, 123, 125.

([159]) Валуевск. Разр. 23.

([160]) Дв. Разр. I, 278, 279, 316, 327; III, 166, 747—749, 802, 803, Дополн. 90, 160, 234, 251. Разр. Кн. I, 341, 342, 533, 555.

а третьяго вылазнымъ и походнымъ, третій бьетъ челомъ на втораго (ibid. 183, 184; Разр. Кн. I, 85).

Поводомъ къ мѣстничеству бывали и посылки съ какимъ нибудь порученіемъ къ нѣсколькимъ воеводамъ, тогда посылаемый иногда билъ челомъ на одного изъ тѣхъ, къ кому посылался, такъ было во первыхъ при посылкѣ къ двумъ третьяго на подмогу (Дв. Р. I, 96, 97), съ хлѣбными запасами (ib. 160, 315 Разр. Кн. I, 83), съ деньгами на жалованье драгунамъ и солдатамъ (Дв. Разр. III, 28, подобное Разр. Кн. I, 665), съ порученіемъ строить острожки (Дв. Р. I, 180), отвести ратныхъ людей (ibid. III. Доп. 153, 154; Разр. Кн. I, 551, 552), ѣхать отъ царя съ рѣчью и съ наказомъ (Новиков. Вивліоѳ. XIII, 256).

Основаніемъ къ мѣстничеству сочли и слѣдующій случай, когда одного послали отвести стрѣльцевъ въ Брянскъ и быть тамъ до государева указа, а другому велѣно отвести стрѣльцевъ въ Полоцкъ и Витебскъ, къ тамошнимъ воеводамъ, послѣдній ударилъ челомъ на перваго, на томъ, вѣроятно, основаніи, что порученіе перваго было болѣе самостоятельное (Дв. Р. III, Доп. 256).

Мѣстничали не только воеводы между собою и посылаемые къ нимъ съ какимъ нибудь порученіемъ, но и головы съ воеводами, т. е. начальники сотенъ или другихъ частей, на которыя распадался цѣлый отрядъ, управляемый воеводою, напр. сотенный голова бьетъ челомъ на воеводу (Дв. Р. III, 482); стрѣлецкій голова съ братомъ бьетъ челомъ на одного изъ воеводъ, потому что въ городахъ родители его при нихъ, Зыбиныхъ, люди молодые (Дв. Р. III 165, под. 431, Доп. 131); посланный головою съ тремя воеводами въ Псковъ бьетъ челомъ на третьяго (Валуевск. Раз. 109); Башмаковъ отказался быть письменнымъ головою въ Тобольскѣ, вслѣдствіе счетовъ со вторымъ, тамошнимъ воеводою (Дв. Р. II, 17); голова «у наряду» бьетъ челомъ на втораго воеводу «у наряду» (Новик. Вивл. XIV, 294, 296).

Нѣкоторые служилые люди, дворяне, бывшіе въ отрядѣ какого нибудь воеводы, вслѣдствіе мѣстническихъ счетовъ съ нимъ, не исполняютъ порученій, возлагаемыхъ на нихъ воеводою, напр. одинъ не исполняетъ порученія перваго воеводы ставить острогъ, п. ч. первый воевода пишется еще съ двумя, меньше которыхъ получающему порученіе быть нельзя (Дв. Р. I. 263); другой на этомъ же основаніи отказывается отъ

порученія роздать деньги ратнымъ людямъ (ib.); третьи бьютъ челомъ на воеводъ, при назначеніи ихъ отъ воеводъ сотенными головами (ib. 263, 504, 590, 591); четвертый, при назначеніи его главнымъ воеводою въ судьи, бьетъ челомъ на третьяго воеводу (Дв. Разр. II, 681, 682); пятый, тоже при назначеніи его первымъ воеводою въ осадные головы бьетъ челомъ тоже на третьяго воеводу (ibid); шестый, отправленный воеводою въ Москву съ сеунчомъ бьетъ челомъ на отправившаго его воеводу (Дв. Разр. II, 297).

Наконецъ отъ службы съ воеводою отказываются цѣлыми родами и отрядами, напр. брянскіе городовые дворяне, Безобразовы съ братьею и племянниками отказались отъ службы со вторымъ воеводою своего полка: «а имъ де съ Семеномъ быть не мочно, потому что ихъ Семенъ ни чѣмъ не лучше». Царь приказалъ имъ быть только съ первымъ воеводою (ib. I, 674, 675). Московскіе дворяне и жильцы отказались служить со вторымъ воеводою въ Стародубѣ, Алябьевымъ, потому что и послѣдній дворянинъ и жилецъ ему въ версту. Царь указалъ имъ быть только съ первымъ воеводою, а Алябьеву съ дворовыми людьми (подключники, сытники, конюхи и т. п.) (Дв. Р. II, 330).

По дѣламъ военной службы бывали основанія къ мѣстничеству и помимо счетовъ между самими воеводами и столкновенія съ ними другихъ, къ нимъ посылаемыхъ или имъ подчиненныхъ, такимъ основаніемъ являлось всякое порученіе нѣсколькимъ исполнить какое нибудь дѣло. Мѣстническіе счеты начинались напр., при посылкѣ двухъ собрать ратныхъ людей (Дв. Р. I, 185, 367; Разр. Кн. I, 665); разобрать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые были въ Можайскѣ (Дв. Р. I, 383, 384); при посылкѣ нѣсколькихъ смотрѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ, одного въ большой полкъ, другаго въ передовой и т. д., посланные въ младшіе полки бьютъ челомъ на посланныхъ въ старшіе (ib. 709, 710); при посылкѣ нѣсколькихъ сыскать про оклады стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцевъ (ib. 497, 498); при назначеніи нѣсколькихъ давать кормъ наемнымъ нѣмцамъ и сбирать его со всѣхъ уѣздовъ (ib. II, 249); при посылкѣ троихъ къ Архангельску принять англичанъ, пріѣхавшихъ на службу въ Россію (ib. III. Доп. 277, 278); при посылкѣ двоихъ въ Вязьму строить городъ (ib. II, 220, 270, под. Разр. Кн. I, 1155); при посылкѣ двоихъ на поле, подъ Крымъ, подъ Святые горы, города ставить (Валуевск. Разр. 139).

Замѣтимъ еще, что съ такими лицами, посылаемыми куда нибудь съ порученіями, сталкивались мѣстные чиновники, напр. окладчики Лихаревы бьютъ челомъ на посланнаго въ Тулу для разбора дворянъ и дѣтей боярскихъ (Дв. Разр. II, 179); воевода у рязанской засѣки не подаетъ сказки двумъ посланнымъ для осмотра рязанскихъ, веневскихъ и каширскихъ засѣкъ и бьетъ челомъ на втораго посланнаго (ib. III Доп. 299, 300).

Таковы случаи мѣстничества въ военной службѣ, изъ длиннаго перечня всѣхъ этихъ случаевъ видно какое широкое приложеніе мѣстничество имѣло въ этой сферѣ службы; послѣ военной службы, оно особенно проявлялось въ придворной службѣ.

XII. Придворная служба была позднѣйшимъ убѣжищемъ мѣстничества, потому что въ половинѣ XVII ст. походы назначались, обыкновенно, безъ мѣстъ; поводомъ къ мѣстничеству здѣсь было во первыхъ назначеніе въ разные придворные чины, напр. ц. Мих. Ѳед. пожаловалъ въ постельничіе Михалкова, а въ стряпчіе съ ключемъ Милюкова, второй билъ челомъ на перваго, что ему меньше Михалкова быть не вмѣстно; царь принялъ челобитье, велѣлъ ему «ѣсть ставить», а вмѣсто его въ стряпчіе съ ключемъ назначилъ Чемоданова (Дв. Р. I, 132). Назначенный въ укладчики билъ челомъ на опредѣленнаго въ постельничіе (ib. 973).

Мѣстничали участвовавшіе въ разныхъ царскихъ церемоніяхъ, напр. при царскомъ столѣ: назначеніе смотрѣть одному въ большой а другому въ кривой столъ ([161]); если назначалось къ каждому столу нѣсколько человѣкъ, то счеты усложнялись, такъ напр. второй у большаго стола билъ челомъ на перваго у криваго ([162]); наряжающій вина билъ челомъ на смотрѣвшаго въ кривой столъ, впрочемъ челобитчику было сказано, что здѣсь мѣстъ нѣтъ (Дв. Р. II. 368, 369).

Считалисъ мѣстами при сопровожденіи царя въ походъ, т. е. на богомолье въ какой нибудь монастырь: назначенный ѣхать передъ царемъ вторымъ билъ челомъ на перваго ([163]);

([161]) Дв. Разр. I. 117. 118, 131, 155, 325; II, 73, 368, 543, 685; III, 54, 154, 302, 692, 693, Доп. 378; Валуевск. Разр. 102, Разр. кн. I, 83, 84, 555.

([162]) Валуевск. Р. 151

([163]) Дв. Р. I, 284, 451, III, 197, Разр. кн. I, 415, 728.

стоячій па ухабѣ (ухабничій) билъ челомъ на возницу ([164]). Мѣстничали при назначеніи нѣсколькихъ идти за крестами (Дв. Р. III, 180, 1565).

Мѣстничали при коронаціи: державшій скипетръ билъ челомъ на державшаго шапку Мономаха (ib. I, 97); шедшій передъ саномъ—на державшаго скипетръ (ib. 98).

Мѣстничали при царскихъ свадьбахъ: въ одномъ мѣстническомъ спорѣ, при Иванѣ IV, упоминается о мѣстахъ на царской свадьбѣ еще при его отцѣ Василіи: «тебѣ Государь извѣстно: кн. Александръ Кашинъ былъ менши отца моего Василья на свадьбѣ у отца твоего» (Валуевск. Р. 42). При свадьбѣ царевича Кайбуловича, Гагарины, назначенные вторымъ и третьимъ «сидячими» со стороны жениха, били челомъ на перваго «сидячаго» Плещеева; а назначенный въ сидячіе къ невѣстѣ билъ челомъ на того, который назначенъ ей «въ отца мѣсто» (Дв. Р. I, 538—541); подобные споры были на царской свадьбѣ Михаила Ѳедоровича (ib. 640).

Особенно много случаевъ мѣстничества было при назначеніи приставовъ къ посламъ, при церемоніяхъ встрѣчи ихъ, при угощеніи ихъ царскимъ столомъ и при царской аудіенціи.

Мѣстничали при совмѣстномъ назначеніи нѣсколькихъ приставами къ послу ([165]), при назначеніи ихъ быть приставами въ разныхъ мѣстахъ, напр. назначенный приставомъ у персидскаго посла отъ Нижняго до Москвы билъ челомъ на назначеннаго быть приставомъ въ Москвѣ ([166]).

Быть приставомъ считается ниже обязанности встрѣчать посла ([167]).

Встрѣчъ было нѣсколько: меньшая у сѣнныхъ дверей, вторая, большая, у палатныхъ дверей ([168]); или три: на крыльцѣ, середняя въ сѣняхъ и большая у палатныхъ дверей ([169]); бывшіе у второй и первой встрѣчи били челомъ на бывшаго

([164]) Дв. Разр. II, 314, 410; III, 112.

([165]) Дв. Разр. II, 417, 748, 749, Валуевск. 84, 143.

([166]) Дв. Разр. II, 25, 26, под. 98, 206, 207, 250, 400.

([167]) Ib. I, 317, 868, II, 27, 28, 252; III, 8, 147, 165, 166, Доп. 133, 134, Разр. кн. I, 554, 1370; Валуевск. 132.

([168]) Дв. Р. I, 304, под. II, 88, 361.

([169]) Ib. III, 6, 7; под. 8, 129.

у третьей встрѣчи (Валуевск. Разр. 140); если при каждой встрѣчѣ назначалось по нѣскольку человѣкъ, счеты усложнялись: они начинались между бывшими у одной и той же встрѣчи и у разныхъ встрѣчъ, такъ напр. второй на первой встрѣчѣ билъ челомъ на перваго у той же встрѣчи (ib. 150); второй на первой встрѣчѣ—на втораго у второй (ib. 85); второй на второй встрѣчѣ—на перваго при первой (ib. 150), третій на первой—на втораго при второй (ibid.). Такимъ образомъ здѣсь видѣнъ порядокъ счета, подобный наблюдавшемуся при спорахъ между воеводами разныхъ полковъ.

Приставъ считается ниже того, который ѣздилъ за посломъ къ царскому пріему, поэтому первый приставъ билъ челомъ на втораго изъ тѣхъ, которые «ѣздили по посла» (ib. 80).

Тотъ, который объявлялъ послу пріѣхавшихъ за нимъ ниже этихъ пріѣхавшихъ: «а по посла ѣздили Ѳома Бутурлинъ, да Михайло Бѣзнинъ... да велѣно ловчему Ив. Пушкину объявлять при послѣ Ѳому Бутурлина да Михайла Бѣзнина. И Иванъ Пушкинъ билъ челомъ государю на Михайла Бѣзнина, въ отчествѣ; и судъ у нихъ былъ» (ibid).

Приставъ ниже того, кто съ столомъ ѣздилъ отъ государя къ послу (Дв. Разр. II, 669, 719; III, 361; Разр. Кн. I, 660).

Звавшій посла за столъ ниже встрѣчающаго его (Валуевск. Р. 145). Кто ходилъ звать къ столу ниже того, который потчивалъ и ѣлъ съ посломъ (Дв. Р. III, 76, 77).

Провожанье считалось ниже первой встрѣчи, поэтому назначенный провожать грузинскаго царя билъ челомъ на бывшаго при первой встрѣчѣ его; впрочемъ челобитчику сказано, что тутъ мѣстъ нѣтъ, но онъ все таки говорилъ, что «ему не ѣзживать и менши боярина кн. Трубецкаго быть невмѣстно» (ib. III, Доп. 151—153).

Мѣстническіе счеты начинались и при царской аудіенціи посламъ: на объявлявшаго (сказывавшаго) посла билъ челомъ тотъ, кому поручено звать посла къ царскому столу, но царь велѣлъ объявить, что здѣсь мѣстъ нѣтъ и не бывало, на другой день самъ челобитчикъ не велѣлъ записывать своего челобитья и сознался, что ему тутъ мѣстъ нѣтъ (Дв. Р. I, 221, 224). Изъ этого случая видно, что охотники считаться мѣстами распространяли случаи возможности счетовъ.

Во время присутствія государя съ послами въ золотой палатѣ, спорили о мѣстахъ въ ней (ib. II, 679); при торже-

ственной присягѣ царя Михаила передъ польскими послами хранить заключенный съ Польшею миръ, подносившій крестъ и державшій запись билъ челомъ на принимавшаго у царя скипетръ (ib. 433). Особенно частымъ и постояннымъ поводомъ къ мѣстничеству было назначеніе стоять рындами, при пріемѣ пословъ ([170]).

Прежде, при Иванѣ IV и Θедорѣ Ивановичѣ, рынды служили на войнѣ, состояли при царѣ или царевичахъ, и это подавало поводъ къ мѣстничеству, такъ напр. въ 1571 г. билъ челомъ «рындъ съ рогатиною» на «рында съ копьемъ», оба они состояли при царевичѣ Иванѣ (Валуевск. 27); или когда въ 1590 г. царь Θедоръ отправился изъ Новгорода въ нѣмецкую землю, при немъ состояли трое рындовъ, изъ которыхъ третій билъ челомъ на втораго (ibid. 110).

Мѣстническіе счеты по поводу церемоній, при пріемѣ пословъ, татарскихъ царей, восточныхъ святителей и т. п., зависѣли и отъ различія самихъ этихъ лицъ, такъ что одно и тоже порученіе при одномъ изъ нихъ считается выше или ниже такого же порученія при другомъ, напр. встрѣчавшій англійскаго посла билъ челомъ на встрѣчавшаго касимовскаго царя (Дв. Р. I, 220); встрѣча касимовскаго царя считается больше встрѣчи персидскихъ пословъ (ib. 304); посланный звать къ царскому столу архіепископа акридонскаго билъ челомъ на посланнаго звать цареградскаго патріарха (ib. III, 348).

При царскомъ дворѣ занимали извѣстныя мѣста и женщины, поэтому могли быть мѣстническія стычки и черезъ женщинъ, напр. въ 1602 г. билъ челомъ государю Дм. Михайл. Пожарскій, что велѣно быть у государыни царицы Марьи Григорьевны княгинѣ Лыковой, а у государыни царевны Ксеніи Борисовны его матери: «и матери его княгинѣ Марьѣ быть меньше княгини Лыкова невмѣстно, а мочно матери его больше быть княгини Лыкова многими мѣсты, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ ему съ отцомъ Лыкова въ отечествѣ дати судъ и счетъ. Государь велѣлъ кн. Пожарскаго съ кн. Лыковымъ въ отечествѣ судить и розряды сыскать ([171])».

([170]) Дв. Р. I, 109, 110, 157, 171, 264, 305, 306, 435, 436, 573—575, 916, 917, 925, II, 174, 353, 419, 728; III, 41, 64, 114, 157, 664, 1031. Доп. 36, 267, 331, 358; Разр. Кн. I, 81, 82, 410, 548—550, 1040—1042, 1377.; Валуевск. 92, 93, 107, 108, 132, 140, 150.

([171]) Мѣстнич. дѣло 1609 г. Историч. Сборн. II, 271.

Иногда честь своего рода, т. е. рода мужа, отстаивали сами женщины, подавая челобитныя о судѣ въ отечествѣ и приводя счетъ мѣстъ по лѣствицѣ и разрядамъ между родичами своего мужа и родичами своей соперницы, утягивая ее, такимъ образомъ, по общепринятымъ пріемамъ; примѣръ такой челобитной представляетъ дѣло княгини Троекуровой съ Бутурлиной: «царю гос. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу бьетъ челомъ раба твоя княжъ Романова женишко Федоровича Троекурова Ульяница: велѣлъ ты государь мнѣ рабѣ своей быть въ верху у государыни Евдокѣи Лукьяновны; и учинена я во всемъ въ твоемъ царскомъ жалованьи ровна съ Васильевою женою Матвѣева сына Бутурлина съ Катериною; и мнѣ съ нею въ равенствѣ быть немошно по вашей государской милости по нашему отечеству. Василья Бутурлина прадѣдъ родной Андрей Никитинъ сынъ и дѣды Федоръ Ивановъ сынъ, да Иванъ Андрѣевъ сынъ, и дѣдъ родной Василей Андрѣевъ сынъ, дядя большой окольничей Ив. Михайловичъ Бутурлины вездѣ въ пятыхъ и въ шестыхъ товарыщахъ съ дядею моимъ съ бояриномъ со княземъ Федоромъ Ивановичемъ да съ отцомъ моимъ со княземъ Федоромъ Михайловичемъ съ Троекуровыми въ вашихъ государскихъ разрядѣхъ (172)».

XIII. Таково разнообразіе мѣстъ въ государственной службѣ, которыя занимались согласно съ мѣстническими отношеніями ихъ представителей; но не только полученіе извѣстнаго мѣста, а также и пожалованіе чиномъ и другія награжденія подчинялись родовымъ, мѣстническимъ отношеніямъ. Мы приводили свидѣтельство Котошихина о родахъ боярскихъ, т. е. родичи которыхъ послѣ извѣстной службы жаловались прямо въ бояре и о родахъ, которые бывали въ боярахъ и окольничихъ, поэтому, когда Головина пожаловали изъ дворянъ въ окольничіе, онъ билъ челомъ, что его отецъ при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ» (Дв. Разр. III, 226). Когда ц. Мих. Ѳед. пожаловалъ въ окольничіе князя Ѳед. Ив. Лыкова, онъ билъ челомъ на меньшаго своего брата Бориса Михайловича и говорилъ, что ему позорно быть окольничимъ, когда его младшій братъ въ боярахъ; впрочемъ царь не послушалъ его челобитья (ib. I, 508). Справедливо замѣчаетъ Валуевъ, что «если прослѣдить по разряднымъ соотвѣтствіе

(172) Временникъ. № 6, Смѣсь, стр. 15.

служебныхъ чиновъ, какъ напр. боярства, окольничества, которые вообще не подлежали въ той же строгости мѣстничеству, и потому не должны быть смѣшиваемы съ мѣстами, какъ напр. воеводство и т. п., съ родовыми взаимными отношеніями этихъ бояръ, окольничихъ и т. д. и даже вообще съ ихъ мѣстническими отношеніями, то одинаково окажется общее болѣе или менѣе правильное соотвѣтствіе чести чиновной съ честью родовой и мѣстнической. См. Котошихина, стр. 5: «быти всѣмъ не по родомъ, и не по чиномъ, и не по мѣстомъ». Котошихинъ нѣсколько разъ соединяетъ эти три рубрики мѣстническихъ единицъ, такъ что, если не было общаго строгаго соотвѣтствія между ними, то и прямое противорѣчіе являлось только какъ исключенье, если напр. меньшій родичъ былъ бояриномъ, а большій окольничимъ» ([173]).

Мѣстничали при наградахъ подарками золотыхъ, шубъ, кубковъ, ковшей, напр. когда царь Ив. Вас. «пожаловалъ шубами далъ напередъ шубу окольн. Очину, кн. Катыреву, кн. Тюменскому, кн. Туренину, да Ѳомѣ Бутурлину. И Ѳома Бутурлинъ билъ челомъ въ отечествѣ на окольничаго Очина. Царь отвѣчалъ: «шубами васъ жалую, даю вамъ шубы безъ мѣстъ» ([174]). «Да писалъ къ царю Замятня Сабуровъ, пожаловалъ бы Государь за службу, прислалъ къ боярину, къ кн. Дм. Хилкову золотой, а ему да Володимеру Карпову двумъ золотой, и ему кн. Дмитрія меньше быти невмѣстно. И Государь бы пожаловалъ, велѣлъ на кн. Дмитрія счетъ дати. А Володимеръ Карповъ полузолотова не взялъ, а писалъ къ Государю, чтобъ ево Государь пожаловалъ, прислалъ ему золотой; а написано напередъ Замятнѣ Сабурову, и ему въ меньшихъ быти не мочно» ([175]). Царь Михаилъ пожаловалъ за торопецкую службу боярину кн. Сицкому шубу да кубокъ, а стольнику Елецкому за рыльскую службу—шубу да ковшъ. Елецкой билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше кн. Сицкаго и подходить послѣ него къ государеву жалованью, просилъ суда въ отечествѣ. Царь отказалъ. Елецкой болѣе не противился ([176]). Изъ этихъ случаевъ видно, что основаніемъ

([173]) Синбирск. Сборн., ргі и рді.

([174]) ibid. ркі. Разр. Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

([175]) Новик. Разр. Вивліоѳ. XIII, 321, 322.

([176]) Дв. Разр. I, 175, подобн. случай 209, 210.

къ мѣстничеству считалось различіе наградъ и порядокъ ихъ пожалованія, первый награждаемый считался больше втораго, второй—третьяго и т. д.

Мѣстничали даже при полученіи различнаго количества подводъ, это также считали наградою, дающею поводъ къ мѣстническимъ счетамъ. Въ 1649 г. были посланы по городамъ сбирать закладчиковъ Волынскій и Чепчюговъ, первому дано 8 подводъ, а второму 6, послѣдній билъ челомъ въ отечествѣ на перваго, что «велѣно де ему Михайлѣ дать 8 подводъ, а мнѣ де 6 подводъ, и мнѣ де безчестнѣе Волынскаго быть не умѣть, потому что Волынскіе наша братья, и хуже насъ» (177).

Наконецъ особенно часто порождало мѣстничество жалованье, приглашеніе нѣсколькихъ къ царскому столу (178). При постоянномъ желаніи служилыхъ чиновъ распространять количество случаевъ мѣстничества и слѣдующій случай сочли за мѣстническій—приглашеніе въ одно и тоже время къ обѣду, однихъ къ царю (Борису), а другихъ къ царевичу (Ѳедору). Сидѣвшій послѣднимъ за столомъ у царевича билъ челомъ на сидѣвшаго послѣднимъ за царскимъ столомъ, «для того что Иванъ Бутурлинъ сидѣлъ за столомъ у Государя, а я, холопъ твой Петръ сидѣлъ за столомъ у царевича». Но царь сказалъ передъ всѣми боярами: «тутъ мѣстъ нѣтъ; не за однимъ столомъ сидѣли» (179).

XIV. Мы представили перечень всѣхъ случаевъ мѣстничества по разряднымъ, имѣя въ виду, что такого перечисленія наша историческая литература не представляетъ, а оно необходимо для исторіи мѣстничества, которая уже давно ждетъ новаго дѣятеля; къ нашему перечню прибавимъ замѣчаніе, что постоянно старались находить новые поводы къ мѣстничеству, дѣлали при этомъ даже натяжки. Мы уже видѣли, представляя случаи мѣстничества, что царскимъ отвѣтомъ на челобитныя по нѣкоторымъ изъ такихъ случаевъ было замѣчаніе, что здѣсь мѣстъ нѣтъ. Возможность новыхъ случаевъ мѣстничества представилась при царѣ Мих. Ѳед., когда мно-

(177) Ibid. III, 126.

(178) Дв. Разр. I, 109, 129, 225, 226, 302, 477, 498, 499, 604, 655; II, 362, 363; III, 92, 93, 153, 156, 226, 286, 287, 388, 389, Доп. 99, 373, 374. Разр. Кн. I, 207, 413, 414, 546, 547, 1157, 1158. Валуевск. 76, 100, 102, 127, 138, 147, 153.

(179) Валуевск. 151.

гія придворныя церемоніи одинаково совершались царемъ и отцемъ его, патріархомъ; исполнялись одни и тѣ-же порученія—одни отъ царя, а другія отъ патріарха, все это давало поводъ къ мѣстническимъ счетамъ. Въ 1621 г. Петръ Рѣпнинъ билъ челомъ царю и патріарху, что прежде сего къ кизилбаскому послу ѣздилъ звать къ столу отъ царя кн. Сицкой, а отъ патріарха онъ, Рѣпнинъ, но не билъ челомъ на Сицкаго, потому что не раздѣлялъ ихъ государскаго имени; нынѣ посылаютъ его къ турецкому послу отъ патріарха звать къ столу, а отъ царя посылаютъ Карпова. «И онъ князь Петръ, по ихъ Государскому велѣнью, готовъ ѣхать; толко кн. Сицкой похваляется тѣмъ, сказываетъ, что онъ ѣздилъ отъ Государя съ столомъ къ кизилбаскому послу. И Государь бы милость показалъ, не велѣлъ того учинить въ мѣсто, и въ томъ бы его отечеству передъ князь Сицкимъ и передо Карповымъ порухи не было. И Государь велѣлъ кн. Петру сказать, что бьетъ челомъ тѣмъ онъ, кн. Петръ, не знаючи, и въ мѣсто то онъ ставитъ не дѣломъ, что каковъ онъ Государь, таковъ и отецъ его государевъ и ихъ Государское Величество нераздѣлно: тутъ мѣстъ нѣту» ([180]).

Въ 1621 г. встрѣчаемъ слѣдующій оригинальный случай мѣстничества, въ которомъ вполнѣ выражается, какъ любили служилые люди вездѣ искать доказательствъ своего старшинства и меньшинства предъ противникомъ, къ какимъ явнымъ натяжкамъ они приходили при этомъ, такъ напр. кн. Ромодановскій билъ челомъ на кн. Юрья Енпсевича Сулешева, что ему меньше его быть нельзя, потому что когда онъ, кн. Ромодановской, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ на съѣздѣ съ крымскими послами, тогда въ послахъ былъ дядя большой Юрья Сулешева, Ахметъ паша Сулешевъ, «а пріѣзжалъ на съѣздъ къ нему князь Григорью и въ государевѣ шатрѣ у него былъ, и ему потому быть невмѣстно. И Государь и патріахъ кн. Григорью говорили, что ему кн. Григорью съ Ахметъ пашею какія мѣста: Ахметъ паша служитъ крымскому царю, а кн. Юрья ему Государю служитъ..... а что Ахметъ паша Сулешевъ пріѣзжалъ на съѣздъ къ нему, и то не для его князь Григорья, для его государскаго имяни» ([181]).

([180]) Дв. Р. I, 490, 491.

([181]) Ibid. 477, 478.

Наконецъ замѣтимъ, что иногда били челомъ въ отечествѣ, даже не сознавая вполнѣ, были ли тутъ мѣста, «толко тутъ есть мѣста», такъ напр. кн. Василій Ромодановскій билъ челомъ на кн. Татева, что ему велѣно посла звать къ столу, а кн. Татеву велѣно потчивать, и толко тутъ есть мѣста, и ему кн. Василью менши кн. Татева быть невмѣстно, а толко безъ мѣстъ, и онъ посла звать готовъ. И государь кн. Ромодановскому отказалъ, что тутъ и мѣстъ нѣтъ» ([182]).

Случаи считаться мѣстами опредѣлялись не правительствомъ, а фактическими обстоятельствами, самимъ сознаніемъ тѣхъ, которые мѣстничались, такъ напр., когда въ 1667 г. приказано было Пушкину привести пословъ къ отвѣту, къ которому былъ назначенъ Ордынъ-Нащокинъ, первый сталъ бить челомъ на втораго. Государь отвѣчалъ, здѣсь мѣстъ нѣтъ и не было, на это Пушкинъ возразилъ: «прежъ сего съ послами бывали въ отвѣтѣ честные люди, а не въ его Аѳанасьеву версту и потому въ то время челобитья не бывало» ([183]).

Въ заключеніе обозрѣнія мѣстническихъ споровъ и случаевъ замѣтимъ, что, эта постоянная борьба за мѣста не доказываетъ желанія возвышаться постепенно по лѣствицѣ государственныхъ должностей, при этомъ старались только сохранить свои мѣстническія отношенія къ другимъ, чтобы не унизить свой родъ передъ другими родами; поэтому принимали нисшее мѣсто, если на старшихъ мѣстахъ были такія лица, съ которыми вмѣстно было быть; отказывались отъ высшаго мѣста, если вмѣстѣ съ этимъ приходилось быть наровнѣ или ниже другихъ, съ которыми такъ быть не приходилось. Валуевъ, основываясь на исторіи кн. Щербатова, представляетъ такой случай, что Воротынскій въ 1553 г. былъ первымъ въ большомъ полку, черезъ два года вторымъ въ томъ же полку, а еще черезъ 8 лѣтъ третьимъ. «Значило ли это, спрашиваетъ Валуевъ, что Воротынскій все понижался на своей службѣ?—Нисколько; но это объясняется тѣмъ, что въ первый разъ по мѣстническимъ отношеніямъ его къ другимъ воеводамъ было ему вмѣстно быть первымъ, во второй разъ вторымъ и т. д.» ([184]).

([182]) Ibid. 696, 697, подобн. III. Доп. 324, 325.

([183]) Ibid. III, 6.

([184]) Синбирск. Сбор. р҃н.

XV. Мѣстничество, созданное древнѣйшими основами общественнаго быта, родовыми началами, воплотившееся въ природу русскаго человѣка, сдѣлавшееся для него необходимостью, получившее религіозную санкцію, будучи предписываемо царямъ при вѣнчаніи ихъ на царство, какъ обязанность, равная общечеловѣческимъ, христіанскимъ и царскимъ добродѣтелямъ, подтверждаемое положительнымъ закономъ, ставшее чѣмъ-то въ родѣ конституціи древняго русскаго государства, не могло быть скоро уничтожено государствомъ, хотя послѣднее не могло не видѣть всего вреда отъ мѣстничества, но все-таки долго должно было довольствоваться только мѣрами ограниченія мѣстничества.

Къ мѣрамъ ограниченія мѣстничества принадлежитъ во первыхъ объявленіе «быть безъ мѣстъ», это бывало особенно во время войнъ, такъ бывало въ XVI ([185]) и въ XVII ст., но эта мѣра была безуспѣшна, потому что и послѣ объявленія быть безъ мѣстъ, челобитныя о мѣстахъ все-таки начинались, напр. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1816 году назначилъ по крымскимъ и ногайскимъ вѣстямъ воеводъ въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, у воротъ и сказано было: «быть безъ мѣстъ», но челобитныя о мѣстахъ между этими воеводами все-таки были ([186]). Въ 1632 г., во время литовской войны было объявлено быть безъ мѣстъ, «въ случаѣхъ тое службы не подавать» ([187]), тоже было при царѣ Ал. Мих. во время войны съ Яномъ Казимиромъ ([188]), но все таки во время этой войны встрѣчаемъ споры о мѣстахъ между воеводами (Д. Р. III, 479, 482; Доп. 90); при Ѳед. Ал. объявлено было «быть безъ мѣстъ» передъ турецкою войною (Разр. Кн. II, 1043).

При учрежденіи нѣкоторыхъ новыхъ, временныхъ должностей также объявлялось быть безъ мѣстъ, напр. въ 1621 г. «указано на Москвѣ писати и мѣрити всякихъ чиновъ людей бѣлыя и черныя мѣста, а писцомъ быть всѣмъ безъ мѣстъ» (Разр. Кн. I, 768). Объявлялось быть безъ мѣстъ также при особенныхъ придворныхъ церемоніяхъ: при коронаціяхъ, напр. ц. Михаила, «для царскаго вѣнца во

([185]) Валуевск. Разр. 35, 36.
([186]) Дворц. Разр. I, 228, 229.
([187]) Ibid. II, 298.
([188]) Ibid. III, 378.

всякихъ чинѣхъ быть безъ мѣстъ» (Дв. Разр. I, 96), царя Алексѣя—«на его государевѣ поставленьѣ быть безъ мѣстъ» (ib. III, 17); на царскихъ свадьбахъ—Михаила: «быть на государевѣ радости безъ мѣстъ», для укрѣпленья этого постановленія велѣно подписать указъ думнымъ дьякамъ и приложить къ нему государеву печать, но мѣстническіе счеты всетаки начались (ib. I, 639—642),—Алексѣя (ibid. III, 85); на крестинахъ царевны: ц. Ѳед. Ив., по случаю крестинъ своей дочери, Ѳеодосіи, «пожаловалъ бояръ всѣхъ и окольничихъ звалъ ѣсть къ себѣ, а сидѣть вамъ безъ мѣстъ» (Вал. Р. 120); при встрѣчѣ возвращавшагося изъ польскаго плѣна отца царя Михаила, Филарета (Дв. Р. I, 396); при встрѣчѣ принца Вольдемара (ib. II, 721); на царскомъ обѣдѣ, въ присутствіи патріарха, грузинскаго, касимовскаго и сибирскаго царевичей (ib. III, Доп. 90).

Въ противоположность стремленію служилыхъ людей распространять число мѣстническихъ случаевъ, правительство ограничивало ихъ, запрещая навсегда, а не по какому нибудь особенному временному обстоятельству, поднимать мѣстническіе счеты при занятіи нѣкоторыхъ мѣстъ. Въ 1550 г. царь вмѣстѣ съ митрополитомъ и со всѣми боярами приговорилъ: «а передовой полкъ да сторожевой полкъ менши одного въ большемъ полку большего воеводы, а до правой руки и до лѣвой руки, и въ болшомъ полку до другого воеводы дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣстъ» (Акты Историч. I, 252). Но этотъ законъ не имѣлъ силы, вопреки ему мы встрѣчаемъ мѣстническіе споры и между тѣми воеводами, которые по этому закону должны быть безъ мѣстъ, это видно изъ представленнаго нами перечисленія споровъ между воеводами по Валуевской Разр., которая начинается съ 1559 г., слѣдовательно всѣ эти случаи были послѣ законоположенія 1550 года. Этотъ законъ былъ повторенъ въ XVII ст. и имѣлъ такую же участь. «Царь Мих. Ѳед., совѣтовавъ съ отцемъ своимъ, патр. Филаретомъ и съ боярами приговорили: которымъ боярамъ и воеводамъ и дворянамъ велитъ Государь быть на своей государевой службѣ на три полка, и боярамъ быть на государевой службѣ, по прежнему государскому уложенію, какъ было при дѣдѣ его Гос. Ц. и в. кн. Ив. Вас. и при дядѣ его, Гос. Ц. и в. кн. Ѳед. Ив.: большаго полку другому воеводѣ до передоваго и сторожеваго полку до первыхъ воеводъ дѣла и счету нѣтъ; а передоваго и сторожеваго пер-

вымъ воеводамъ до большаго полку другаго воеводы по томужъ дѣла нѣтъ. Также и передовому полку до сторожеваго, а сторожевому до передоваго полку межъ себя дѣла и счету нѣтъ » (Дв. Р. I, 442). Это постановленіе было сдѣлано 9 апрѣля 1620 г., а 13 апрѣля первый воевода сторожеваго полка билъ челомъ на перваго воеводу передоваго полка, отвѣтомъ на это челобитье было напоминаніе, что передовому полку и сторожевому велѣно быть безъ мѣстъ (ib. 443—445); потомъ, вопреки этому закону, постоянно являются подобныя челобитныя ([189]). При назначеніи впослѣдствіи воеводъ по городамъ, а не по полкамъ, объявлено быть безъ мѣстъ (Дв. Разр. II, 625, 626), но споры и мѣстническіе счеты все-таки начались.

Съ цѣлью ограничить число мѣстническихъ случаевъ опредѣлено: «всегда болшой воевода меншому воеводѣ помогаетъ и въ томъ всегда мѣстъ не бываетъ» (ib. III, 184).

Запрещалось мѣстничаться съ воеводами княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ, пока они сами не станутъ воеводами, въ 1550 г. опредѣлено: «въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, а ходити на всякіе дѣла со всѣми воеводами, для вмѣщенія людемъ; и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ: которые будутъ впередъ въ боярѣхъ или въ воеводахъ, и они считаются по своему отечеству» ([190]). Но мы видѣли случаи мѣстничества съ воеводами не только головъ, но и простыхъ городовыхъ дворянъ, даже цѣлыхъ отрядовъ.

Постоянно объявлялось о бытіи безъ мѣстъ, по прежнему, объѣзжимъ головамъ въ Москвѣ ([191]).

Въ 1655 г. опредѣлено во всѣхъ государствахъ русскимъ посламъ и посланникамъ быть между собою безъ мѣстъ: «впередъ во всѣхъ государствахъ посломъ и посланникомъ быти безъ мѣстъ, и въ которое государство или и въ одно государство посланъ будетъ посолъ, а послѣ посланникъ или гонецъ: и посланнику до посла, а гонцу до посланника дѣла

---

(189) Дв. Разр. I, 502, 503, 544, 545, 584, 668, 670, 792, 896, 984; II, 48, 49, 123—125, 196, 268, 323, 324, 386, 451—453, 497—500, 530—532, 590.

(190) Акты Истор. I, стр 251.

(191) Разр. Кн. I, 198, 199, 520, 665, 724, 766, 1260, 1368.

нѣтъ, и тѣмъ имъ межъ себя не укоряться, и въ случаи не ставить и не подавать, и въ приводъ того не приводить» ([192]).

Въ 1679 г. запрещено считаться мѣстами посылаемымъ въ крестные ходы, для почести и охраненія святыхъ иконъ, изъ этого указа видно, что мѣстническіе случаи возникали изъ случаевъ, прежде не считаемыхъ такими: «и въ тѣхъ годѣхъ бывали многое время, межъ себя не считаяся въ отечествѣ; а послѣ того учали тѣ посылки, кому гдѣ по ихъ государскому указу быть доведется, ставить въ мѣста и въ случай и другъ на друга учали бить челомъ въ отечествѣ» ([193]).

Запрещалось, хотя безполезно, считаться мѣстами при объявленіи кому нибудь боярства или окольничества, такое запрещеніе было сдѣлано еще царемъ Борисомъ ([194]), но подобные случаи мы все-таки видѣли при царѣ Михаилѣ. 20 апрѣля 1620 г. царь приговорилъ: «сказывать боярство и окольничество большимъ, кто кого меньше въ родствѣ; а мѣстъ и счету въ томъ нѣтъ и порухи большимъ родамъ отечеству ихъ вь томъ не будетъ, кто кому меньши себя скажетъ боярство и окольничество». Но на другой же день, послѣ этого постановленія, когда царь пожаловалъ въ бояре Головина, Трубецкой билъ челомъ, что ему не пригоже сказывать боярство Головину. Царь объявилъ: «тутъ мѣстъ нѣтъ и старшій младшему сказываетъ». (Дв. Р. I, 506, 507). Впослѣдствіи, въ 1635 г. опять встрѣчаемъ челобитную по такому же поводу: угрожали Голицыну разореніемъ и ссылкою, если онъ не скажетъ боярства Рѣпнину, но Голицынъ говорилъ: «въ разореніи и ссылкѣ воленъ Богъ, да Государь, а ему кн. Петру боярства не сказывать», и настоялъ на своемъ, не сказалъ боярства (ib. II, 456, 457); и послѣ этого мы встрѣчаемся съ подобными случаями (ib. 567—569; III, 31, 32, 74, 75). Изъ этого видно, какъ упорно мѣстничество держалось своихъ убѣжденій и какъ государство было безсильно сломить это упорство.

Московскіе цари, не имѣя возможности уничтожить мѣстничество и желая оградить отъ мѣстническихъ счетовъ,

---

([192]) Полн. Собр. Зак. т. I. стр. 371.

([193]) Полн. Собр. Зак. т. II, стр. 218.

([194]) Валуевск. Разр. 151, 155.

свою родню, часто уступавшую другимъ по этимъ счетамъ, объявляли быть безъ мѣстъ съ кѣмъ нибудь, по родству съ собою.

Когда кн. Трубецкой билъ челомъ, что ему съ Иваномъ Никитичемъ Романовымъ быть невмѣстно. «И Государь сказалъ Трубецкому: вѣдомо твое отечество предъ Иваномъ, мочно ему тебя менши быть; а нынѣ тебѣ быть для того, что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ» (Дв. Р. I, 97).

Къ числу мѣръ ограниченія мѣстничества можно причислить и призваніе къ замѣщенію служебныхъ мѣстъ людьми неродословными, которымъ, какъ мы уже говорили, не давали суда и счета съ людьми родословными.

Іоаннъ Грозный, говоритъ С. М. Соловьевъ, первый нанесъ сильный ударъ аристократическому чувству, подаривъ своею довѣренностію людей низкаго происхожденія, «которыхъ отцы, пишетъ Тетеринъ къ Морозову, вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ» (Курбск., стр. 374). Послѣ это чувство не переставало быть оскорбляемо: во время междоцарствія Болотниковъ сталъ воеводою, Андроновъ спорилъ съ Салтыковымъ о довѣренности Сигизмунда, о вліяніи на дѣла Москвы; наконецъ при новой династіи Языковы, Милославскіе, Матвѣевы, Хитровы могли достигнуть первыхъ степеней въ государствѣ». (Моск. Сбор. 296).

О томъ, что люди неродословные призывались къ службѣ съ цѣлью ограничить мѣстничество, однажды отъ имени государя заявилъ разрядный думный дьякъ: «государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меншихъ статей выбирать къ чему было и недостойны такіе» (Дв. Р. I, 576). Но эта мѣра ограничить мѣстничество не достигла цѣли, потому что неродословные люди, допущенные къ высшимъ мѣстамъ, не могли не увлечься мѣстничествомъ, которое лежало въ самой природѣ русскаго человѣка, на это жаловались родословные люди: «доселѣва де, говорили Ромодановскіе, такіе дѣтишка боярскіе на насъ не бивали челомъ; и называли Ромодановскіе Левонтьевыхъ коновалами», отказывались идти съ ними на судъ, заявляя, «что Левонтьевы, неродословные, мелкіе, городовые дѣти боярскіе, коширеня. А неродословнымъ людемъ съ нами родословными людьми и счетъ николи не бывалъ, да и въ разрядѣхъ государевыхъ они не нахаживалися, сы-

скать ихъ не почему» (Дв. Р. I, 573, 576, 577). Думный дворянинъ жалуется на разряднаго дьяка и говоритъ: «а прежъ сего дьяки на нихъ думныхъ людей не бивали челомъ» (ib. III, 471); окольничій жалуется на думнаго дьяка и говоритъ: «а прежде сего на окольничихъ думные дьяки не бивали челомъ» (ib. 375). Въ 1613 г. говорилъ думный дьякъ передъ боярами: «Ѳедоръ! билъ челомъ на тебя Исакъ Погожей и Исаку мочно быть съ тобою, а ты Исакъ билъ челомъ не дѣломъ на Ѳедора, а доселева такіе неродословные люди, дѣти боярскіе, на такихъ, на родословныхъ людей, не бивали челомъ и государя тѣмъ не кручинивали» (ib. I, 119, под. 139, 140).

Стремленіе къ мѣстничеству было такъ сильно, что оно встрѣчается даже не только между неродословными и родословными, но и между неродословными съ обѣихъ сторонъ: въ 1623 г. царь принималъ персидскаго посла, при этомъ рындами были назначены стряпчіе Телепневъ и Ларіоновъ, второй сталъ бить челомъ на перваго и говорилъ, что отецъ его былъ сынъ боярскій, служилъ въ Дмитровѣ, а отецъ Телепнева былъ изъ подъячихъ. Царь указалъ быть Ларіонову съ Телепневымъ—«а быть ему съ нимъ пригоже, потому что отецъ Телепнева былъ у государя думный дьякъ посольской, а его отецъ рядовой дьякъ, а се они оба люди неродословные и счету имъ нѣту: гдѣ государь велитъ быть, тотъ такъ и будь» (ib. I, 575).

И такъ мѣстничали и тѣ, которые призывались замѣнить привыкшихъ къ мѣстническимъ спорамъ и счетамъ, а съ другой стороны эта замѣна въ разрядахъ родословныхъ неродословными разжигала и питала въ первыхъ особенно сильное упорство. Въ 1667 г. билъ челомъ государю Матв. Степан. Пушкинъ, что ему нельзя провожать польскихъ пословъ къ отвѣту, потому что въ отвѣтѣ съ ними назначено быть боярину Аѳ. Лавр. Ордину-Нащокину, съ которымъ ему быть невмѣстно. Нащокинъ въ свою защиту указывалъ, что прежде тутъ мѣстъ не бывало и нынѣ нѣтъ, тогда Пушкинъ сказалъ: прежъ сего съ послами бывали честные люди, а не въ его Аѳонасьеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало». Царь подтвердилъ, что «тутъ мѣстъ не бывало, нынѣ нѣтъ и впредь не будетъ»; но Пушкинъ все-таки не ѣхалъ на посольскій дворъ, ему объявили, что такъ какъ онъ своимъ непослушаніемъ «учинилъ государеву дѣлу мно-

гое мотчанья», то государь указалъ и бояре приговорили посадить его въ тюрьму, а въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія быть ему въ «великомъ разореніи». Пушкинъ на это отвѣчалъ: «что ему съ Аѳонасьемъ отнюдь не бывать, хотя вели государь казнить смертью, не только разорить или вотчины и помѣстья на себя государя отписать, а Аѳонасей Нащокинъ передъ нимъ человѣкъ молодой и неродословной». Тотчасъ по заключеніи Пушкина въ тюрьму, его выпустили изъ нея, слѣдовательно ограничились только угрозою, а Пушкинъ настоялъ на своемъ «въ приставѣхъ у пословъ не былъ, а былъ болѣнъ» (ib. III, 679—685).

Для прекращенія мѣстническихъ споровъ правительство прибѣгало и къ уловкамъ, напр. если посылаемый къ нѣсколькимъ воеводамъ, билъ челомъ на одного младшаго изъ нихъ, тогда приказывалось обозначать въ грамотахъ только старшаго воеводу «съ товарищи», не называя ихъ по именамъ. «А грамоты писаны отъ государя воеводамъ кн. Ив. Мих. Воротынскому съ товарищи, наказъ большой о походѣ данъ кн. Ивану съ товарищи же, а меньшой наказъ тайно данъ тремъ воеводамъ, кн. Ив. Мих. Воротынскому, да Ив. Мих. Бутурлину, да кн. Дм. Ив. Хворостинину». Такъ обозначено въ Новиковской Разр., подъ 1583 г. ([195]). Подобную политику мы видимъ и въ XVII ст., но этимъ челобитчики не всегда удовлетворялись ([196]).

Иногда правительство, не разводя челобитчика съ отвѣтчикомъ, оставляя ихъ вмѣстѣ, давало обезпеченіе, что это не должно впослѣдствіи служить доказательствомъ меньшинства одного изъ нихъ передъ другимъ; это записывалось въ разрядѣ ([197]).

Чтобы не разводить противниковъ вслѣдствіе челобитной, до окончанія возлагаемаго на нихъ общаго порученія, опредѣлялось оставаться вмѣстѣ, «а какъ служба минетъ, судъ дадутъ ([198])», по возвращеніи, напр. со съѣзда съ чужеземными послами (Д. Р. I, 187), послѣ свадьбы царевича Михайлы Кайбуловича, бывшей поводомъ къ спору (ib. 539),

---

([195]) Вивліоѳика, XIV, 428

([196]) Дв. Разр. I, 280, 281; II, 477; Разр. кн. I, 85, 354, 411.

([197]) Дв. Р. I, 278, 279.

([198]) Валуевск. Разр. 47, 48, 51, 75, 83, 84, 92, 94, 111, 142; Дв. Р. I, 174, 550, 897; II, 48, 49, 274; Разр. кн. I, 559, 894.

«чтобъ въ приставѣхъ у пословъ былъ, а опослѣ государь велитъ въ отечествѣ судъ дать» (ib. 868).

Къ мѣрамъ ограниченія мѣстничества принадлежатъ и наказанія за особенное упорство, непослушаніе царскимъ приказаніямъ и явную незаконность мѣстническихъ притязаній. Такими наказаніями были тюрьма, конфискація имущества, отобраніе на государя помѣстій и вотчинъ, битье кнутомъ или батогами, ссылка, напр. на Лену (Дв. Р. III, 479), пониженіе чиномъ, царская опала. Послѣднее наказаніе распространялось и на невинныхъ родичей виноватаго, напр. царь Ал. Мих. подвергнулъ Собакина за мѣстническое челобитье опалѣ: «не велѣлъ ему быть у себя государя въ комнатѣ и дѣтямъ его Василью и Григорію» (ib. 287). Въ числѣ наказаній за незаконное мѣстническое притязаніе встрѣчается и «лаянье» виновнаго отъ имени государя. Въ 1583 г. царь прислалъ въ Новгородъ дворянина, а велѣлъ за то Панкратья лаять, что билъ челомъ не по дѣлу; а велѣлъ на Панкратьѣ доправить за прогоны 30 рублей» (Валуевск. Разр. 83).

XVI. Въ 1682 г. мѣстничество было уничтожено, иниціативу къ этому подали сами выборные изъ служилыхъ людей, собравшіеся подъ предсѣдательствомъ кн. Вас. Вас. Голицына для обсужденія новаго ратнаго устава, они въ заключеніе своихъ представленій о необходимыхъ реформахъ въ устройствѣ ратной службы сказали: «а для совершенной въ его государевыхъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенья, указалъ бы государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ и всѣмъ чинамъ быти у всякихъ дѣлъ межъ себя безъ мѣстъ» ([199]).

Но какъ могло быть уничтожено мѣстничество, про которое можно сказать, что оно было въ полной силѣ наканунѣ своего уничтоженія, почему противъ него подали свой голосъ сами служилые люди? Конечно, первая иниціатива хотя и невидимая изъ сохранившагося дѣла объ уничтоженіи мѣстничества, была отъ царя; а служилые люди, изъявляя желаніе объ уничтоженіи мѣстничества, преслѣдовали свои личные интересы, потому что мѣстничество лишало ихъ возможности подниматься по лѣствицѣ служебныхъ должностей и чиновъ, здѣсь ихъ останавливала служебно-родовая знать, ко-

([199]) Собр. Гос. Гр. и Дог. IV, 130; Полн. Собр. Зак. № 905.

торая не хотѣла быть съ ними вмѣстѣ. Противъ мѣстничества явно, на соборѣ, заявилъ себя самъ царь, который жаловался на пагубныя послѣдствія мѣстничества; съ царемъ согласился весь церковный соборъ, представитель котораго, патріархъ, благословилъ царя на уничтоженіе мѣстничества: противъ такихъ враговъ мѣстничества знать, которая особенно много теряла съ уничтоженіемъ мѣстничества, была безсильна, она не могла опровергнуть пагубныхъ для государства послѣдствій мѣстничества, ничего не могла представить въ защиту его. Справедливо замѣчаетъ по поводу уничтоженія мѣстничества г. Соловьевъ, что при случаѣ отстаивали свою родовую честь, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное никому возстать было нельзя. «Не уничтожили мѣстничества прежде, говоритъ г. Соловьевъ, потому что для всего въ исторіи есть свое время, вѣковой родовой обычай существовалъ до столкновенія съ высшею государственною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, до поворота къ чужому, западному: на сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родоваго союза—этого подмѣтить нельзя, но обратно уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, какой въ низшихъ слояхъ былъ нанесенъ подушнымъ окладомъ (200)».

Прибавимъ въ заключеніе, что мѣстничество сроднилось съ природою русскаго человѣка и выражалось вездѣ, въ обыденныхъ явленіяхъ жизни, напр. въ частныхъ собраніяхъ на пиры, тамъ споры о мѣстахъ порождали даже убійства. Въ словѣ «о корчмахъ и о пьянствѣ» говорится: «такоже и душегубьство во пьяньствѣ: преже бо пріидутъ на пиръ и всякъ восхощетъ сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядетъ на нижнемъ мѣстѣ, и доколѣ трезвъ молчитъ, а ненавидитъ сѣдяща въ честнѣ мѣстѣ и прежъ положитъ гнѣвъ въ сердцы, и егда напіется иступленъ ума бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мещетъ нань злыя рѣчи; и аще сей претерпитъ, онъ же паки съ досажденіемъ глаголетъ ему. И той убо такоже отъ піяньства не умолчитъ, и бываетъ брань; и потомъ единъ единаго ножемъ заколаетъ (201)».

(200) Исторія Россіи т. XIII, стр. 322, 323.

(201) Въ Арх. Калач., кн. 2, полов. 2, извлеченіе изъ Златоуста, стр. 49.

Имѣя въ виду эту силу мѣстничества, можно повторить слова г. Погодина, который сказалъ по поводу уничтоженія мѣстничества и сожженія мѣстническихъ книгъ: «книги сгорѣли; но мысли, чувства, понятія не горятъ. Мѣстничество течетъ въ крови русскаго народа, оно естественное произведеніе его первоначальной исторіи, по порядку времени, оно проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется. Корень мѣстничества все еще держался въ сердцахъ заслуженныхъ родовъ. Мѣстничество уничтожено de jure, но продолжалось de facto, хотя и весьма ограниченное (202)».

Не имѣя возможности открыто отстаивать свои родовыя права, родословные люди подъ разными благовидными предлогами старались уклоняться отъ служебныхъ назначеній и мѣстъ, несогласныхъ съ понятіями о родовой чести; такъ въ 1686 г. былъ сказанъ указъ кн. Владиміру Долгорукову, что, по случаю пріѣзда польскихъ пословъ, его двумъ сыновьямъ велѣно быть въ рындахъ при государяхъ: «передъ посолскимъ пріѣздомъ посылано къ тебѣ многажды, чтобъ дѣти твои у того дѣла были; и ты дѣтей своихъ къ тому дѣлу не далъ и ухоронилъ, а сказалъ будто дѣти твои уѣхали для моленія въ Николаевскій монастырь на Угрѣшу. И по ихъ государскому указу при полскихъ послѣхъ былъ ты въ рындахъ въ четвертыхъ; да у тебя-жъ за то твое ослушанье отнята честь боярство, а у дѣтей чинъ (стольниковъ) и написаны з городами. А за такое твое упрямство и за высокомѣрство довелся ты конечно разоренья и большіе опалы (203)». Подобное представляетъ дѣло кн. Козловскаго въ 1691 г., изъ котораго видно, какъ онъ, отговариваясь болѣзнею, упорствовалъ сидѣть ниже Нарышкина (204).

Споры о мѣстахъ въ коллегіяхъ встрѣчаемъ и при Петрѣ I, въ 1719 г. былъ изданъ именной указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства членовъ Юстицъ-Коллегіи, по порядку обозначенія ихъ именъ въ сенатскомъ указѣ. Въ именномъ указѣ говорится: «за мѣста между совѣтниками всегда предусматривается быть изъ общаго ихъ неудовольства въ тѣхъ мѣстахъ по ихъ запросамъ, при настоящихъ Его-жъ Великаго Государя дѣлахъ безсоюзство и многія разности и

(202) Историч. Сборн. III, 280, 283.

(203) Временникъ V. Смѣсь, стр. 1.

(204) Историч. Сборн. V. 342—346.

напрасныя свары и противности»; указывается, что мѣстничество уничтожено: «именными Его Велик. Государя указы прежде бывшей мѣсто и случай древнихъ невмѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старые разряды вѣчно оставлены, а вмѣсто того славное безмѣстіе и прочность полезная на дѣла согласная, Его Вел. Гос. ради всякихъ настоящихъ интересовъ, учреждена». Все таки предполагается возможность будущихъ споровъ, по причинѣ старой памяти о мѣстничествѣ, поэтому угрожается за мѣстничество наказаніемъ: «а ежели кто ихъ нихъ совѣтниковъ, презря сей указъ, упоминая прежніе розрядные случаи и по всемѣрной отставкѣ тѣхъ преждебывшихъ мѣстъ и розрядныхъ споровъ отеческихъ за именными состоявшимися многими тѣми указы учнетъ мѣста тѣ, по особымъ своимъ прихотямъ, вновь вчинать не дѣльно, и тѣ преслушники именныхъ тѣхъ указовъ за тѣ свои ослушанія будутъ истязаны и наказаны (205)». Изъ этого указа видно, что подтвержденіе объ уничтоженіи мѣстничества повторялось въ нѣсколькихъ именныхъ указахъ.

Наконецъ замѣтимъ, что мѣстничества боялись даже во второй половинѣ XVIII ст., этимъ Валуевъ объясняетъ почему Миллеръ «не только перекрестилъ свои разряды въ записки (206), но даже не осмѣлился помѣстить, противъ обыкновенія всѣхъ ученыхъ изданій того времени, предисловія или предувѣдомленія о томъ, что за книга имъ изданная, откуда заимствована? и т. д. Опущеніе еще болѣе непонятное въ многоученомъ, добросовѣстномъ нѣмцѣ (207)».

Такъ долго жило мѣстничество въ воспоминаніяхъ и правахъ народа и послѣ офиціальнаго уничтоженія, угрожая собою требованіямъ государственнаго порядка.

(205) Полн. Собр. Закон. V, стр. 713, 714.

(206) Повседневныя Записки царей Мих. Ѳед. и Ал. Мих., напечат. при моск. унив. 1769 г.

(207) Синбирск. Сборн. є҃і и и҃і.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
